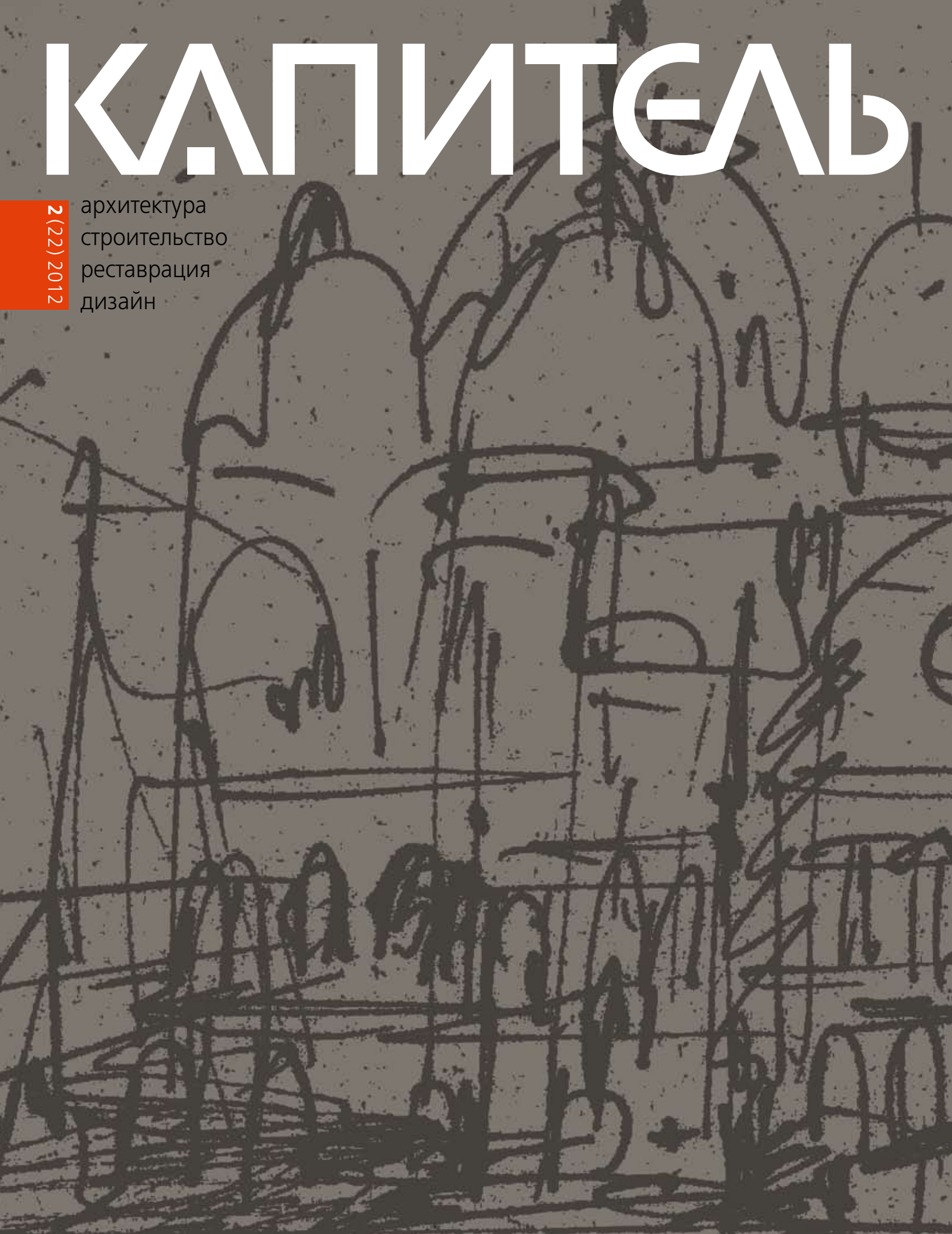
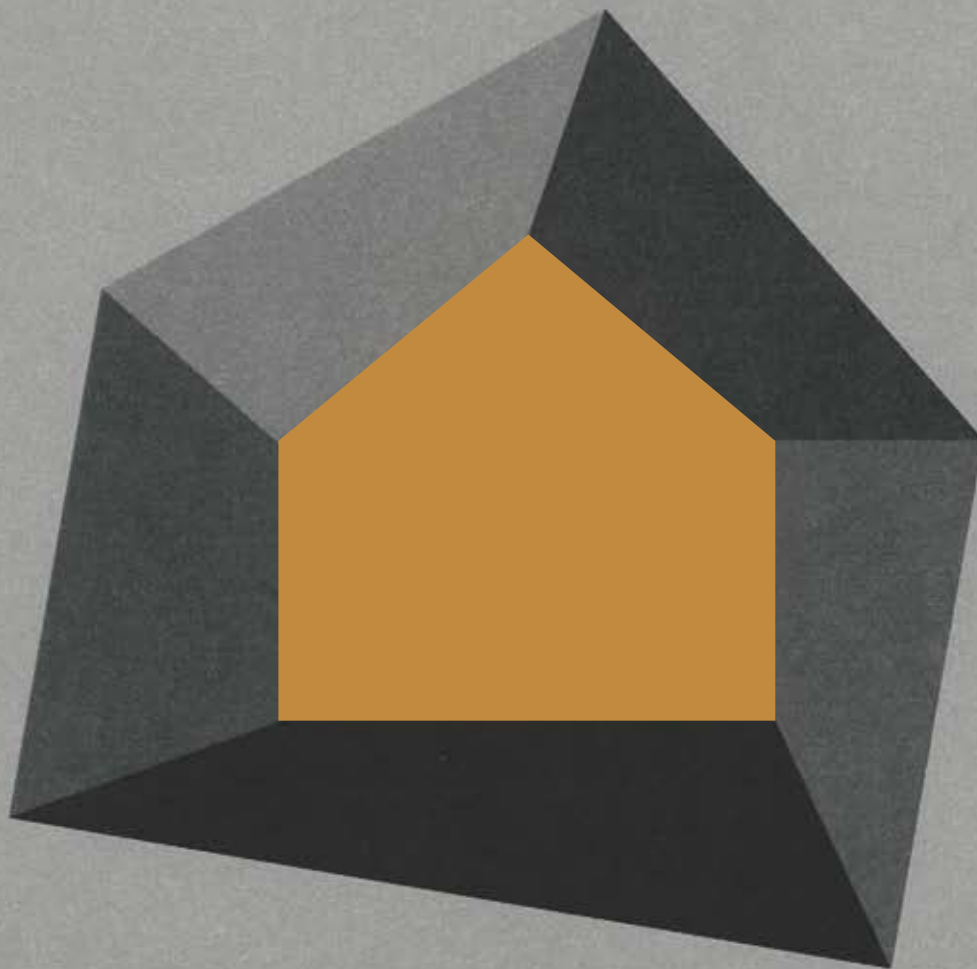

КАПИТАЛЪ

2 (22) 2012

архитектура
строительство
реставрация
дизайн

Международный фестиваль «Зодчество '12»

ДИПЛОМ

Награждается

Журнал «КАПИТЕЛЬ»

ООО «АРХСТУДИЯ-ДОМ»

г. Санкт-Петербург

КОНКУРС НА ЛУЧШЕЕ ПЕЧАТНОЕ ИЗДАНИЕ
ОБ АРХИТЕКТУРЕ И АРХИТЕКТОРАХ

Президент
Союза архитекторов России
А.В. Боков

Союз архитекторов России
Москва, 11-12 декабря 2012

Дорогие читатели!

Большинство материалов этого номера так или иначе связано с градостроительной темой. Получилось это отчасти спонтанно, но, подобно тому, как все дороги ведут в Рим, проблемы сегодняшней архитектуры по большей части ведут в ту зияющую дыру, на месте которой прежде жило градостроительство.

В свое время, после отмены «излишеств», многие архитектурные учреждения, учебные заведения, периодические издания и т. д. были переименованы сначала в «строительно-архитектурные», а затем просто в «строительные». Однако тогда строительство было в том числе, и даже в первую очередь, ГРАДОстроительством, урбанистика всецело доминировала над архитектурой.

Сегодня над архитектурой и урбанистикой довлеет просто строительство: заказчики, инвесторы, подрядчики и чиновники определяют облик нового Петербурга. Похоронив классическую градостроительную традицию, уйдя от теорий ортодоксального модернизма, они не спешат знакомиться и со свежими урбанистическими веяниями. «Новый урбанизм», идея «города для людей» в противовес «городу для машин», анализ социальных и психологических аспектов – все это пока является в России экзотикой, никак не связанной с арифметикой рынка.

Не желая оставаться пассивными наблюдателями, мы предлагаем нашим читателям несколько материалов, по-разному отзвучивающих на ноющую боль визуальной какофонии и социальной отчужденности современного города.

Архитектурные премьеры нашего города, острое интервью с Александром Сокуровым, печальная судьба исторического Екатеринбурга, градостроительная теория польского архитектора Марека Будзинского – эти и другие сюжеты читайте в этом номере.

Ирина Бембель

- 2** **пульс**
«Архитектон-2012»: о некоторых итогах.
Ирина Бембель
- 6** **город**
Фантазии на тему Леонтьевского мыса.
Андрей Черенков
- 16** **город**
Немое противостояние: об антиподах в петербургской архитектуре.
Иван Уралов
- 20** **город**
Среда обитания, или Что может архитектура.
Ирина Бембель
- 26** **город**
Интервью с Александром Сокуровым
- 30** **дом**
Строить, не уничтожая.
Федор Перов
- 38** **дом**
Две премьеры.
Ирина Бембель
- 50** **дом**
Итальянский «Маршал» на Октябрьском поле.
Ирина Бембель
- 56** **дом**
«Оранжевая революция» на зеленой траве.
Светозар Заварихин
- 60** **теория и практика**
Марек Будзинский: христианская философия урбанистики.
Ирина Бембель
- 70** **теория и практика**
Сюжеты будущего.
Сергей Алексеев
- 78** **теория и практика**
Агломерации.
Преемственность и новизна.
Сергей Митягин
- 82** **теория и практика**
Творческие работы студентов по курсу «Основы теории градостроительства и районной планировки».
Владимир Линов
- 86** **теория и практика**
Уместная новизна.
Олег Романов, Юрий Курбатов
- 90** **предместье**
Частная резиденция.
Антон Головин
- 96** **мир**
Астана как зеркало регионального урбанизма.
Светозар Заварихин
- 106** **мир**
Кельн.
Набережная в центре города.
Леонид Лавров
- 114** **человек**
Экологическая архитектура
Хасана Фатхи.
Мария Алексеева
- 120** **истоки**
Социалистический реализм: первый опыт в архитектуре Варшавы.
Ирина Бембель
- 130** **истоки**
Светлой памяти архитектора Марины Федоровой.
Архимандрит Александр (Федоров)
- 138** **истоки**
Торвальдсен и лев.
Ольга Русинова
- 142** **новые книги**
Первая монография об архитекторе Кекушеве.
Борис Кириков
- 144** **новые книги**
Архитектурная школа и феномен Петербурга.
Павел Чарушин
- 146** **новые книги**
О городах, где хорошо детям.
Ирина Бембель
- 150** **взгляд**
Рисование как путь становления архитектора.
Вячеслав Ухов

«Архитектон-2012»: о некоторых итогах

Текст: Ирина Бембель

Члены жюри нынешнего «Архитектона» признавались, что им нелегко было выбрать главного победителя. Основными конкурентами в борьбе за ценный приз оказались троица современных башен «Токио» Феликса Буянова и исполненный исторических ссылок красавец-дом Михаила Мамошина.

Можно предположить, что решающую роль в колебании чаши весов сыграла подавленная тоска наших зодчих по качественной, полноценной современной архитектуре, которая преобразила бы наши окраины, лишила их комплекса неполноценности и негласного статуса «свалки проектно-строительных отходов». Действительно, элегантные и графически заостренные башни «Токио» представляют собой редкий для многоэтажек (не только у нас в городе) пример внимательного и исполненного удовольствия архитектурного рисования, лишённого при этом исторических аллюзий. И все же «спасти» банальный спальный район им не удалось: если на конкурсном планшете трио выглядит как цельная композиция, то в натуре, в окружении близкой по масштабу хаотичной массовой застройки, оно неизбежно теряется, лишившись столь необходимой для любой качественной вещи «подачи», иными словами – градостроительного аспекта восприятия. И в итоге не столько радостно за новый район, сколько обидно за действительно хорошую работу студии «Б2», которой выпало несчастье поселиться в таком соседстве.

Совсем иную ситуацию демонстрирует «Таврический» дом. Здесь перед автором стояла задача вписать новую постройку в сложившуюся гармоничную и отлаженную систему исторического города. Стиль дома – это характерный для его автора модернизированный («супрематический») северный модерн: именно на пересечении этих, казалось бы, враждебных стилевых явлений и родился в свое время архитектор Михаил Мамошин. Адаптировать традицию к современности, перевести историческую стилистику на язык сегодняшних материалов и технологий, наконец, на язык сегодняшнего мышления – над решением этой задачи он работает на протяжении многих лет. За это время он вступал в напряженный творческий диалог с различными стилевыми пластами нашего города, но северный модерн как первая и наиболее сильная любовь отчетливо доминирует в его биографии. И хотя любовь по природе субъективна, все же очевидно, что модерн выбран архитектором как одно из двух важнейших (наряду с классицизмом) воплощений идентичности нашего города. Вторая, более приглушенная составляющая в симбиотическом почерке Михаила Мамошина – воспринятый на студенческой скамье через Лазаря Хидекеля супрематизм – прекрасно помогает адаптации чувственного модерна к холодному образному строю современной архитектуры. Можно проследить

и обратную связь: рационалисту и логику по складу мышления, каковым воспринимается Михаил Мамошин, модерн интуитивно необходим как стихийная, иррациональная составляющая творческого процесса, где точкой сцепления служит талант мастера. Именно в этом «силовом поле», в контакте с исторической застройкой, как представляется, состоялись наибольшие творческие удачи архитектора, и «Таврический», несомненно, – одна из них. Здесь автор демонстрирует зрелое, уверенное, раскованное мастерство в решении давно определенных для себя задач.

Однако вернемся к урбанистическому аспекту. Вставить новый камень в то драгоценное кольцо, которое представляет собой исторический центр Петербурга, – задача рискованная и в высшей степени ответственная, но все же выполнимая при достаточном мастерстве «ювелира». А вот вставлять бриллианты в пластиковую бижутерию – дело заведомо неблагодарное. В этом смысле вопрос о том, где легче строить – в историческом городе или на периферии, – предстает в новом аспекте. И здесь весьма показательны эксперименты того же Михаила Мамошина со стилистикой модерна (а также классицизма и т.д.) в новых районах. Утратив органично присущий ему масштаб, лишившись детали, рукотворности, многоэтажный «супрематический неомодерн» (безусловно, интересный с точки зрения абстрактного формотворчества) не только не очеловечивает депрессивные районы а-ля Купчино, но, пожалуй, вносит еще больший хаос, заставляя тосковать о простой и логичной типовой застройке времен застоя с ее человеческим масштабом и обилием зеленых зон.

Итак, если думать о создании новой, качественной и гуманной, петербургской среды – строить на неосвоенных территориях гораздо труднее в существующих реалиях нашей рыночной системы. Здесь мало индивидуального мастерства: здесь требуется градостроительная воля властных структур, изменение нормативов, изменение планировочного мышления. Требуется изменение самой идеологии новых районов, предполагающее уважение к будущим жителям – петербуржцам, а не люмпенам без роду и племени...

Очевидно, неслучайно среди победителей «Архитектона-2012» нет работ в сфере петербургского градостроительства, за исключением прекрасной дипломной работы Александры Шейнер, взявшейся за разработку депрессивной зоны Васильевского острова. А жаль. Это то, в чем наш динамично развивающийся город нуждается больше всего.

Жилой комплекс «Токио»
(Мебельная ул., 35).
Авторский коллектив:
руководитель – Ф. Буянов,
главные архитекторы проекта:
Н. Плотников, И. Русина,
С. Шустерман; архитекторы:
М. Кузьминская, С. Тамбовцева

Жилой дом «Таврический»
(пр. Чернышевского, 4).
Авторский коллектив:
руководитель –
М. Мамошин; архитекторы
А. Богатырева, А. Иванов,
при участии П. Верякина,
А. Федченко и К. Чистякова;
инженеры: И. Петров,
И. Туркин

Проект жилого комплекса
на Васильевском острове.
Александра Шейнер, выпускница
Санкт-Петербургского
государственного академического
института живописи, скульптуры
и архитектуры им. И.Е. Репина,
мастерская В.О. Ухова

Фантазии на тему Леонтьевского мыса

Журнал «Капителъ» провел конкурс молодых архитекторов
«Среда обитания XXI века»

текст: Андрей Черенков

Журнал «Капителъ» при поддержке Союза архитекторов Санкт-Петербурга, клуба партнеров союза архитекторов Санкт-Петербурга и компании «Л1» провел архитектурный конкурс «Среда обитания XXI века». Фестиваль «Артерия» в 2012 году не проводился, и этот конкурс стал единственным в Петербурге масштабным творческим состязанием молодых архитекторов.

В качестве темы конкурса был предложен выбор наиболее удачного архитектурного решения по теме «Застройка и благоустройство территории Леонтьевского мыса». Участники (молодые архитекторы, студенты архитектурных и художественных вузов, дизайнеры, а также представители любых других творческих специальностей в возрасте до 35 лет) должны были разработать проект благоустройства и озеленения набережной и прилегающей к зданиям территории с организацией зон отдыха для взрослых и детей, элементов благоустройства, спортивных площадок, малых архитектурных форм, организовать пирсы для маломерных судов, вертолетную площадку. Предлагалось предусмотреть декоративную подсветку территории с использованием современного осветительного оборудования. По условиям конкурса приветствовались концептуальные предложения по оформлению и цветовому решению фасадов комплекса с организацией художественной подсветки, применение современных инновационных технологий и материалов.

Оценку представленных проектов осуществляло жюри в составе:

Ф.В. Буянов, архитектор
А.С. Головин, архитектор
Ю.П. Груздев, архитектор
Л.В. Канунникова, начальник управления КГА
Ю.А. Карпенко, «Сарос»
Ю.И. Курбатов, доктор архитектуры, профессор СПбГАСУ
Ю.К. Митюрёв, главный архитектор Санкт-Петербурга
С.В. Падалко, архитектор
О.С. Романов, архитектор, президент СПб СА

Г.Б. Соколов, архитектор
Д.Э. Штеллер, начальник департамента проектирования ООО «Л1-строй»
И.А. Юсупов, архитектор
С.А. Яшенков, «ЦинкоРус»

В ходе конкурса организаторы провели круглые столы с участием ведущих петербургских зодчих, специалистов в разных областях архитектуры, представителей организаций – партнеров конкурса, компаний – разработчиков технологий, производителей материалов и оборудования в проектной сфере, общественности. Шла живая дискуссия о проблемах градостроительства, благоустройства и современной архитектуры Санкт-Петербурга.

Перед конкурсантами выступали президент Союза архитекторов Санкт-Петербурга О.С. Романов, начальник управления ландшафтной архитектуры Комитета по градостроительству и архитектуре Санкт-Петербурга Л.В. Канунникова, начальник управления ландшафтного дизайна Государственного Русского музея Е.О. Штиглиц, начальник департамента проектирования строительной компании «Л1» Д.Э. Штеллер, руководитель архитектурной мастерской «Архстудия» Г.Б. Соколов, руководитель СПб представительства компании «САРОС» Ю.А. Карпенко, руководитель СПб представительства компании «ЦИНКОРУС» С.А. Юшенков, архитекторы Олег Манов, Илья Филимонов, Илья Юсупов и многие другие.

Выставка представленных работ проходила в Каминном зале Дома архитекторов в течение октября 2012 года. Результаты конкурса были объявлены в каминном зале Дома архитектора 26 октября.

Жюри подводило итоги в режиме автономности и анонимности: авторы проектов были «спрятаны» за кодами, а мастера принимали решение самостоятельно, не обсуждая проекты с коллегами.

В результате призовые места были распределены следующим образом:

- 1-е место – Ирина Картун, Екатерина Янанец (ООО «Архстудия»)
 - 2-е место – Александр Родин, Ольга Кошкина (ООО «Интарсия»)
 - 3-е место – Алина Черейская, Степан Кухарский (фриленс)
- Дипломы:

- Денис Соколов (архитектурная группа «Градиент»)
- Никита Мороков, Николай Стебляков (СПбГАСУ, 4-й курс)
- Олег Федоров (архитектурная мастерская Романова), Юлия Семенская (СПбГАСУ, старший преподаватель)

Официальный группа: <http://vk.com/spbfuture>

1 место – Ирина. Картун,
Екатерина Янанец
(ООО «Архстудия»)

2 место – Александр Родин,
 Ольга Кошкина
 (ООО «Интарсия»)

3 место – Алина Черейская,
 Степан Кухарский (фриленс)

Диплом – Денис Соколов
(архитектурная группа «Градиент»)

Диплом – Никита Мороков,
 Николай Стебляков
 (СПбГАСУ, 4 курс)

Концепция застройки и благоустройства **Леонтьевского мыса**

Частичка ландшафта с бассейном

Эксплуатационная крыша с бассейном

Зона отдыха

Ночная подсветка

Индивидуальный код: КМХ019

“ЗЕЛЁНЫЕ ПАРУСА”

“Чужеса делаются своими руками.” А. Триш

АРХИТЕКТУРНЫЙ ЗАМЫСЕЛ:

Основной этап проекта “Зелёные паруса” – концептуальное проектирование в сфере эко-инноваций. Мы считаем, что использование энергии, произведённой на возобновляемых источниках – новейшего направления в архитектурной деятельности – в наши дни имеет огромный потенциал. Прогнозируемое развитие жилищного строительства в “Зелёном городском поясе” и экологической концепции.

В здании в виде оптического луча с двух сторон “паруса” расположены оптические кинематографические, аудиовизуальные экраны и экраны, благодаря которым производится так и вырабатывается электричество. Вертикальные конструктивные направления кадры расположены под наклоном, благодаря чему создаётся иллюзия движения экранов, а поперечными линиями обобщённая форма “паруса” выделена для использования в роли знака.

В “парусах” реализованы индивидуальные планы этажей, которые обеспечивают максимальное количество квартир, на основе которых созданы “паруса”. Интерактивные экраны обобщённой фасада с возможностью изменения пространства обеспечивают возможность выбора от изменения уровня звуков, либо находясь дома с солнечным светом. На выходящих на воду ребра “парусов” имеют особую структуру, способную регулировать температуру, обладающие минимальными показателями впитывания и шума. Их высота зависит от скорости ветра, создавая тем самым динамику.

T45POX

Ситуационный план

План кровли, М 1:400

Фасады, М 1:400

Ситуационный план

ФАСАДЫ СЕКЦИОННЫХ ДОМОВ:

Фасады секционных домов обладают специфичными светопрозрачными панелями, обеспечивая уют и комфортность своего жилья. Для них разработаны 3 режима: режим обзора внешнего вида и света, режим защиты от солнечного УФ-излучения и максимальная энергосберегающая.

В режиме защиты жителей здания получают защиту от жары и вредного света. Благодаря чему достигается максимальная энергоэффективность здания. Далее, по плану этажей, можно увидеть, что панели имеют возможность регулировки. Одновременно осуществляется защита от солнечного излучения.

Режим защиты от УФ-излучения, в северном направлении в сторону Солнца происходит трансформация энергии солнечного света благодаря встроенным прозрачным фотоэлектрическим элементам.

РЕШЕНИЯ КРОВЕЛЬ:

В здании на кровле предусмотрена установка водонепроницаемых ступенчатых стоек в сторону парковки Майка Новак. Водонепроницаемые ступенчатые стойки имеют сложную форму, которая позволяет им выдерживать нагрузку. В здании в Северной половине кровля имеет сложную форму и возможность регулирования (возможность) на изменение, позволяющая не изменять, но обеспечивать максимальную эффективность (для защиты жителей от жары). Это позволяет выдержать нагрузку для жилого дома и, помимо, защитить здание от жары и шума.

Генеральный план, М 1:1000

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ПЛАН

Основной задачей является проектирование комплекса зданий, который будет включать в себя жилые дома, школы, детские сады, спортивные площадки, парки и зоны для отдыха. Проект предусматривает создание современной инфраструктуры, отвечающей требованиям экологичности и устойчивого развития. Планировка территории осуществляется с учётом принципов функционального зонирования и обеспечения максимальной эффективности использования земельных ресурсов. Проект предусматривает создание современной инфраструктуры, отвечающей требованиям экологичности и устойчивого развития. Планировка территории осуществляется с учётом принципов функционального зонирования и обеспечения максимальной эффективности использования земельных ресурсов.

Санкт-Петербург

РОССИЙСКИЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

МРАМОРНЫЙ ЗАЛ

Инженерная улица д. 4/1

АРХИТЕКТУРА ПЕТЕРБУРГА 2013

2-8
апреля

ВЫСТАВКА ЛУЧШИХ ПРОЕКТОВ И ПОСТРОЕК

ЛЕКЦИИ ВЕДУЩИХ РОССИЙСКИХ И ЗАРУБЕЖНЫХ
ЛЕКТОРОВ, ПРЕЗЕНТАЦИИ АРХИТЕКТУРНЫХ
ПУБЛИКАЦИЙ, КИНОПРОГРАММА

Организаторы:

Объединение архитектурных мастерских
(812) 571 4557,
www.oam.su

pro arte

Фонд «ПРО АРТЕ» (812) 233 0553, 233 0040,
www.proarte.ru

При участии Государственного музея архитектуры имени А.В. Щусева

Информационная поддержка:

Ключ

проект балтия
project baltia

проект
россия/
project
russia

room:

TATLIN

КАПИТЕЛЬ

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

MONUMENTALITÀ & MODERNITÀ

КЛАССИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ В АРХИТЕКТУРЕ
И ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ ИСКУССТВЕ
НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ

О Р Г А Н И З А Т О Р Ы :

КАПИТЕЛЬ

Архитектурно-
строительный
журнал

Совет
по архитектурному
и историческому
наследию

Европейский
университет
Санкт-Петербурга

Санкт-Петербургский
государственный
архитектурно-
строительный
университет

После годовой паузы в Санкт-Петербурге возобновляется проект MONUMENTALITÀ & MODERNITÀ. В этот раз организаторы предлагают рассмотреть всю совокупность обращений к классической традиции в архитектуре и изобразительном искусстве на протяжении последнего, почти векового отрезка времени. Таким образом, в зону внимания попадают не только монументальный стиль 1930-х, но и постмодерн второй половины XX века, и современные обращения к традиции в поисках альтернативы модернистскому мейнстриму... Организаторы надеются, что такое расширение кругозора поможет проследить закономерности бытования классической традиции в Новейшее время и осмыслить ее роль в меняющемся мире архитектуры и изобразительного искусства.

Конференция намечена на 22-24 мая 2013 года. К участию приглашаются как искусствоведы, архитектурные историки и аналитики, так и практикующие архитекторы, градостроители и художники.

Заявки на участие с тезисами объемом 2 000 знаков принимаются до 15 марта по адресам:

ibembel@yandex.ru ■ bass@eu.spb.ru

Немое противостояние: об антиподах в петербургской архитектуре

Текст: Иван Уралов

Архитектурные образы значительных сооружений можно воспринимать как послания, обращенные одновременно к личности и к обществу, как своеобразные тексты, передающие определенные смыслы.

Исстари русский пейзаж был пронизан визуальными связями через своеобразные маяки – доминанты храмов и монастырей, кремлей и крепостей, не только являвшихся ориентиром, приметой места, но и наполнявших глубоким духовным содержанием и движение, и предстояние человека в бескрайних просторах русской природы.

Среди холмов, лесов, полей и рек земного человека – путника, хлеба-роба или война – сопровождали зримые образы Бога и Отечества, воплощенные в объектах архитектуры и искусства.

Их постоянное сокрытие и неизменное появление на горизонтах вновь наполняло пространство смыслами, а человека – уверенностью.

С этой точки зрения церковную и фортификационную архитектуру возможно представить, с одной стороны, в виде неких реперных точек всей русской земли, с другой – в виде духовных скреп, помогающих самоидентифицироваться каждому русскому человеку.

По сути, исчезновение ориентиров означало переход за грань родной земли и вступление в иноземные края.

Сегодня, в эпоху катастрофических духовных потерь, утрат нравственных ориентиров, понятий чистоты и красоты представляется особенно важным найти твердую почву, точку опоры, и в ее поиске оглянуться через века, предприняв попытку исследования феномена пространственной гармонии Руси – ее духовного архитектурного «каркаса», как непрерывности визуальных (эстетических) и смысловых (этических) связей, осуществляемых через систему объектов церковной и фортификационной архитектуры и неразрывно связанного с ними монументального и народного искусства, укладов и обрядов.

Для меня несомненно, что перечисленное семантически символизировало Добро и продолжает оставаться таким символом по сей день, преумножив себя числом за тысячелетнюю историю России.

Кажется, трудно представить саму возможность противопоставления ему антипода – зла в архитектурных образах подобного же масштаба. Разрушительные революции и войны XX века, созидательные стройки коммунизма не смогли одержать убедительной победы над духовной мудростью наших предков. Российские земли, города (и Петербург не исключение) обрели облик, в котором иерархия смыслов и духовных ценностей получила свое

естественное воплощение в иерархии масштабов и значимости архитектурных сооружений.

Однако новейшая российская история дает повод усмотреть крайне опасную градостроительную тенденцию. Отчетливо проявляется она и в городской среде Санкт-Петербурга, драгоценная историческая ткань которого чрезвычайно ранима.

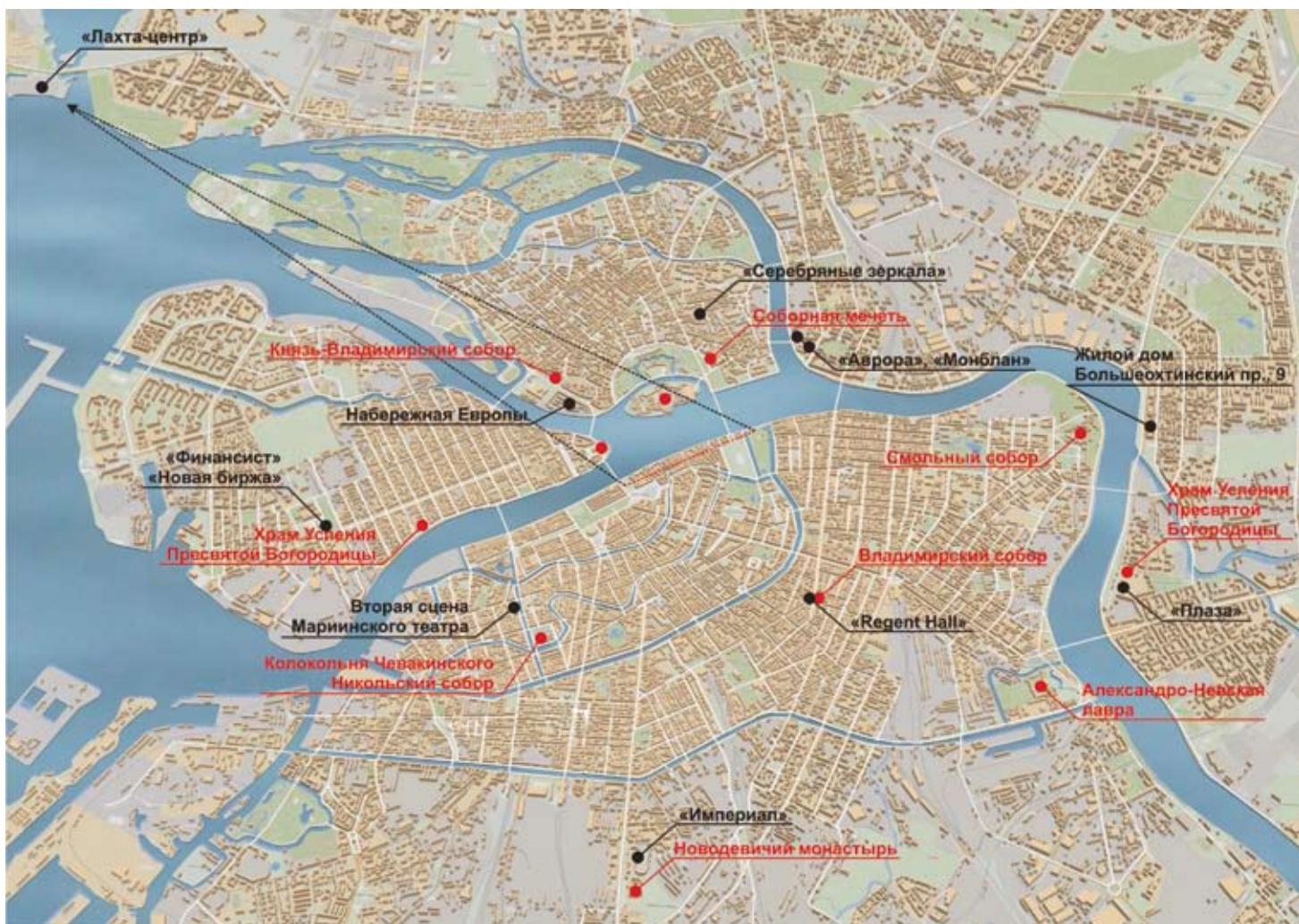
Каждая эпоха пишет свой текст. Плохо, когда перечеркивается написанное ранее. Но принципиально недопустимо искажать

и вымарывать священные тексты. Для Петербурга такими посланиями являются основополагающие принципы градостроительной гармонии, где главное и второстепенное, общее и частное, акцент и фон нашли свое незыблемое место, подобно тому, как было это организовано в античных городах. Один из крупнейших петербургских художников академик Андрей Андреевич Мыльников всегда указывал ученикам на эту особенность, называя Санкт-Петербург самым античным по сути городом нашего времени. О «небесной линии» города на Неве писал академик Дмитрий Сергеевич Лихачев. В городском силуэте, гармонии протяженностей, редких вертикалей и еще более редких контрастных фону архитектурных масс зашифрован пульс, «кардиограмма» Петербурга. «Всплески» городского силуэта, как правило, несут возвышенные послания, равно устремленные к Небу, обществу и личности каждого петербуржца.

К сожалению, в последние десятилетия складывается впечатление, близкое к мистическому, что материализуемое в ряде архитектурных проектов зло настойчиво идет по пятам символов Добра, с маниакальным упорством стремясь утвердить свое доминантное пластическое и содержательное право над духовной и архитектурной традицией.

«...Когда Судьба по следу шла за нами, как сумасшедший с бритвою в руке». Эти строки Арсения Тарковского о другом, но, увы, они в полной мере применимы к петербургской действительности. Приведу лишь некоторые наиболее всем заметные пары архитектурных «поединков».

• Банковский комплекс «Санкт-Петербург Плаза» на Малоохтинском проспекте и его негативное визуальное воздействие на восприятие как ансамбля Александро-Невской лавры, так и «блокадного» храма Успения Пресвятой Богородицы. О мрачном лакированном объекте, раздавившем

архитектурное пространство, писали и раньше. Лишенный каких-либо пластических и масштабных связей с человеком и окружением, он, по сути, представляет собой предмет промышленного дизайна гипертрофированного масштаба, а если и здания, то по образу – несомненный «чертог зла» в духе фэнтези, попирающий окружение не только образом, но и некоей присущей ему леденящей ментальностью.

• Комплекс «Серебряные зеркала» стал пластическим антиподом Соборной мечети и Петропавловской крепости в панораме Невы. Постройка, лишенная силуэта и «взламывающая» архитектурный масштаб, воспринимается досадной небрежностью, горой строительного мусора, загрязняющего ценные виды. Тема визуальной экологии городских пространств как раз про этот случай.

• Здания «Аврора» и «Монблан» очевидно конфликтуют с собором Святых апостолов Петра и Павла с самых различных точек восприятия. Сегодня ошибочность принятия решения о строительстве этих объектов вне сомнения, а рассуждения о «прозрачности», «невесомости» и «дематериализации» стеклянных фасадов становятся несостоятельными в лучах заходящего солнца, превращающих здания в подобие гигантских алюминиевых банок, на фоне которых теряется и золотая вертикаль шпиля колокольни собора, и горизонталь крепостных бастионов.

• Претенциозное высотное здание, выросшее на Большеохтинском проспекте, в буквальном смысле убило восприятие Смольного собора в створе Шпалерной улицы. В данном случае не понадобилось даже громады «Охта-центра» – расправа с шедевром Растрелли обошлась значительно

Карта Санкт-Петербурга с объектами-антиподами.
Автор: Юлия Петрова

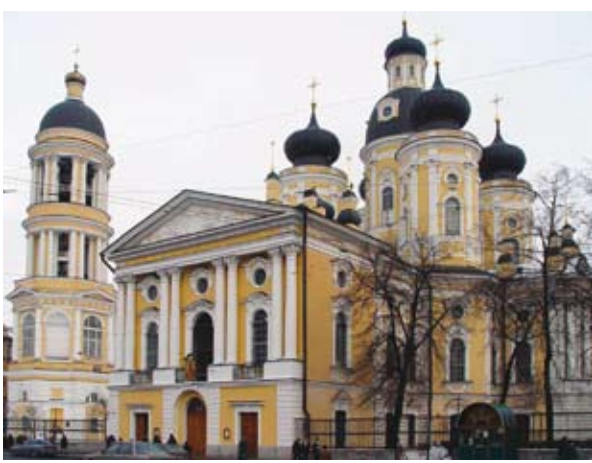
меньшими издержками.

- Немасштабные постройки на Большом проспекте Васильевского острова – «Финансист», «Новая биржа» и втиснувшийся между ними третий, до поры безымянный объект бросили вызов Успенскому подворью Оптиной пустыни. Доминировавший ранее при взгляде с Английской набережной и Благовещенского моста прекрасно отреставрированный храм постройки архитектора Косякова визуально «проваливается», теряя масштаб и содержательное значение на фоне безликих коробок, столь странных в историческом контексте набережной.
- Вторая сцена Мариинского театра с технологическим мостовым переходом к историческому зданию не оставила шансов на восприятие колокольни Чевакинского и Никольского собора в перспективе Крюкова канала.
- Офисное здание Regent Hall на Владимирской площади – наиболее одиозный пример противопоставления бездарной антипетербургской архитектуры наших дней Владимирскому собору.
- Подавить восприятие немалого ансамбля Новодевичьего монастыря на Московском проспекте возможно было только радикальными средствами. Они нашлись в арсенале инвесторов и авторов проекта жилого комплекса «Империал», ужасающего своими масштабами.
- Готовится бросить вызов видам на Князь-Владимирский собор и проект застройки так называемой Набережной Европы.

• И, наконец, наиболее вопиющий перспективный проект: пресловутый небоскреб на Охте ставил под сомнение масштаб, архитектурное и смысловое доминирование не только Смольного собора, но с некоторых точек и Исаакиевского, а нынче, будучи перемещен в Лахту («Лахта-центр»), грозит гибелью сакральным для Петербурга видам на стрелку Васильевского острова и шпиль колокольни Петропавловского собора, увенчанного фигурой ангела – символа нашего города.

Вообще, следует отметить часто встречающееся в последние годы градостроительное отношение к храму по остаточному принципу. В результате многие вновь построенные и возвращенные к жизни церкви, лишенные статусного права на архитектурное доминирование, масштабно проседают в урбанизированной среде. Чего нельзя сказать о торгово-развлекательных, спортивных, банковских или элитных жилых комплексах. Год за годом мы привыкаем к подмене понятий, где за истину выдается суррогат. Повторю, мне представляется, что понятия и самобытности, и гармонии неразрывны с понятием самоидентификации личности в иерархически устроенной архитектурной среде, покидая пределы которой, человек явно ощущает момент перехода в иные культурные пласты. Драма Петербурга, на мой взгляд, заключается в том, что сама историческая среда не без нашей помощи постепенно покидает город, унося традиционное чувство гордости и оставляя горечь и разочарование в сердцах петербуржцев.

Об авторе:
Иван Уралов –
заслуженный художник РФ, профессор, лауреат государственной премии в области архитектуры

Среда обитания, или Что может архитектура?

Текст: Ирина Бембель

Как-то незаметно стало аксиомой, что исторические зоны нужно охранять и содержать в должном виде, а новые – отдавать на полный откуп свободному рынку. Отсюда возникает хаотичная и агрессивная среда наших периферийных районов, единственным «моральным оправданием» которых служит наличие альтернативы в виде исторического центра. Достойным увенчанием этих унылых зон служит выпущенная на волю стихия рекламы, зримо утверждающая примат мамоны во всех сферах жизни.

Эта среда разрастается в геометрической прогрессии, тогда как исторические зоны в лучшем случае остаются в своих хрупких границах. Продукт нашего времени, наших ценностей, наших взаимоотношений, эта среда, в свою очередь, продолжает формировать новых, отчужденных и равнодушных к красоте людей, оставляя мало поводов для оптимизма. Критически недружелюбный и антиэстетический облик большинства современных российских городов и районов как параллель красивой и гладкой архитектурной истории Новейшего времени (истории творцов-индивидуалов и магистральных течений) заставляет задуматься о таком положении дел.

Как мы до этого дошли?

Нигде в Европе традиции не искоренялись с такой яростной последовательностью, как в нашей стране в период ее Новейшей истории. Искоренялись во всех сферах, в том числе – в архитектурной и градостроительной. Сначала на арену вышел революционный, экспериментальный архитектурный авангард, решающий проблемы новой идеологии, новой функции и новой эстетики. В градостроительстве одна за другой рождались утопические теории, основанные на отрицании многовекового урбанистического опыта и универсальных культурных ценностей.

С другой стороны, была создана и бесперебойно работала политическая система репрессий и доносов, отучившая людей общаться друг с другом в принципе. Д.С. Лихачев очень ярко описывает в своих воспоминаниях, как Россия – страна самых различных кружков, обществ, домашних театров, публичных диспутов – превратилась в один огромный молчаливый концентрационный лагерь. Несмотря на пропагандируемый коллективизм, такой политической системе гуманная урбанистическая среда, нацеленная на естественную, творческую коммуникацию, была просто не нужна, хотя классические градостроительные приемы она использовала.

После разоблачения культа личности архитектура

и урбанистика в ускоренном режиме перешли на модернистские рельсы. Жесткое функциональное зонирование, невероятное изменение городского масштаба, примат автотранспорта над пешим и велосипедным способами передвижения привели в итоге к усугубляющейся изоляции людей в замкнутом пространстве: дом (часто сужаемый до экрана компьютера) – машина – офис – магазин.

Десятилетия террора, жесткого идеологического контроля и как следствие – утрата культуры общения и самой потребности в нем продолжают приносить свои плоды. Наши соотечественники относятся друг к другу неприветливо и неуважительно. Пространство за порогом квартиры по-прежнему воспринимается как ничье, неблагоустроенность, неприспособленность его для пешеходов остается нормой. Поэтому и уличная культура прививается у нас с трудом, хотя некоторые сдвиги в последние годы все-таки есть.

Сама система архитектурного образования, по большей части основанная на формальном подходе (бесчисленные нормативы, пропедевтические упражнения, абстрактные композиции с высоты птичьего полета) до сих пор во многом базируется на постулатах CIAM и Афинской хартии.

Другая, более фундаментальная причина такой картины – уход из человеческого (в том числе архитектурного) сознания таких фундаментальных категорий, как Бог, истина, добро, зло, грех, что лишает былой глубины и красоты как искусство, так и человеческие отношения. Сегодня мы пожинаем плоды радикальной смены всех ценностных человеческих ориентиров, активная фаза которой пришлась на последние сто лет...

Эстетика

Один из важнейших аспектов этой революционной ломки связан с изменением эстетических идеалов в Новейшее время. Это коснулось практически всех видов искусства, включая архитектуру, равно как и представлений о человеческом совершенстве. Извечное восприятие красоты как одного из божественных свойств, как отражения Творца в творении, способствовавшее формированию канонов и предполагавшее бережную преемственность традиции, уступило место революционной смене вкусов на волне атеистических, материалистических идей. Витрувианская триада также не избежала ревизии, но если польза и прочность как вполне конкретные категории остаются незыблемыми, хоть и корректируемыми качествами архитектуры,

Скульптурная композиция «Прометей». Скульптор Р. Красницкий, архитектор Ф. Романовский. Установлена была в 1982-м году. Ситуация наглядно демонстрирует смену эстетических и ценностных ориентиров. В сегодняшнем окружении «Прометей» - некогда символ района – явно выглядит лишним, а колонна с ионической капителью и вовсе воспринимается чем-то инопланетным в мире Потребления. В конце декабря 2012 г. скульптура была демонтирована для реставрации, чтобы затем переместиться в новое, более подходящее место - на пересечение проспекта Просвещения и улицы Демьяна Бедного.

то третья составляющая – красота, многоликая и неуловимая, – пережила в XX веке целый ряд кризисных переосмыслений. Сначала авангардом был брошен ей прямой вызов: отчасти это была реакция на выхоленную красоту эклектичного безвременья, ставшую тесной, лживой оболочкой для новых идей. При этом эстетика революционной идеологии искала опоры и в некоей «новой духовности», альтернативной традиционной религии¹.

Затем, вместе с запретом на авангард, последовал перевод понятия красоты в сугубо материальную плоскость. В эстетике человека это выразилось в отождествлении красоты с физическим здоровьем, тогда как согласно развитой в христианстве платоновской концепции раньше она мыслилась как отражение в тленной материи высшего, божественного начала. Так возникли собирательные образы «советского человека» – рабочего, колхозницы, делегатки и т. д. Архитектура подобным же образом лишилась некогда присущей ей одухотворенности, обусловленной цельностью религиозного мировоззрения, обеспеченной расцветом ремесла и достигшей кульминации в церковном строительстве. «Сталинские» архитекторы при всем их профессионализме все же не создали ни одного шедевра, сопоставимого со взлетами золотых веков зодчества, и вряд ли могли создать: это было время подцензурного воспроизведения старых форм (что вовсе не умаляет их заслуг в деле сохранения классической архитектурной и градостроительной школы).

Новый удар красоте был нанесен постановлением об отмене излишеств. Для архитектуры это было почти равносильно смерти ее как искусства. В живописи новый поворот выявил более сложную ситуацию. Суровый стиль в который раз (теперь уже после авангарда) поставил вопрос об освобождении искусства от внешней красоты. В программных полотнах той поры это была модифицированная попытка противопоставить ей красоту внутреннюю – красоту долга, подвига, новой аскезы и жертвенности в свете советской идеологии. Естественные параллели вели в архаическое, народное (наивное) искусство, проторенессанс, иконопись. Сама возможность наличия «второго плана» для

многих художников стала отдушиной, хотя и жестко лимитированной. В массовом же своем варианте суровый стиль, плавно перешедший в усредненный «советский стиль», практически поставил вне закона образы традиционной красоты, прочно закрепив за ними ярлыки «салонности», «буржуазности» и т. д. Место этих образов прочно заняли теперь уже утрированно «антигламурные» персонажи – сталевары, бамовцы, метростроевцы и т. д. Решительная катастрофа произошла с женским образом, который некогда мыслился как воплощение прекрасного. Эти персонажи, как и типовая бетонная архитектура, стали отражением унылых и удушливых лет брежневского застоя.

Последняя массированная атака на красоту в ее традиционном понимании началась у нас в стране с перестройкой, с открытием «железного занавеса» и продолжается по сей день. Заслуживает отдельного внимания то, что термин «прекрасное» практически исчез из лексикона, относящегося к современным явлениям. Красота окончательно превратилась из объективного понятия в субъективное. Это проявилось на всех уровнях человеческого бытия. Наиболее показательны, конечно, изобразительные искусства от живописи до дизайна одежды и причесок, музыка, балет, а также изменения массового идеала человеческой красоты. Красота тяготеет, с одной стороны, к безликой стандартизации, к доминированию модельного силуэта с мало запоминающимся лицом и агрессивным имиджем (нечто подобное происходит и в массовой модернистской архитектуре).

С другой стороны, во всех сферах бытия все громче заявляет о себе эстетика безобразного, эстетика хаоса в противовес эстетике гармонии (в архитектуре – деконструктивизм, нелинейность).

Еще один постперестроечный враг традиционной красоты – а-ля классический китч, «лужковский стиль», с которым некоторые архитекторы склонны объединять в одно целое все происходящее в русле традиции, тем самым оправдывая собственные творческие изыскания в антигуманной плоскости «ультра-эго».

В этих условиях единственным «шансом», а вернее, гарантией выживания традиционной эстетики становится

¹Атеизм как «религиозную веру» русских революционеров подробно анализирует Сергей Булгаков в своем очерке «Героизм и подвижничество» (сборник «Вехи», 1909)

²Опубликованные в 1656–1657 годах полемические письма касались истолкования христианской морали и были частью противостояния иезуитов и яansenистов, к которым принадлежал Паскаль

³Джекобс много занималась самообразованием в этой области, кроме того, она была замужем за архитектором

ее онтологическая объективность. Тезис Достоевского «красота спасет мир», безусловно, подразумевал трактовку красоты как одного из выражений сущности Бога. Если стоять на таких позициях – противостояние традиционной красоты и эстетики хаоса воспринимается как одна из линий общего противостояния добра и зла, хотя отделить зерна от плевел не всегда просто.

Назад, к традиции

Осознание некоторых из описанных выше проблем породило на Западе движение, альтернативное модернистской урбанистике. В 1961 году вышла книга нью-йоркской журналистки Джейн Джекобс «Смерть и жизнь больших американских городов» (в прошлом году появился русский перевод). Неустанно путешествуя, наблюдая и общаясь с людьми, Джекобс исследовала «снизу» экономические, социальные, психологические и планировочные предпосылки процветания либо стагнации и умирания тех или иных городов и районов. Ее остроумная критика современных принципов организации жилой среды с позиций «простого горожанина» заставляет вспомнить «Письма к провинциалу» Блеза Паскаля, где знаменитый ученый и богослов адресует свои разоблачительные вопросы иезуитам от лица наивного простака. «Делались попытки самыми различными способами показать иезуитов отвратительными; Паскаль сделал больше: он показал их смешными», – написал впоследствии Вольтер. И хотя сравнение кому-то может показаться не совсем корректным, все же параллель ясна: архитектура (как и религия) не является отвлеченной наукой, она существует в равной степени для всех людей, и смысл ее в том, чтобы людям было хорошо. Джекобс отнюдь не была дилетантом в области градостроительства, но ее «отстраненная» позиция рядового обывателя помогла обнажить очевидные истины, которые не хотели видеть высоколбы теоретики от архитектуры. Постепенно все большее число людей стало осознавать, что категоричный отказ от традиционных механизмов формирования городов и тотальное следование абстрактным градостроительным схемам Ле Корбюзье влечет за собой целый комплекс новых проблем. В

начале 1980-х годов на этой волне в США зародилось движение «нового урбанизма». Название достаточно условно, поскольку его градостроительные постулаты как раз обозначают возврат к старому, но на современном технологическом уровне. Большой город должен быть полицентричным, каждая из его частей должна иметь свой очаг притяжения жизни и сочетать все нужные человеку функции. Удобная сеть улиц, высокое качество пешеходных зон и общественных пространств, их открытость и дружелюбность по отношению к пешеходам, человеческий масштаб – вот некоторые из основных принципов «нового урбанизма».

Обращение к опыту старых городов вновь поставило вопрос и об эстетике среды. Среда должна быть красивой и разнообразной – таков один из девизов движения. Однако красота фасадов и многочисленных предметов уличного «интерьера» в век, когда умерло ремесло, ставит новые задачи перед архитекторами и дизайнерами.

В Европе также нашлось немало противников модернистского градостроительства. Так, образцовыми с позиций «нового урбанизма» городами постепенно стали Копенгаген, Барселона, Вена, Цюрих и многие другие. «Новый урбанизм» является достаточно размытым понятием. У него есть свои особенности в Америке и в Европе. К нему примыкает «зеленое» движение в архитектуре, с ним связаны и стилевые неоклассические поиски. Однако исходной точкой движения остается удобство для жизни людей, создание красивой, дружелюбной и безопасной среды, воспитывающей взаимное уважение и провоцирующей творческое общение.

Казалось бы, невозможно не видеть преимуществ такого подхода к среде. Это все равно, что сказать: лучше жить плохо и неудобно, чем хорошо и комфортно! Однако переломить почти вековую инерцию «научного» планирования, накатанную схему обучения, набор строительных корпораций, сложившиеся нормативы, а главное – инертность мышления, равнодушие и узость интересов – крайне сложно.

Именно поэтому идеи «нового урбанизма» пока плохо прививаются на русской почве.

Мнение специалистов

Каковы же реальные возможности нашей архитектуры в деле гуманизации пространства и воспитания гармоничного человека? Сегодня большинство наших специалистов в области архитектуры отвечают на подобные вопросы пессимистично⁴...

Олег Романов: «Необходимо переломить существующую тенденцию, когда все недостаточно удачные для центра архитектурные предложения, словно бы в помойку, "сливаются" на окраины. Новые районы, напротив, должны быть площадкой для осмысленных экспериментов, для поиска

новых идей в градостроительстве и архитектуре. Но такому подходу обычно мешают две вещи. Во-первых, это заказчик, который преследует, как правило, единственную цель – построить как можно больше квадратных метров за меньшие деньги. Вторая беда – это нормативы, принципы которых пришли к нам из хрущевских времен (экономия, поточный метод и т. д.). Разговоры о желанных переменах в области нормативов идут, и я надеюсь, что рано или поздно они изменятся. На Западе эта сфера гораздо более подвижна. Впрочем, вынужден признать, что и наше архитектурское мышление тоже достаточно инертно и перестраивается с трудом. Что касается уже сложившихся спальных районов, то теоретически возможно гуманизировать эту среду: переоборудовать внутривдворное пространство, со сносом морально и физически устаревших, малоэстетичных зданий... Но поскольку сейчас на дворе капитализм – это направление ждет частных инициатив».

Михаил Кондиайн: «Архитектура – продукт своего времени, породившей ее среды, и те негативные качества, о которых вы говорите, в значительной степени обусловлены ценностными ориентирами, свойственными данной эпохе. Сегодня единственный институт, который пытается

говорить о каких-то иных ценностях, кроме материальных и даже интеллектуальных, – Церковь – подвергается со всех сторон нападкам и дискредитации. К сожалению, наша интеллигенция, в том числе архитекторы, в целом еще далека от осознания духовных задач, которые стоят перед ней, в том числе и в деле формирования городской среды».

Марк Рейнберг: «Надо сделать среду обитания такой, чтобы люди хотели здесь жить. И это уже стало создаваться (во внутренних пространствах – дворах современной застройки). И жители – "земляки по-старому" – стали значительно чаще и доброжелательнее общаться друг с другом, встречаясь на

благоустроенном дворе с детскими игровыми площадками и скамейками, куда люди выходят просто подышать воздухом или с малыми детьми, которых прежде почти не было в пустом захлавленном дворе, а теперь здесь их много – они играют, и пространство двора наполнено их веселыми голосами...

Прежде жители сами начали благоустраивать прилегающую к дому, где они живут, землю под окнами, – сажая деревья и цветы, а теперь, слава богу, приступила к благоустройству и официальная структура управления кварталами, и эта совместная работа очень плодотворна, и она же и создает это новое чувство – я хочу здесь жить всегда!

Наступило время постоянства жизни, которого у нас не было почти 100 лет. И мы, архитекторы, можем и должны помогать создавать это пространство постоянного обитания».

Иван Уралов: «Я считаю, что наших сограждан изуродовала не столько советская, сколько постсоветская, перестроечная история: колоссальное расслоение общества, ощущение социальной несправедливости, в том числе у наиболее креативной части населения. <...>

Я вижу будущее города в его полицентричном развитии. Нужно создать условия, чтобы

⁴ Интернет-дискуссия о проблемах городской среды развернута на сайте нашего журнала: <http://kapitel-spb.ru/index.php/kapitelplus/133-sreda-obitanija>

петербуржцы смогли идентифицировать себя как таковых и вне исторического центра. А для этого должны создаваться новые престижные, успешные микрорайоны (и глубоко модернизироваться те, что построены ранее) с собственными центрами притяжения жизни (рабочие места, объекты культуры, спорта и т. д.) с неординарной архитектурой и разумно благоустроенной средой. По сути, речь идет о создании микрогородов высокого класса в пределах большого города, которыми смогут гордиться их обитатели.

Сегодня социальная среда наших окраинных районов значительно люмпенизирована, для нее характерно отсутствие взаимного уважения и общая бытовая депрессивность. Как правило, в этих местах нечем гордиться, нечему радоваться, люди приезжают туда завершить нелегкий трудовой день, мало интересуясь местом своего проживания и не идентифицируя себя с ним, а само место – с Петербургом.

Отдельный архитектор вряд ли сможет здесь что-то изменить, а вот консолидированное сообщество, наверное, могло бы, если бы захотело, если бы был принят некий "кодекс чести", некий грандиозный план принципиальных качественных преобразований районов массового строительства, способных навсегда оставить в прошлом само понятие "спальный район».

Михаил Сарри: «Я не верю в воспитательную функцию архитектуры. Дай Бог профессионально справиться с ее тремя вечными постулатами! <...>

Для преодоления "агрессивной среды наших спальных районов" должны сложиться многие усилия – законодательные, административные,

социальные, политические, профессиональные и т. д. Требуется системное, контролируемое и консолидированное движение всех участников процесса (профессионалов), объединенных общей целью – созидания привлекательной и комфортной городской среды периферийных (спальных) районов. Нужна цепочка последовательных шагов по принципу "от общего к частному":

1. градостроительная идентификация и планировка территорий на районном уровне;
2. квартальная планировка по ансамблевому принципу;
3. проектирование отдельных объектов на основе согласованной планировки квартала. Обязательными (но не достаточными) условиями должны стать неизменяемый

состав авторских коллективов на всех стадиях и широкое обсуждение каждого этапа архитектурной (и не только) общественностью (градсовет, секции, СМИ и т. д.)».

Сергей Шмаков: «Я не имею права бранить Афинскую хартию, во-первых, потому, что я воспитывался в 50-х годах на ее постулатах, а во-вторых, потому, что она адекватно отразила период динамичного развития европейского градостроительства. Но, как известно, развитием движет отрицание отрицания,

и "новый урбанизм" с его тоской по старым городам есть естественный и тоже временный этап на пути архитектурного развития.

Ну, а нашим студентам мы не навязываем сегодня парижский план Вуазен».

Леонид Лавров: «Уверен, что "духовность" и "религиозность" – понятия разные. Современные спальные районы появились во многих странах (очень разных по экономическим, социальным и политическим характеристикам) за очень короткий срок. В

большинстве случаев они стали прибежищем для горожан с относительно меньшим, чем в привилегированных кварталах, уровнем доходов и, соответственно, возможностей. Даже в странах, которые признаются демократическими и экономически успешными, мы видим проявления экстремизма в спальных районах. Это социальная ситуация, и улучшить ее архитектурными средствами невозможно».

Итак, мы словно попали в заколдованный замкнутый круг, где все играют не по своим правилам, и архитектура здесь – лишь частность. А между тем новые и новые гектары массовой модернистской застройки продолжают покрывать нашу некогда прекрасную Землю, отнимая у нее последние острова естественной красоты...

О терминах и цене ошибок

Интервью с режиссером Александром Сокуровым
главного редактора журнала «Капиталь»
Ирины Бембель

Александр
Сокуров, режиссер,
народный артист
России, член Совета
при Президенте РФ
по культуре
и искусству

Александр Николаевич, еще летом Петербургский союз архитекторов направил вам открытое письмо, в котором призывал к диалогу, к совместному поиску решения тех проблем, которые вы затрагиваете в своих публичных высказываниях об архитектурной ситуации в нашем городе. Почему вы не ответили на него? Вы не верите в плодотворность такого диалога?

Я не знал о существовании этого письма. В силу своей занятости я не могу отслеживать всю информацию, размещенную в интернете и в других СМИ.

Известно, что вы активно взаимодействуете с градозащитным движением. Всегда ли, по-вашему, объективны градозащитники? Так, мне периодически приходится слышать от архитекторов, что мораторий на любое вмешательство в исторический центр оборачивается невозможностью в принципе реконструировать старые здания, и они попросту разрушаются – достаточно проехать по чуть более удаленным районам Санкт-Петербурга, граничащим с промышленными зонами, чтобы увидеть это. Не полезнее ли в поисках инвестиций искать разумные компромиссы? (Можно, например, построить мансарду на рядовом историческом доме так, что ее не будет видно с уровня пешехода, при этом инвестор производит капитальный ремонт здания и т. д.)

Начну с терминов. Употребленный вами термин «вмешательство» изначально предполагает силовой прием, и эта силовая энергетика отличает работу современных архитекторов и строителей в историческом центре. Я вижу это постоянно, об этом говорят мне многие специалисты по истории архитектуры. Вмешательство – это цвет знамени в руках современных архитекторов и строителей. Термин «реконструкция» тоже вызывает у меня настороженность. В нем изначально не заложена деликатность. Есть исключение, но чаще всего реконструкция в сегодняшнем пони-

мании подразумевает под собой снос с последующим «воссозданием», в той или иной степени напоминающим утраченное здание. Что касается мансард – в восьми-девяти случаях из десяти это демонстративная агрессия с полным пренебрежением к существующему дому, законам.

К сожалению, это абсолютное большинство нечистоплотных дельцов, шулеров, работающих в историческом центре, бросает тень на тех немногих достойных специалистов, которые, безусловно, есть среди архитекторов и строителей. Но из-за этого большинства у горожан выработалось тотальное недоверие к архитектурному сообществу. И городское правительство не может контролировать этот процесс. Так, ни один губернатор не мог ответить на мои вопросы о том, сколько строительных площадок находится сейчас в исторической части города и когда Стройнадзор последний раз инспектировал их. А ведь имея дело с нашими строителями и архитекторами, нужно пристально проверять их на предмет соответствия действий с имеющейся у них документацией. Это та необходимая дисциплина, к которой надо приучать через систематический, жесткий контроль. Но это означает, что они должны будут ссориться сами с собой, поскольку все эти структуры, все эти люди связаны круговой порукой. Поэтому я и считаю оправданными и единственно возможными те жесткие ограничения, которые существуют сейчас в историческом центре. Ведь если раз допустить послабление для кого-то одного – тотчас же срабатывает «эффект грибницы». И я не верю, что у архитекторов и всех других людей, имеющих отношение к градостроительным ошибкам, не было выбора, что они умирали от голода. И мы будем бороться с ними, мы будем добиваться, в частности, сноса стеклянных этажей над «Стокманном», с официальной церемонией, с прямой видеотрансляцией восстановления справедливости... И добьемся, но какой ценой? И для нас, и для них эта цена будет очень высокой...

Как вы оцениваете изменение ситуации с проектом Набережной Европы? Какой из возможных сценариев развития этой территории кажется вам наилучшим для города?

Для этого места? Парк. Большой парк или большая березовая роща. Я думаю, что это единственная возможность, когда мы можем сделать подарок городу от нашего времени. Я против строительства здесь судебных зданий, как и театра. С точки зрения пространства города и осторожности к сложившемуся архитектурному ансамблю – только парк или березовая роща. Это было бы грандиозно красиво. И подобный прецедент есть – ведь решились же в Москве создать парк на месте гостиницы «Россия». Наши северные города необходимо «согреть» зелеными зонами, а Петербург – один из самых малоозелененных городов в мире.

Любой исторический город представляет собой многослойный организм, и в этом его дополнительная, если не главная притягательность. И хотя Санкт-Петербург сформировался за сравнительно короткий отрезок времени, все же и его охраняемая ткань есть продукт многих поколений зодчих. Как вы думаете, почему именно внедрение современной архитектуры (начиная с авангарда) так болезненно для города, в отличие от последовательно сменявших друг друга исторических стилей (заканчивая модерном и предреволюционным неоклассицизмом)? Как вы оцениваете вкрапления модернистской архитектуры, например, в историческую ткань Парижа?

Петербург – это действительно результат творчества многих поколений зодчих, которые заботливо передавали из рук в руки традиции и навыки мастерства, учились друг у друга соблюдению эстетических и этических норм. Я называю это эволюционным принципом работы (в противовес революционному). Упомянутая вами последовательность – вот тот принцип, на основании которого должно развиваться зодчество. Даже сталинская архитектура была эволюционной, поэтому она хорошо вписывается в исторический город. Она учитывает наш климат, в ней есть искусство фасада, в ней есть рукотворность. Эти квартиры хорошо спланированы, в них тепло и удобно. Современ-

ные архитекторы – люди «революционные». Поэтому они должны строить на новых местах, не внедряясь в цельную, прекрасную картину, которую представляет собой исторический Санкт-Петербург.

Вкрапления модернистской архитектуры в историческую ткань Парижа я считаю ошибками, которые уже во многом осознаны французами и от которых они будут избавляться. Это высокомерие буржуазного образа жизни, высокомерие людей, у которых есть деньги и возможность давления на государственные структуры. Способы вытеснения тех людей, которые могут им возражать. В Париже многие специалисты возражали против модернистского вторжения, но к ним не прислушались.

Вы называете архитекторов официантами, но ведь функция архитектуры по определению обслуживающая. Архитектура бывает великой, когда она служит великой идее. Сейчас в обществе нет великой связующей над-бытовой идеи, отсюда, очевидно, происходит упадок искусства и культуры в целом. Не кажется ли вам несправедливостью возлагать на архитекторов всю ответственность за происходящее в архитектурно-строительной сфере, требовать от них абсолютной жертвенности (что заведомо утопично)? Не полезнее, не конструктивнее ли было бы направить острие против самой архитектурной политики города, а точнее, против отсутствия внятной политики, когда все важнейшие вопросы решаются где-то в бесконечных административных коридорах, в теновом союзе бюрократической власти и гигантских строительных корпораций, когда роль архитекторов становится все более призрачной, прикладной и действительно жалкой?

Я радикально не согласен с тем, что функция архитектуры по определению обслуживающая. Это архитекторы сами повязали полотенца себе на локоточки – потому что так удобнее. Да, на разных этапах истории обществом овладевают те или иные идеи, случаются великие события, свидетелями и выразителями которых пытаются быть архитекторы. Но так бывает не всегда, и это не значит, что архитекторы, имеющие образование, должны отказываться от принципов эволюционности.

Губернаторы могут быть людьми разными. Обычно это

вполне обычные люди, которые не могут разбираться абсолютно во всем. Они могут лишь дать социальное задание, остальное – дело рук специалистов, а это сегодня, в большинстве своем, – преступники, купленные люди. Простите за резкость. Они не строят, а просто, не мудрѐно осваивают деньги. Экспертизы составляются и подписываются по звонку, в противном случае специалисты могут остаться без заказов, без должности. Когда речь идет о жизни людей, о формировании городской среды – такое отношение является преступлением, причем с долгосрочным эффектом. Какой народ вырастет в этих страшных новых кварталах? Дикий народ без Родины, без адреса, без эмоций...

Мы неоднократно говорили об этом городским властям, но пока они не могут либо не хотят справиться с этой проблемой. Если это безразлично правительству, значит, это должно быть безразлично обществу. Но на кого общество может опереться? Строителям это не нужно, архитекторам тоже, остаются опять «сумасшедшие» градозащитники... Мы будем добиваться, чтобы действовала такая система, при которой любая строительная организация, любая архитектурная мастерская, допустившая акт вандализма и нарушение законодательства, должна быть запрещена, отрешена от деятельности в Петербурге не менее чем на пять лет. Пусть работают на неосвоенных зонах, если их туда пустят...

Если обращаться к опыту истории – расцвету архитектуры всегда способствовала сильная просвещенная власть. Когда архитектура была делом государственной важности – выигрывали и архитектура, и государство. Как вы думаете, почему сегодня наша власть так мало внимания уделяет архитектуре?

Потому что сейчас другая общественная формация. Это авторитаризму архитектура безразлична. А демократии безразлично искусство. Демократия делегировала все эти функции обществу, и в данном случае – рано. Общество (в частности, архитектурно-строительная сфера) еще не доросло до такого подарка. Ведь как можно среди эстетики XVIII-XIX веков строить эти стекляшки? Это же безумие, все равно что посреди концерта классической музыки встать и начать играть тяжелый рок. Это умышленное, зловерное, агрессивное нарушение сложившихся эстетических и этических законов. И в этом наши архитекторы равня-

ются на своих западных коллег, которые ничуть не лучше. Качество строительства на Западе несоизмеримо лучше, но эстетический результат такой же. Я живу в новом доме в Петербурге, и все мы, жильцы, в отчаянии от качества работы строителей, нелепицы архитектурных «идей». В нашем доме на лестницах все еще нет даже перил и ограждений, не работают лифты, в первые же дни жизни начались протечки... Это левацкая, «маоистская» архитектура и стройтехнология, отрицающая эволюционный путь. Так у нас загубили Екатеринбург и многие другие города. Архитектура, лишённая рукотворности, не желающая рожать ничего, кроме жестких углов и холодного стекла, в котором отражается черт. Этим архитекторов нужно отправлять на Луну, там их творения будут органичны, отражая в своих стеклах бесконечный космос. Там им не будут мешать своим немим укором великие предшественники...

Вашу жизнь можно назвать высоким служением. Скажите, что вас в жизни греет, поддерживает, вдохновляет? Какая мотивация для вас самая важная? Вера? Совесть? Любовь и сострадание к людям?

Это слишком красивый вопрос, и я не знаю, что на него отвечать. Чаще всего – просто гнев и возмущение при виде актов вандализма. Наш город устоял в блокаду, за него заплачена кошмарная цена. Люди, умирая от голода и холода, сберегли деревянные дома, красивые оконные рамы, а мы, получив это наследство, допускаем сносы, мы вандалы... Вы говорите о совместном решении проблем? Почему, когда сносили дом Рогова, не пришел на помощь ни один архитектор, ни один студент архитектурного вуза? А я, режиссер, бросив все свои дела, прибежал, молодежь из «Живого города» сбежалась, Наташа Костицына из «Эха Москвы» прибежала?.. Ни разу Союз архитекторов не заявил протест против сноса домов, против коррупции в строительной сфере – неужели им это выгодно? А вы говорите о совместном решении проблем... Можно выдавать желаемое за действительное, только это просто шизофрения.

PS. Текст открытого письма Союза архитекторов СПб был выслан А. Сокурову редакцией журнала «Капиталь» в ходе работы над этим материалом.

Строить, не уничтожая

Впечатления от поездки в Екатеринбург

Текст и фото: Федор Перов

Екатеринбург – один из интереснейших городов страны с уникальной историей и архитектурным образом – формировался в течение нескольких столетий как индустриальный центр металлургической промышленности. Его промышленная направленность и удаленность от территорий, по которым в течение XX века прокатились мировые войны, позволили создать и сохранить особенную градостроительную структуру и множество замечательных памятников архитектуры.

Развитие города можно разделить на несколько характерных этапов.

Первый этап, с 1723 года до конца XVIII века, – развитие Екатеринбурга как завода-крепости и постепенное превращение в уездный город Пермской губернии, а затем в административный центр Урала. В этот период была заложена основа регулярной планировки города, прогрессивной для русского градостроительства того времени. XVIII век оставил архитектуре Екатеринбурга основу композиционной планировочной структуры. Эта планировочная структура вместе с замечательным центром вдоль реки Исеть, с плотиной и водохранилищем для нужд металлургических заводов до сих пор является формирующим ядром городской планировки.

Второй этап, с первой половины XIX века (особенно 1830-е годы) до начала XX века, – наиболее яркий период градостроительного развития дореволюционного Екатеринбурга. Расцвет архитектуры русского классицизма совпал с укреплением административного статуса города,

усилением его роли как центра горнозаводского Урала. В это время был разработан план Екатеринбурга и осуществлена застройка его центральной части зданиями, которые являются сегодня наиболее яркими образцами архитектурного наследия. С русским классицизмом связана деятельность зодчих, создавших в начале XIX века школу промышленной и гражданской архитектуры Урала, среди которых были и выпускники Петербургской академии художеств. Архитекторы И.И. Связиев, А.З. Комаров, М.П. Малахов, А.П. Чеботарев и другие работали при Уральском горном правлении.

Третий этап, советский период развития города, – период индустриализации и послевоенного восстановления хозяйства. В это время в городе наблюдается настоящий строительный бум. Строятся заводы. В период Великой Отечественной войны сюда эвакуируются более 200 промышленных предприятий. Строится Уралмаш. Население города увеличивается, что приводит к строительству больших жилых районов. Для строительства в город привле-

каются молодые архитекторы, большое поле деятельности здесь нашлось для конструктивистов.

Благодаря этому основным архитектурным стилем Екатеринбурга стал конструктивизм. Ни в одном российском городе больше нет такого количества зданий в этом стиле. Екатеринбургские памятники конструктивизма известны по всему миру.

Это Городок чекистов и Белая башня, опередившие свое время, и жилые комплексы с бесконечными переходами и коридорами. Даже проспект Ленина в самом центре города представляет собой законченный архитектурный ансамбль в стиле конструктивизма. Екатеринбург (в то время Свердловск) считался городом будущего – крупный областной центр и промышленный гигант, – поэтому его архитектура должна была соответствовать самым актуальным тенденциям. Для создания комплекса зданий в стиле конструктивизма были приглашены ведущие московские и ленинградские архитекторы, а также иностранные специалисты школы «Баухаус».

Идеологически конструктивизм полностью отвечал принципам «строителей коммунизма»: брутальный минимализм конструкций, лаконичные геометрические формы,

симметрия, логичность отделки. Интерьеры домов в конструктивистском стиле также отличались строгостью и отсутствием лишних деталей. Переизбыток «украшательства» считался мещанством, которое следовало искоренять – борцы за правое дело коммунизма должны были вести аскетичный образ жизни.

Город вступил в постсоветский период своей жизни с ясной планировочной структурой и цельным, самобытным и интересным архитектурным образом.

Однако к новым экономическим условиям он оказался не готов.

До начала 2000 года Екатеринбург в значительной степени утратил возможности своих градообразующих предприятий. Объем производства существенно упал, и такие гиганты, как Уралмаш, уже не смогли обеспечить функционирование городской инфраструктуры. Целые заводские районы, построенные в стиле конструктивизма, деградировали. Часть интереснейших зданий в настоящее время находится в руинированном состоянии. В то же время памятники в центре города были реставрированы и в настоящее время находятся в замечательном состоянии.

Самые значительные изменения город претерпел за по-

Об авторе:
Федор Перов – кандидат
архитектуры, доцент
СПб ГАСУ

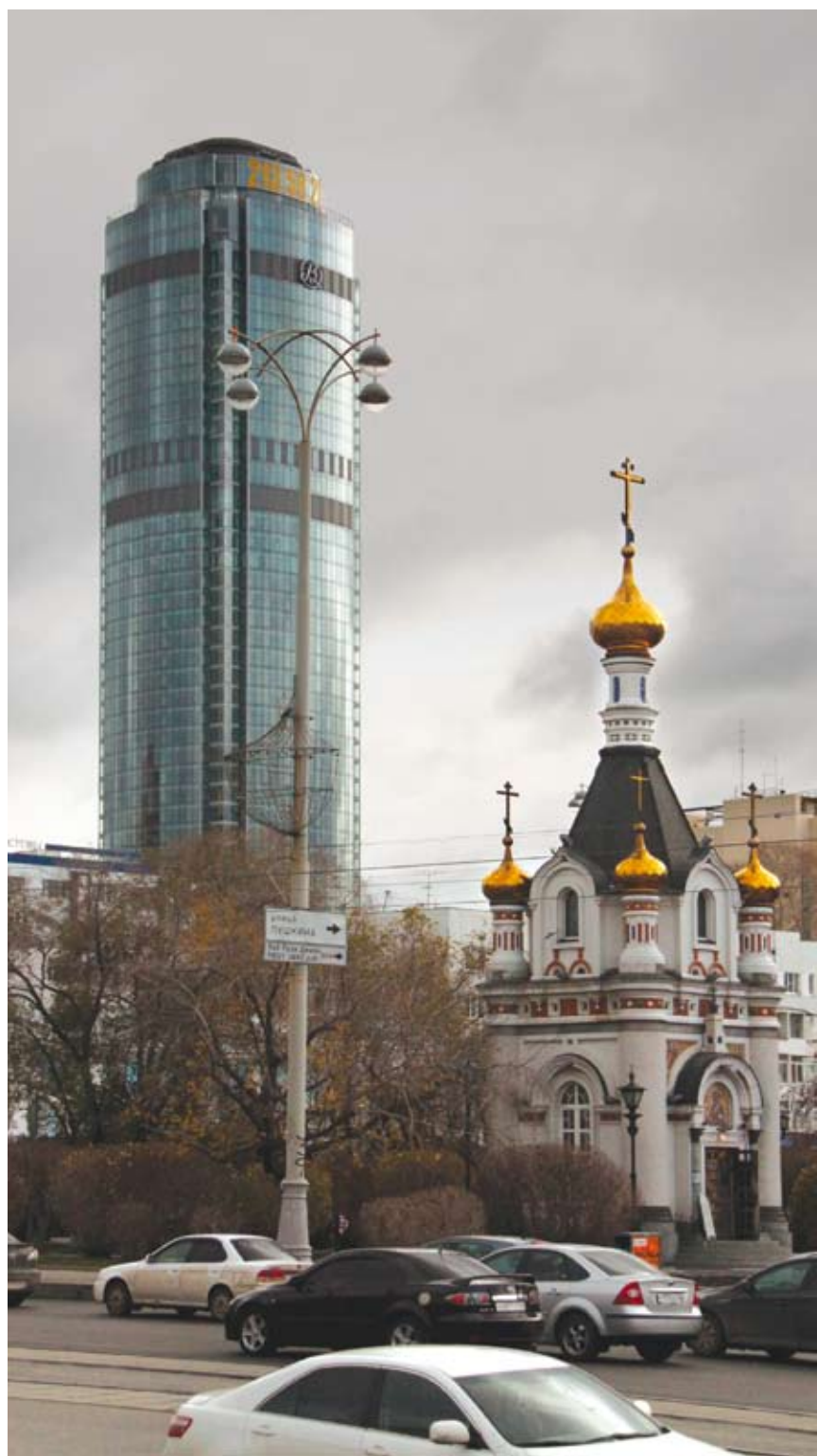
следние 20 лет строительного бума. К сожалению, город оказался не готов к рыночным реалиям. У него не оказалось «иммунитета» в виде охранных зон, правил землепользования и застройки, которые могли бы помочь защитить свой центр и памятники архитектуры. Мы знаем, как непросто сохранить исторический облик города даже в Петербурге с активным общественным мнением, деятельностью КГИОП, охранными законами и т. п. В Екатеринбурге всего этого не оказалось.

В результате современная архитектура стала агрессивно инсталлироваться в сложившуюся городскую структуру. Стоит отметить, что архитектурное проектирование в городе находится на высоком уровне. Множество современных зданий спроектировано профессионально. Провинциальность в строительстве не прослеживается. Многие здания стильны, видна рука мастеров архитектуры.

Проблема заключается в том, что заказчики не имели и не хотят иметь необходимых сдерживающих рамок. Коммерческий интерес восторжествовал. Фактически бизнес, решая свои проблемы, активно разрушает город, и восстановить утраченное вряд ли удастся.

Отдельно стоит остановиться на рекламе. В городе нет ни законодательных, ни административных ограничений в этой сфере. Целые фасады памятников архитектуры попросту завешены гигантскими полотнищами. Город фактически стал рекламной стеной.

Пример Екатеринбурга показателен для нас. Он наглядно демонстрирует, к чему можно прийти, если серьезно не заняться законодательной базой по сохранению исторических городов и не разрабатывать стратегии их развития. Важной задачей является создание общественного мнения. Без опоры на население сохранять города будет трудно, а может быть, и невозможно.

Две премьеры

Текст: Ирина Бембель

Среди лучших проектных бюро Санкт-Петербурга творчество мастерской «Земцов, Кондиайн и партнеры» выделяют, на мой взгляд, две главные особенности. Первая – это отчетливое преобладание интеллектуальной составляющей над чувственной, стихийной. Вторая – последовательная приверженность поиску современного петербургского языка, отрицающего внешнее подражание, но адекватного «духу» и образу города. Эстетически отточенные, логически выверенные и эмоционально нейтральные, с широким использованием стекла и современных технологий – такими предстают работы коллектива на протяжении многих лет. Две премьеры ушедшего года, при всех различиях задач и месторасположения, тоже органично встают в этот ряд. Одна из этих работ – жилой комплекс «Диадема» – была удостоена серебряного диплома последнего фестиваля «Архитектон» и диплома московского фестиваля «Зодчество».

«Идеальный» взгляд архитектора

Замкнутый по периметру, сверкающий гранями стекла и полировкой камня, жилой комплекс премиум-класса «Диадема» на Крестовском острове хорошо соответствует своему названию. Поскольку его авторы не любят «заигрывания» с историческими стилями, новое архитектурное украшение берега Средней Невки также получилось современным и геометричным.

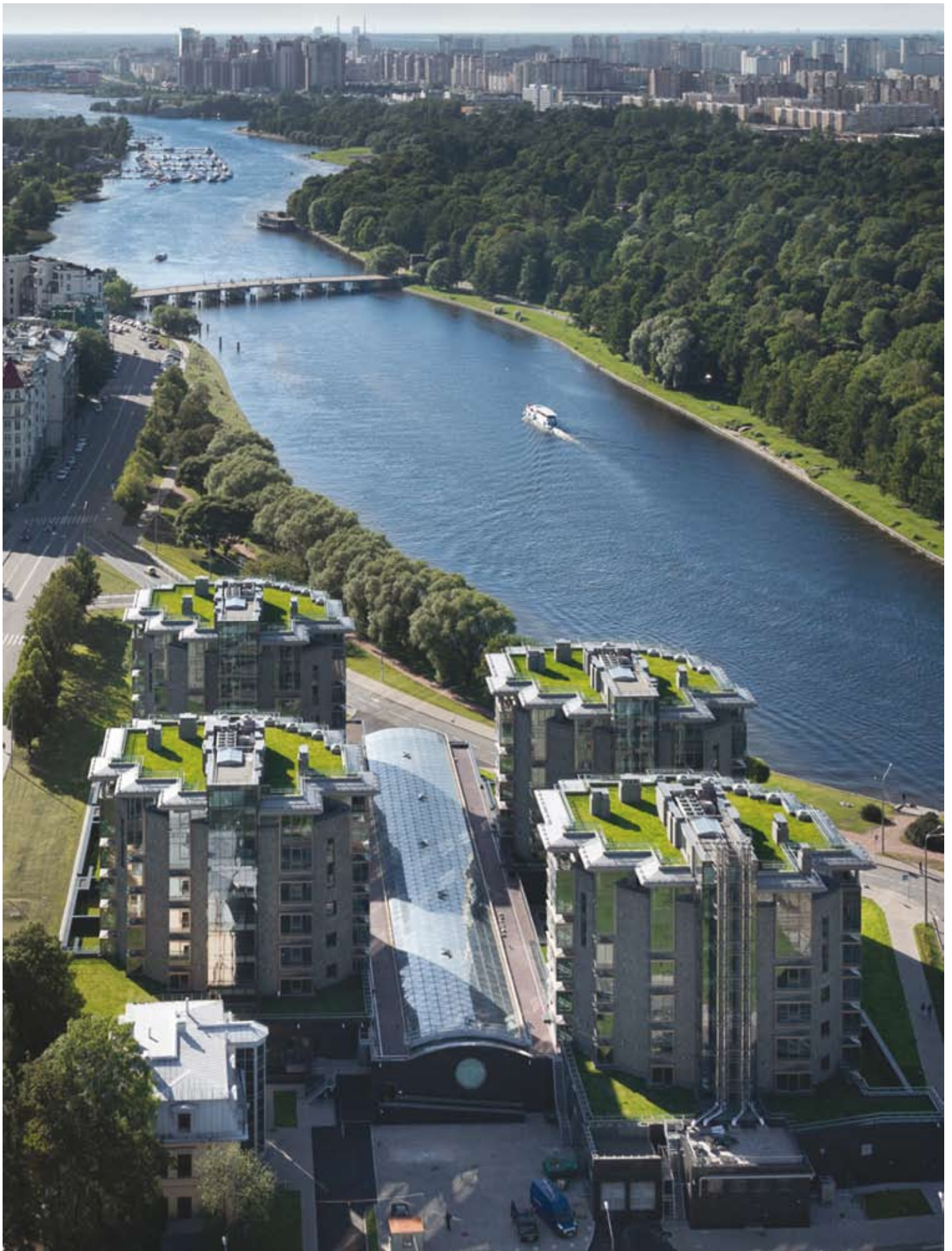
Две основные задачи легли в основу объемно-пространственного решения. Первая – максимальное число видовых квартир, ориентированных на воду и Елагин остров. Вторая, связанная с ней, – уход от единого крупного объема, организация сомасштабной острову камерной застройки. Так

родилась идея четырех компактных башен, стоящих по углам участка в форме параллелограмма. Та сторона домов, что выходит на Среднюю Невку, почти полностью стеклянная, тогда как другая, обращенная к соседней застройке, частично одета камнем. Легкая асимметрия в использовании материала и формы рождает впечатление, подобное эффекту закатного солнца, разделяющего дома на две иллюзорно разные половины. Сочетание «гофрированного» стекла и скругленного матового камня создает остросовременный рисунок фасадов, однако общий силуэт с сильным выносом карниза, камерные пропорции, вентиляционные устройства, очертания напоминающие каминные трубы, – все это отсылает к образу

частных особняков начала прошлого века.

Рассматривая общие виды ансамбля с высоты птичьего полета или с противоположного берега, нельзя не оценить это умное, выверенное рисование, эту изысканную геометрию строгих, изящных линий. Легкие, прозрачные башни сдержанно приветливы, а комплекс в целом рождает ощущение равновесия и респектабельности. Особого внимания заслуживает озеленение крыш – первый столь масштабный опыт в Санкт-Петербурге. Эти ровные травяные газоны впоследствии могут быть превращены владельцами в настоящие сады Семирамы.

По мере приближения характер архитектуры несколько меняется. Ансамбль, максимально открытый в смысле планировки квартир, последовательно интровертен на уровне земли. В первую очередь такое впечатление формирует внешняя гранитная стена подчеркнуто защитного свойства (нижняя ее часть обрамляет собой полузаглубленный паркинг, выполняющий роль стилобата, а верхняя выступает над землей в качестве собственно ограждения). Чтобы жильцы не чувствовали себя в неприятной изоляции, авторы прорезали ее гладь прерывистым пунктиром небольших квадратных окон, однако этой стильной кубистической графике оказалось не под силу смягчить суровость черного полированного камня, и вместо традиционного для жилого комплекса приглашающего пространства получилась, скорее, зона надменного отчуждения. Единственный вход, размыкающий черный абрис «Диადемы» со стороны Депутатской улицы, выглядит скорее элегантно

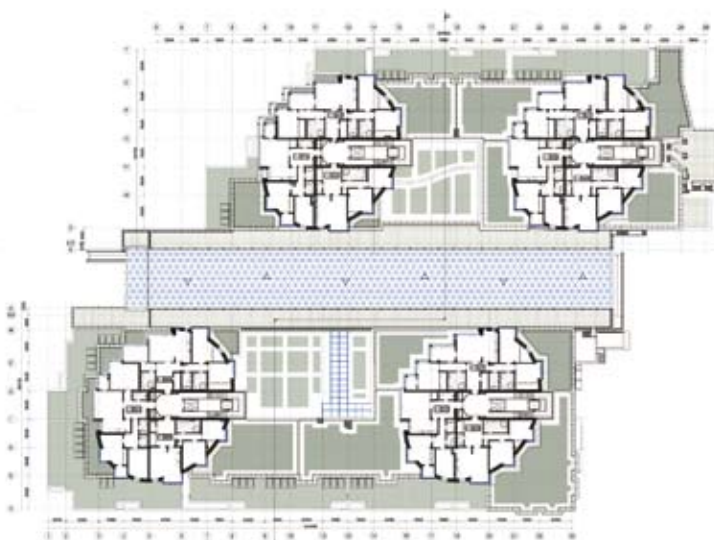

«замком», чем гостеприимными воротами. Внутренняя территория, включающая несколько частных участков, также разделена внушительными гранитными перегородками. Конечно, приватность должна быть обеспечена, но трудно понять, почему, скажем, проверенной веками решетки в сочетании с плотной зеленой изгородью авторам показалось недостаточно. Черный полированный гранит вообще не характерен для Петербурга: в нашем «сером» и «регулярном» городе всегда была в ходу и радовала глаз цветная штукатурка, а также светлые и теплые сорта камня. Правда, использованный оттенок не соответствует замыслу архитекторов – он должен был быть более позитивным, зеленоватым. Жаль, что в наше время горожане часто становятся заложниками строительных и отделочных фирм, лоббирующих собственные узкие интересы. Необычным стало решение входной зоны в форме зимнего

сада с красивым сетчатым остеклением, расположенной на продольной оси участка. Эта альтернатива обычного внутриворотового пространства совмещает в себе функции зеленого двора и холла с рецепцией. Цель – максимальное удобство и защищенность жильцов, исключая любую неприятную случайность. Попадая с улицы в это обширное (около 100 м в длину) комфортное пространство, обитатели могут пообщаться, понаблюдать за играющими детьми, посидеть в кафе или же, не задерживаясь, свернуть в один из четырех входов в жилые зоны. Рекреационный объем зимнего сада отчасти нейтрализует первоначальное впечатление суровости и задуман, очевидно, как своего рода компенсирующая зона общения (ведь можно было построить четыре отдельных входа в дома непосредственно с улицы). Однако сам принцип столь строгого зонирования внутри жилой территории представляется спорным, поскольку не доверяет стихии жизни во всем ее многообразии и предполагает в людях лишь пассивных исполнителей намеченных проектировщиками процессов. Впрочем, по словам авторов, именно такое задание было

четко сформулировано заказчиками и самими жильцами. К сожалению, тенденция воспринимать общие территории как ничьи, а соседей как потенциальных врагов, до сих пор составляет неотъемлемую часть постсоветского менталитета и продолжает влиять на мышление архитекторов. Последовательно регламентированный, закрытый характер комплекса – пожалуй, единственный, но принципиальный упрек, который хотелось бы адресовать проектировщикам. В данном случае интересы его обитателей вступают в ложное противоречие с интересами общегородского пространства, а внутри территории – и друг с другом (гранитные стены между крошечными участками). В результате «идеальный» взгляд на отдельно взятый объект как на наилучший компромисс конкретной функции и отвлеченной эстетики нередко доминирует над психологическими и социальными аспектами.

план 2 этажа

Жилой комплекс со встроенными помещениями и подземным паркингом «Диадема»
 Адрес: Санкт-Петербург, Петроградский район, Константиновский пр., участок 1 (южнее пересечения Депутатской ул. и ул. Вакулечука).
 Проектирование: 2006–2011
 Строительство: 2007–2011
 Проектная организация: ЗАО Архитектурное бюро «Земцов, Кондияин и партнеры»
 Авторский коллектив:
 Архитекторы: Ю. Земцов, М. Кондияин, М. Веснина, А. Глазова
 Конструкторы: А. Рашкин, С. Мельник
 Заказчик – ООО «Идеал»
 Подрядчик – ООО «Евростиль»

Объемно-планировочные показатели
 Площадь участка: 1,1324 га
 Площадь застройки: 9160 кв. м
 Строительный объем: 120 000 куб. м
 Общая площадь здания: 29 920 кв. м
 Этажность: 7
 Общая площадь квартир: 14 159,18 кв. м
 Количество мест в автостоянке: 152
 Количество квартир: 76

Новое и старое

В Зоологическом переулке незаметно и органично встали два новых здания. Незаметно – потому что в точности воссозданы фасады прежних.

Бывшие доходные дома Ф.И. Кирикова (Зоологический пер., № 2-4) были построены в начале XIX века, в 1881–1883 и в 1900 годах перестраивались и расширялись по проекту архитектора И.Е. Иогансона, а в 1910–1914 годах были расширены архитектором И.И. Долгиновым. В 1980-х годах здесь располагался профилакторий Ленинградского университета, позднее – его же общежития.

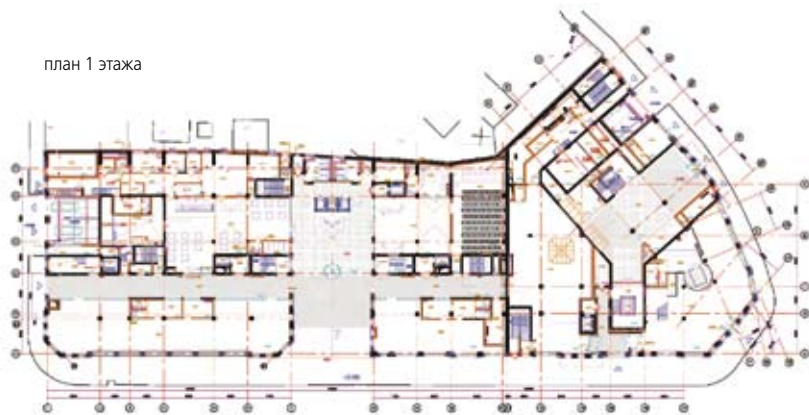
Исключительные по расположению (и прежде всего по видовым характеристикам) постройки не оставляли сомнений в неизбежности смены функций. В 2008 году дома признали аварийными и снесли с требованием КГИОП воссоздать фасады. Сначала на этом участке предполагалось построить гостиницу, однако после смены владельца решено было совместить в двух смежных зданиях офисный центр, жилую зону и апартаменты.

Главным композиционным узлом нового комплекса стал

просторный крытый атриум, расположившийся между двумя домами. При этом его наружная стеклянная стена была несколько вынесена вперед по сравнению с прежней каменной, сократив пространство дворовой ниши. По обе стороны от нее в Зоологическом переулке проходит торговый пассаж, глубже по периметру атриума предусмотрена зона обслуживания, выше разместятся офисные помещения, а в доме № 2 – также и апартаменты. Роскошные видовые квартиры спроектированы в корпусе, выходящем на Мытнинскую набережную. Трехуровневый подземный гараж полностью решает проблему парковки.

Даже в этом проекте авторы остались верными своему неизменному принципу временной идентичности. Тщательно воспроизведя лицевые фасады, они сочли необходимым подчеркнуть разместившуюся за ними новую функцию. Технологически совершенная, лишенная привычных грубых швов стеклянная гладь атриума отчетливо обозначила просторную общественную зону там, где раньше укрывалась частная жизнь. Подобным же образом стеклянная мансарда над карнизом заменила собой прежнюю скатную крышу, открывая

план 1 этажа

обитателям захватывающие дух невские просторы и панорамы Петроградской стороны.

Устаревание и последующая смена функции – естественный процесс, имеющий место во все времена. Мера неизбежного компромисса при этом бывает разной, и в основе исходной установки могут лежать два различных подхода. Один ставит на первое место историческую подлинность, другой рассматривает здание как объект городской среды, для которой общие визуальные характеристики важнее идентичности. В нашем случае, когда подлинность исторических интерьеров была безвозвратно утрачена, а ширина улиц, тротуаров и дворов насущно требовала подземного паркинга, авторы избрали второй подход. В результате город приобрел два практически новых здания без искажения исторического облика данного места. Безусловно, этот подход не является универсальным, но в данной ситуации представляется оправданным. Лично мне кажется, что рисунок мансарды мог бы быть мягче, но авторы, верные принципу подчеркнутого дистанцирования старого и нового, и здесь предпочли метод контраста.

Комплекс жилого и нежилого домов со встроенными помещениями и гаражами
Адрес: Санкт-Петербург, Петроградский район, Зоологический пер., 2-4, лит. А, Б
Проектирование: 2006–2012
Строительство: 2008–2012
Проектная организация: ЗАО Архитектурное бюро «Земцов, Кондиайн и партнеры»
Авторский коллектив:
Архитекторы: Ю. Земцов, М. Кондиайн, В. Соколовский
Заказчик: ОАО «Строительная корпорация «Возрождение Санкт-Петербурга»
Подрядчик: ЗАО «УСП»

Технико-экономические показатели
Общая площадь здания: 30 994 кв. м
Площадь офисной части: 8039 кв. м
Количество квартир: 19
Автостоянка: 3 подземных уровня
Количество мест на автостоянке: 160

Итальянский «Маршал» на Октябрьском поле

Текст: Ирина Бембель

Комплекс «Маршал» возник на месте упраздненного 22-го Бронетанкового ремонтного завода, в окружении «сталинского» и позднесоветского контекста. Здания Каро Алабяна и дома, построенные пленными немцами («немецкая слобода»), стали для архитектора дополнительным стимулом формообразования и вдохновения. Жилье изначально

и одновременно изящную вариацию на итальянскую и «сталинскую» темы. Свернув с магистрали в глубину квартала, человек попадает в совершенно иной мир, начерченный живой рукой художника и увлекающий любого, даже самого невнимательного прохожего. «Лепящиеся» друг к другу секции в духе флорентийских фасадов, восходящие потоки аркад с иллюзорным визуальными смещениями в пол-этажа, красивые увенчания в духе ренессанса и послевоенного ампира – такова затейливая ткань, формирующая сложную композицию квартала. Его лицевой, акцентированный фронт развернут по улице Маршала Рыбалко. Сюда выходит прямая стена дома и торец перпендикулярного ему корпуса, расположенного по улице Народного Ополчения. Оба они отмечены более «концентрированной» графикой и интенсивным цветом. Декоративно насыщенные портики верхних этажей, а также неожиданные контрфорсы с аркутами на торце дома, смотрящем на улицу Народного Ополчения, визуалью закрепляют вход внутрь квартала. За ним открывается сложная конфигурация первого двора, ограниченного выступающей стеной спиралевидного корпуса – центрального узла всей композиции. Его высота постепенно возрастает от четырех до семнадцати этажей, увенчиваясь легким «сталинским» бельведером.

С улицы Народного Ополчения квартал воспринимается иначе. Здесь мы видим обширное, открытое, «втягивающее» пространство, предваренное сквером, в котором сохранен дух места: танк на пьедестале и ворота с советскими эмблемами, напоминающие об упраздненном заводе. Сквер обрамлен двумя взаимно перпендикулярными корпусами: один, о котором речь шла выше, выходит высоким, усиленным торцом на улицу Маршала Рыбалко, а второй, напротив, начинается плавным подъемом от улицы Народного Ополчения. Невысокий, обобщенно прорисованный и монохромный, он возникает как первая, тихая фраза будущего лейтмотива, которая в дальнейшем, усиливаясь и развиваясь, достигает высокой точки в изящном бельведере, эффектных перспектив второго и третьего дворов и завершающего мощного форте по улице Маршала Рыбалко.

Композиционным центром этого «втягивающего» пространства является круглый двор внутри спиралевидного корпуса, посреди которого расположена маленькая дорическая ротонда. На этой же оси, за сложным арочным проемом расположен следующий двор, эффектно замыкающий анфиладу симметричным угловым объемом полуподземного гаража, увенчанного крестообразным в плане тосканским «храмиком».

Может ли «классика» быть многоэтажной? Могут ли современные высотные дома быть интересными для восприятия? Может ли красиво нарисованная архитектура быть социальной? Могут ли сегодняшние вкрапления «классики» в современную городскую ткань играть гармонизирующую роль? На эти риторические для многих вопросы дает ответ Михаил Филиппов жилым комплексом на улице Маршала Рыбалко в Москве.

но позиционировалось как социальное: половина корпусов построена для военных очередников.

Михаил Филиппов позиционирует себя как ортодоксальный «неоклассик». Думаю, этим он скорее противопоставляет себя как просто беспринципным «юзерам» ордерной лексики, так и постмодернистам, у которых беспринципность возведена, так сказать, в главный принцип. На самом деле «неоклассика» Филиппова – это не только совершенно свободные, неканонические вариации на тему греческой, римской, готической, палладианской, «сталинской» и других исторических стилистик, но и последовательное сведение их к новому, цельному, «филипповскому» знаменателю.

Почерк его узнаваем. Благодаря очевидной, непривычно высокой культуре рисования его постройки выделяются на фоне современного архитектурного хаоса, подобно тому, как выделялась бы вагановская балетная техника на фоне эстрадного танцевального шоу. И хотя градостроительную ситуацию вокруг улицы Маршала Рыбалко можно считать вполне благополучной – на фоне нейтральных панельных коробок этому месту задают тон и придают «вкус» «сталинские» дома, – даже здесь архитектура Михаила Филиппова впечатляет не только высоким профессионализмом, но и неведомой тоталитарной эпохе диалектической сложностью мышления.

Огромный комплекс представляет собой монументаль-

Многофункциональный жилой комплекс экономкласса с подземной автостоянкой
Адрес: Москва, ул. Маршала Рыбалко, вл. 2
Проектирование: 2006–2008
Строительство: 2007–2012
Генеральный проектировщик: «ЛенПолПроект»; Мастерская М. Филиппова
Авторской коллектив
Руководитель: М. Филиппов
Архитекторы: С. Агеев, В. Гельфанд, А. Козляев, С. Лоргус, Л. Нечаева, Т. Филиппова, А. Филиппов, Е. Фролова, Е. Хагурова
Заказчик: Министерство обороны РФ
Генеральный подрядчик: ОАО «УНР 494»

Площадь участка: 6,3 га
Площадь застройки: 2,03 га
Этажность: 4-10-17 (башня)
Общая площадь комплекса: 212 000 кв.м
в том числе
наземная часть комплекса: 140 563 кв.м
подземная часть комплекса: 70 346 кв.м
Количество квартир: 772
Общая площадь квартир: 56 058 кв.м
Общая площадь помещений общественного назначения: 60 432 кв.м
Количество мест в подземной автостоянке: 1130
Площадь технических помещений: 19 264 кв.м

Административно-деловая часть комплекса сориентирована на Волоколамский проезд и улицу Народного Ополчения и является шумозащитным экраном для жилья. Закругленный ступенчатый корпус вмещает торгово-развлекательный центр, офисный центр, ресторан, кафе, фитнес. Фасадам, выходящим на улицу Маршала Конева, отведена подчиненная роль внешнего ограждения, спокойно замыкающего огромный комплекс.

В основе всей этой устойчивой композиции с элементами симметрии лежит любимый Михаилом Филипповым и некоторыми другими современными «неоклассиками» (например, Максимом Атаянцем) прием имитации античной градостроительной сетки. Так, центральный спиралевидный корпус повторяет очертания амфитеатра, а остальные дома – «естественно» формирующуюся вокруг его руин средневековую застройку.

Должна ли быть архитектура «честной»? Нет, она должна быть красивой, – в этом уверен Михаил Филиппов. «Нас возвышающий обман» грешит лишь против «низких истин» (не таковой ли является credo модернизма – функциональность?), стремясь выразить ту высокую Истину, которая тождественна Красоте. Этот язык упрямо говорит об иности, которого не хочет замечать мир потребления. Глу-

бочайший антагонизм между современной архитектурой материализма и традиционной архитектурой религиозных обществ базируется на разнице исходных установок: если старые мастера стремились постигнуть и выразить законы мира идеального, вечного, то современные архитекторы – материального, временного. Именно на этом основано категорическое неприятие Михаилом Филипповым «современной архитектуры».

Казалось бы, идущий таким путем в наше время заведомо обречен на поражение (если защита и проталкивание собственных интересов всем понятна, то служение «абстрактной идее» воспринимается, скорее, как странное сектантство). Однако на деле красивая, богатая ассоциациями, удобно спланированная и качественно построенная архитектура оказывается коммерчески успешной: люди охотно вкладывают деньги в такое нестандартное и одновременно демократичное жилье.

Живая вера в онтологическую объективность выражаемого, с одной стороны, дает силы, помогает найти нужные «слова» и «фразы», а с другой – сообщает привкус неуловимой горечи и печальной отстраненности этой архитектуре, созданной «вопреки». Хрупкий масштаб малого ордера, разбросанного по гигантским фасадам, его жесткие, ломаные линии, не ведающие прикосновения рук, а также явственно обозначенная иллюзорность этого архитектурного действия в сходящемся на нет корпусе, предвещающем центральный спиралевидный объем, – все это выдает наше холодное время неверия и лишней раз напоминает о трагическом антагонизме между духом и материей.

Но, воплотившись в камне, это видение уже не растворится, уступив место более привычной архитектуре из стекла и бетона. Вечные формы и узнаваемые архетипы гармонизируют пространство, пробуждают мысль и воображение и образно проповедуют Царство не от мира тем, для кого трудился зодчий. Сознывая это или нет, люди любят свой квартал и гордятся им. Одна из его обитательниц поделилась наблюдением, что эта архитектура собирает людей неслучайных, людей, которым легко общаться друг с другом. Жильцам нетрудно объяснить своим знакомым, где они поселились: в этих новых **красивых** домах – при этом каждый сразу понимает, о чем идет речь. Язык, отвергнутый многими «премудрыми и разумными» профессионалами, доступен «младенцам»...

Эта правдивая архитектура, смиряющаяся перед Объективным и достойная камня, всегда будет успешно противостоять «честным» дизайн-упаковкам физической функции. В этом противостоянии хочется пожелать Михаилу Филиппову новых сил и дерзновения.

«Оранжевая революция» на зеленой траве

Текст и фото: Светозар Заварихин

Столкновение умиротворяющей зеленой долины Муринского парка и всегда загруженного сверх меры делового Гражданского проспекта несколько лет назад было приведено к некоторому согласию благодаря появлению на бровке откоса, «в зоне конфликта», красивой красно-кирпичной церкви. Но недолго длилось это согласие. В этом году наискосок от храма, на другом берегу долины, завершилось строительство главного корпуса частного физкультурно-оздоровительного комплекса Nova Arena. И пространство вновь взорвалось материализованной энергией борьбы природного ландшафта и безостановочного потока транспорта на фоне заурядной жилой застройки. Но теперь катализатором «нового динамизма» стали «пляшущие» оранжевые полосы головного блока комплекса, сооруженного ООО СК «Стройсоюз» по проекту, разработанному специалистами генпроектировщика – ООО СК «Базис». Авторы проекта М.В. Быстрова (главный архитектор), архитектор Л.В. Цветкова, конструктор А.В. Щукин.

Долина Муринского ручья, превращенная в парк, – это все, что осталось от бывшего тихого зеленого пригорода. Теперь ее пересекают три шумных проспекта, а берега окаймлены не менее шумными магистралями с односторонней застройкой. В таких каменных шорах живописная долина кажется еще более экзотичной, как явление из далекого прошлого. Возможно, поэтому яркие архитектурные «аттракционы» не могут казаться здесь неуместными пришельцами, какими они выглядели бы в классическом

Петербурге. Одним из подтверждений этого стало головное здание Nova Arena, игриво одетое серыми с оранжевой окантовкой ломаными пластинами различной ширины.

Декоративно трактованная деконструктивистская тектоника позволила авторам избавиться свое детище от монолитного монументализма, столь присущего строгим компактным объемам, даже полностью остекленным. Зрительно облегченное, здание спорткомплекса не выглядит слишком серьезным, не подавляет зеленый откос своей массой и многозначительностью образа, приближаясь к облику парково-развлекательных зданий или даже аттракционных сооружений. Парк, таким образом, сохраняет здесь свою релаксационную привлекательность, не напоминая лишний раз своим посетителям о близости привычного урбанистического окружения.

Однако будучи обозримо не только из парка, но и с двух проспектов – Гражданского и Северного, – а также с суматошной круглой площади-развязки на их пересечении, здание играет уже совсем другую, скорее драматизирующую, чем нормализующую, роль в обширном пространстве, насыщенном нескончаемым броуновским движением людей и машин. Уместно ли в таком динамичном пространстве это будоражащее нагромождение ломаных плоскостей и оранжевых линий? Ответ будет очевиден, если признать полностью неуместным появление здесь классически строгого традиционного здания. Действительно, этот оранжевый бунт против «правильной» архитектуры обостряет и без того нервную напряженность пространства, но в то же время он выполняет функции необходимого в типовой гомогенной среде индивидуального «опознавательного знака» конкретного места действия. Это бесспорно. Спорна лишь «цена вопроса» с точки зрения петербургского культурного менталитета. Тем более что сформировался драматично-напряженный, хотя и молчаливый, диалог современного деконструктивизма со спокойно-созидательной уверенностью традиционного храмового зодчества.

Конечно, строгий архитектурный критик заметит, что боковые фасады имеют вид состава, в котором «паровозик» выполнен в графически-линейной архитектурно-системной системе, а «вагончики» – в плоскостной (слишком натуралистично для архитектурного объекта). Заметит он и стилистический контраст этого «зального» здания с более ранним корпусом трибун, исполненным в элегантно-конструктивистской манере. Протяженный трибунный корпус по-настоящему красив, но никакого влияния, кроме цветового решения, на архитектуру главного здания не оказывает. Более того, он скромно прячется за деревьями

в глубине участка, будто боясь контрастного сравнения со своим необычным соседом.

Что же в итоге? Главное, что благодаря инвестору – ООО «Анна Нова» – совместными усилиями двух строительных компаний город получил столь необходимый ему качественный физкультурно-оздоровительный комплекс с универсальными, теннисными и многофункциональными залами, бассейном, фитнес- и спа-центрами, кардио- и аэробным залами, с магазинами, кафе и рестораном, с крытыми трибунами и полем пляжного футбола – крупнейшим в Санкт-Петербурге и одним из лучших в Европе. Но город получил и образец необычной деконструктивистской трактовки фасадов. Смелый эксперимент можно считать состоявшимся, во всяком случае для данной ландшафтной ситуации. Но с дальнейшим распространением этого экспериментального опыта спешить, пожалуй, не стоит. Петербург все-таки...

Объект: Физкультурно-оздоровительный комплекс «Nova Arena»
 Адрес: Муринский парк, пересечение Гражданского и Северного проспектов
 Проектирование: 2007–2010 (стадион); 2008–2012 (главный корпус)
 Строительство: 2008–2010 (стадион); 2010–2012 (главный корпус)
 Генпроектировщик: ООО СК «БАЗИС»
 Авторский коллектив
 Архитекторы: М. Быстрова (руководитель проекта), Л. Цветкова
 Конструктор: А. Шукин
 Заказчик: ООО «Анна Нова»
 Площадь участка: 28,06 га
 Этажность: корпус при стадионе: 2, главный корпус: 4–5
 Общая (полезная) площадь: корпус при стадионе – 1300 кв.м; главный корпус – 10 700 кв.м

Об авторе:
Светозар Заварихин – доктор архитектуры, профессор СПб ГАСУ

Марек Будзинский: христианская философия урбанистики

Текст: Ирина Бембель

Смелый, иррациональный сплав модернизма и традиции, неуловимая славянская идентичность, обильное озеленение фасадов и крыш, открытый, гуманный характер архитектуры и синтез ее с другими видами искусства – все это ярко выделяет произведения Марека Будзинского не только в контексте его родины, Польши, но и на фоне общеевропейского модернистского мейнстрима, и в сопоставлении с произведениями высокой архитектурной моды. В основе этого творчества лежит цельная, последовательная программа – не только архитектурно-градостроительная, но и этическая, мировоззренческая. Поскольку в целом среди проектировщиков это явление редкое – тем более хотелось бы сделать ее более доступной для тех, кто участвует в судьбах архитектуры и урбанистики или просто пытается осмыслить их.

Марек Будзинский

Биография

Марек Будзинский родился в 1939 году. В 1963-м закончил архитектурный факультет Политехнического университета Варшавы, в 1984-м защитил диссертацию по архитектуре. Первой большой самостоятельной реализацией стал Азотный завод в городе Влоцлавек (1968). По собственному признанию архитектора, специфическая задача организации на одном пространстве нескольких параллельных процессов очень помогла ему впоследствии в выработке принципов планирования жилых районов. Первым из них стал микрорайон Северный Урсынов в Варшаве (1972–1980), где молодому Будзинскому досталась ответственная роль генерального проектировщика. Именно эти годы отмечены в Польше началом политических перемен, что способствовало проникновению в архитектуру смелых градостроительных идей, расшатывающих догмы массового модернистского проектирования. Затем последовал микрорайон Молодых в Варшаве (1978–1989). В 1980–1985 гг. Будзинским возведен костел в Северном Урсынове, решенный в

модернизированных брутальных романских формах. Вместе с площадью он стал центром общественной жизни разрастающегося района. Примерно десять лет спустя на прилегающей территории расположился Урсыновский пассаж – новая часть микрорайона, апеллирующая к историческим формам. Крупнейшими объемными постройками Марека Будзинского стали Дворец правосудия в Варшаве (1991–1999), библиотека Варшавского университета (1994–1999), оперный театр в Белостоке (2006–2012) и находящийся в процессе строительства университетский кампус в Белостоке (с 2010-го). Следует упомянуть также учебный корпус юридического факультета Варшавского университета (1996–1998) и ансамбль жилой застройки «Под березами», Варшава (2005–2007).

В настоящее время Марек Будзинский является профессором Политехнического университета Варшавы¹.

Архитектор-христианин

Убежденный христианин-католик широких взглядов, Будзинский основывает свою концепцию на твердые живой веры, дающей ясный ориентир творчеству, главный смысл которого – создание гуманной среды обитания человека. Сочетание традиции и новаторства, логического и творческого в его архитектуре отражает те диалектические противоречия, которые, по его убеждению, являются неотъемлемой характеристикой процесса жизни на Земле и органично переплетаются в могучем древе Культуры².

«Мы стараемся работать на стыке двух профессий – архитектуры и урбанистики, – пишет Будзинский. – Обе эти сферы мы считаем «практическими», где теория и практика должны иметь непосредственную взаимосвязь. В конфликте этих двух профессий по организации пространства накладываются друг на друга несколько факторов:

1. Человеческие позиции «Я» и «Мы»;
2. Проблема равновесия процессов, создающих и под-держивающих жизнь;
3. Задача противостояния краткосрочным политическим или финансовым интересам, как и императиву моды.

Поиск связей между тем, что в индивидуальном является общим, а в общем – индивидуальным, мы считаем увлекательнейшей проблемой формирования современного пространства. Такой подход, дающий шанс докопаться до сути вещей, веру в творческую роль противоречий, а также осознание взаимозависимости каждой отдельной части и целого, мы стараемся реализовать в своей работе».

«Диалог Природы и Культуры» – таково кредо этого градостроителя-философа, близкого идеям «нового урбанизма»³, однако развивающего их на более глубоком,

Дворец правосудия в Варшаве

Костел в варшавском районе Северный Урсынов

онтологическом уровне. Этот красивый девиз скрывает под собой детально проработанное основание, затрагивающее религиозные, политические, социальные, экологические вопросы, и предлагает конкретную программу действий, обращенную к каждому соотечественнику и шире – к каждому землянину.

Марек Будзинский рассматривает Культуру как полноту последовательных достижений человека и его творческих процессов и Природу как полноту Творения без участия человека. По его убеждению, человеческие ценности зависят от веры, существует Истина или нет, от того, как мы ее определяем и как стремимся к ней.

Признавая деньги гениальным изобретением человечества, целью которого, как и задачей рынка, является определение стоимости разнообразных вещей, Будзинский подчеркивает, что ни деньги, ни рынок не в состоянии оценить такие категории, как Жизнь, а в ней Любовь, Вера и Надежда. «Мы стремимся, – пишет он, – познать таинство Жизни. Мы верим или знаем, что она возникла в нескончаемом процессе Творения, называемом также эво-

люцией. Наука считает, что этот процесс зародился около 10 млрд лет назад, продолжается поныне, и мы не можем определить его конец. Теология утверждает, что процесс Творения продолжается и мы не знаем ни его начала, ни конца. Целью этого процесса было и остается создание Жизни и увенчание ее Человеком. В основании этого процесса заложено противоборство добра и зла, как и других противоположностей, с тем, чтобы осуществился перевес организации над энтропией, творения над уничтожением». **Фундаментальной проблемой** Будзинский считает то, что «на протяжении 100 000 лет своего существования homo sapiens, прежде всего, является захватчиком пространства и разрушает, не задумываясь, очень тонкие процессы формирования и сбережения жизни. Сегодня мы подошли к критической точке, когда угроза жизни стала глобальной. Она исходит из внутренних противоречий Культуры, а также является результатом разрушительного, потребительского вмешательства через Культуру в естественный процесс создания и поддержания жизни».

В последнее время наиболее значительным фактором в

¹ Основу дальнейшего текста составляет авторский перевод статьи М. Будзинского «Сохранение жизни как фундаментальной ценности городского пространства», опубликованной на его сайте <http://www.tbarch.pl>, с приведением многочисленных цитат.

² Написание некоторых нарицательных слов с заглавной буквы оставлено в соответствии с оригинальным текстом Будзинского.

³ «Новый урбанизм» – направление в современном градостроительстве, нацеленное на отказ от жесткого зонирования, на применение принципов планировки и масштаба старых городов, на развитие комфортных пешеходных зон и т. д. Считается, что он возник в США в начале 1980-х как ответ на усугубляющийся кризис модернистской градостроительной идеологии, однако его истоки появились значительно раньше. Подобные процессы имели место и в Европе начиная с 1960-х гг. В настоящее время образцовым городом с позицией «нового урбанизма» считается Копенгаген.

Культуре Будзинский называет «принуждение через цивилизацию Северной Атлантики, а также великие сообщества Китая, Индии и России⁴ к принятию либерализирующей идеологии ничем не подкрепленной системы виртуальных денег, а также виртуального рынка и все большее утаивание информации за широким лозунгом об индивидуальной свободе личности. Одновременно была создана наиболее тоталитарная, антидемократическая система международных финансов. Она породила самоформирующуюся и саморегулирующуюся элиту, поддерживающую примат экономической системы над демократической, а также единственность этой точки зрения.

Этот, несомненно, наиважнейший и наимогущественнейший внутрикультурный процесс, вопреки отчетливо обозначившимся движениям экологическим, энергосберегающим или Greenpeace и их широкому общественному признанию, игнорирует связь Жизни и Пространства. Можно констатировать, что в польских условиях и политика, и бизнес, и религия не только не замечают этой связи, но и трактуют ее враждебно...».

Одной из главных проблем Будзинский называет отсутствие синтеза знаний⁵. Еще хуже, по его мнению, то, что наука, изучающая взаимосвязи Природы и Культуры, оказалась политизированной и коммерциализированной.

Архитектор пишет: «Ритмы, циклы, повторения, преемственность есть основа существования процессов, создающих и поддерживающих Жизнь. Случаи вмешательства изменяют устойчивые циклы. Они равно могут быть началом как новой, лучшей организации, так и энтропии. Противостояние организации и энтропии с позиции человеческих ценностей есть по сути противостояние добра и зла.

Добро творит жизнь, зло ее уничтожает».

Урбанистика и глобализм

Будзинский-урбанист исходит из аксиомы, согласно которой человек – наибольшая ценность города. Таким образом, ценность городского пространства зависит единственно от того, способствует ли оно поддержанию жизни, поскольку на это нацелены как Природа, так и Культура.

По убеждению Марека Будзинского, нам, имеющим свободную волю и разум, доступны некоторые принципы Творения, и нет никаких оснований для отказа от этих принципов, а только для их осторожной, взвешенной творческой интерпретации и развития.

Архитектор рассматривает города как локальные организации культуры; каждый город – это организм, сформированный через осознанные и спонтанные действия человека. Он основан на чувстве связи, безопасности и широких возможностях обмена товарами. Взамен этого чувства

город выдвигает ограничения. Эти ограничения вытекают из обеспечения общих интересов. «Город и его сетевой уклад, – пишет Будзинский, – это колыбель демократии, осознание разделения ролей и одновременно гражданско-го равенства. <...> Город создал свои исторические формы пространства – улицу, площадь. Создал выразительное единство индивидуальной собственности, индивидуального пространства – и общественного. Однако процессы раздела собственности постепенно нивелировали эту выразительность».

Сегодня города в целом динамично разрастаются и уже стали местом жизни около 50% населения, а по прогнозам, в ближайшие десятилетия эта цифра достигнет 80%. Будзинский констатирует, что естественный процесс их развития – это неконтролируемый рост и вторжение в природу, потребление энергии для создания условий поддержания жизни, сопровождаемое производством все большего количества опасных отходов.

«Глобализация межчеловеческих отношений, а в особенности экономики и информации, порождает ряд деструк-

⁴ Традиционное для Польши предвзято критическое отношение к российской политике отражается, к сожалению, и на культурных взаимосвязях, приводя к почти полной взаимной изоляции.

⁵ Здесь и далее выделено мной. – И.Б.

1-3. Урсыновский пассаж.
1-я половина 1990-х годов

План района Северный Урсынов.
одов

Вход в главный зал
библиотеки Варшавского
университета

тивных связей в городе. Вслед за ростом численности населения постоянно растет число автомобилей и масштаб инвестиций. Электроника нивелирует связи человека с пространством. Город, с одной стороны, интенсифицируется, а с другой – расплывается в окружающий его ландшафт. Новые инвестиции в значительной степени зависят от воли внегородских и вненародных финансовых групп. Они дают краткосрочный эффект в данном месте. Строительство ведется в соответствии с доктриной: инвестировать туда, где это больше всего окупится. Возможно, это полезно с точки зрения макроэкономической, но с точки зрения качества жизни – деструктивно. Экономическая система нацелена на постепенно возрастающее потребление единицы, не замечая слабо обозначенных или вовсе не артикулированных проблем общих, социальных».

Поиск выхода

Обозначив проблемы, М. Будзинский переходит к собственной программе оздоровления городского организма. Она базируется на усвоении опыта исторических городов. **«На определенном отрезке времени (в Европе это период от Средневековья до Просвещения включительно и в некоторых случаях XIX век, а в Китае на протяжении последних 2000 лет) города достигли такой органичности, что одна их часть не противоречила другой. Городские пейзажи этих веков всеми признаны и широко посещаемы. Обусловлено это было отсутствием как экспансии машин, так и мегамасштабных инвестиций. Связи между городским масштабом, формой городского пространства, размерами частных инвестиций и их формой были следствием равновесия общих интересов, возможностей инвестора, технических возможностей, а также просто соответствия человеку, его психофизическим чертам, что создало универсальную модель. «Я не знаю, почему, – пишет Будзинский, – несмотря на всеобщее признание достоинств ландшафта и структуры традиционного города, мы не берем на вооружение процессы, которые его сформировали, чтобы сознательно**

создать демократически ограниченное пространство на основе этого успешного опыта? – И тут же добавляет: – Очевидно, не везде, но в определенных местах и в определенных пропорциях». Поскольку современный процесс большого инвестирования (который, по Будзинскому, на самом деле и есть глобализм) тоже должен иметь свой выход. Поэтому для него хорошо было бы определить места и принципы формирования соответствующего ему пространства.

Марек Будзинский справедливо отмечает, что еще социалистический реализм⁶ использовал устоявшиеся формы городского пространства, тогда как модернизм и связанный с ним социализм реальный, а также сегодняшний глобализм, эти правила и формы свободно обходит. «Формы пространства, доказавшие свою успешность, заменяются суперзданиями офисов, гипермаркетов, гостиниц и жилых высоток. Эти здания, которые становятся самостоятельными организмами на высоком потребительском уровне, отрицают организм исторического города. Урбанистические качества удерживаются только за счет инерции сохранившихся исторических частей. А в таких городах, как Варшава, где историческая часть была разрушена, только четко выраженная воля жителей города может воспрепятствовать распаду общественных мест».

«Распространяясь, город уничтожает окружающую его природу и при этом не создает здорового микроклимата внутри, а также не только не формирует общественных пространств, но часто разрушает уже существующие. <...> Дороги и площади заполнены машинами, но это только технические приспособления для автовладельцев, которые не способствуют формированию коммуникативных связей между пользователями машин. Торговые галереи отсасывают торговлю с улиц. В городе создается все больший хаос в движении и поток неконтролируемых инвестиций с основной целью увеличения притока капитала... Современная цивилизация стремится к полному растворению личности и ее пространства. В противовес личности существует общество с его расслоением, проистекающим из величины денежного оборота вокруг каждого индивидуума. Иные ценности, в особенности те, что изложены в этой концепции, естественным образом дезавуируются. Деньги, информация, товары, услуги существуют независимо от отношений между людьми в данном пространстве».

Далее Марек Будзинский делает ряд смелых выводов.

1. Макроэкономическая система на самом деле полностью независима от городского организма, она не

⁶ Так называют в Польше послевоенный («сталинский») неоклассицизм.

Библиотека Варшавского университета

Главный зал библиотеки

является и государственной, как это было при социализме, сейчас она является глобальной. «С моей точки зрения, экономики реального социализма и глобализма одинаково относятся к пространству города – они не замечают его. Существуют вопреки ему».

2. Государство и город как самостоятельные организмы исчезают. Демократия – и историческая, и в нынешнем своем виде – непосредственно связана с конкретными группами людей, пространственно организованными в общества, государства. Все указывает на то, что глобализация влечет за собой не только исчезновение города и государства, но и естественное умирание демократии.

3. Следующий вывод касается возможности улучшить ситуацию, оздоровить город и в конечном итоге вернуть гармонию отношениям Человека, Природы и Культуры. Свои надежды архитектор связывает с тем, что «сейчас нарождается общество свободного доступа к информации, основанной на концепции сети. Сеть так уложена на поверхности Земного шара, что каждый пункт создает впечатление ее центра. Центр сети – место каждого из нас, если мы входим в нее. Это место, которое стало центром нашей жизни, может стать центром жизни на Земле в зависимости от нашей воли и способности осознать это. Это требует активного участия в сети, а также активных действий там, где мы живем. Это осознание нашего места здесь, в Варшаве, в Польше – и одновременно свободы и мирового пространства. Это путь к демократизации глобализации. Это требует параллельного создания вокруг нас организационных и материальных достижений, развивающих наши возможности, нашу волю и сознание. Создания наших ценностей и нашего окружения так, как будто наша жизнь здесь и сейчас непосредственно связана с глобальными проблемами, прежде всего с проблемами взаимодействия с Природой и Культурой для создания условий, которые поддерживают жизнь, а не только виртуальную рекламу и другие цели, обусловленные естественной потребностью в доминировании».

Дорога к демократизации глобализации, по мнению Будзинского, должна начинаться с простых вещей: с обмена информацией, идеями и взглядами вокруг того места, где мы живем лицом к лицу, где создается локальный сетевой контакт, с нашего красивого домашнего пространства, виртуально связанного с остальным миром. Эта деятельность может стать образцом.

Итак, третий вывод утверждает, что глобализация может стать гармоничной частью эволюции (Творения), если человек хотя бы на данном, критическом, этапе, осознает себя частью общего замысла Творца, исполнителем

Оперный театр в Белостоке.
Фрагмент интерьера холла

Его воли. «Мы знаем, что между нами и окружающим пространством существуют прямые связи, поскольку Бог сотворил нас для одной цели. Сотворил как очень тонкую и сложную организацию процессов формирования и сохранения Жизни. Мы также знаем, что процесс Творения продолжается. Глобализация является его частью. От нашей воли, желания и способности действовать зависит, будет ли это наша глобализация, будем ли мы в ней творчески участвовать, хотя бы локально. Зависит и то, сможем ли мы, будучи поляками, стать землянами и стать создателями нашей реальности».

Шаги к оздоровлению города

«Большие города мы должны поделить на зоны, в соответствии с конкретными экономическими и пространственными особенностями, численностью от нескольких тысяч до десятков тысяч жителей. Некоторые из этих новообразованных частей следует отстранивать, в других создать урбанистическую систему улиц и площадей в соответствии с масштабом инвестиций, а в третьих допустить спонтанное нарастание застройки. Нужно стремиться к тому, чтобы поделенные части имели свои способы притяжения локальной жизни, одновременно устанавливали связи с окружающей природой, а также включались в созданный процесс жизнеобеспечения с априори заложенным принципом дробности и разнородности инвестиций, чтобы формируемое пространство формировало также социальную общность с ее "системой связей, представлений и ценностей"».

Среди общественных принципов архитектор выделяет следующие:

«Возможность роста и объединения разнообразной индивидуальной деятельности, уверенность в относительно широкой возможности выбора, сотрудничества, взаимо-

Оперный театр в Белостоке.
Главный фасад, фрагменты

действия в создании собственной среды, ее переформирования, приспособления к новым нуждам.

Уравновешивание одновременно проявляющихся противоположностей, таких как изоляция – интеграция, выбор – детерминация, производство – потребление, обслуживаемые – обслуживаемые, специализация – универсализация, угроза – безопасность. Уменьшение специализации зон общественной активности (возможное удовлетворение в одном пространстве зоны продукции, услуг, проживания и отдыха).

Приспособление пространственных и организационных решений к постепенно возрастающему объему и сложности человеческих потребностей в рамках семьи, общественных групп и их изменчивости во времени, значительно опережающей техническое обеспечение, которое должно переформировываться».

За последние 40 лет своей более чем 50-летней практики Будзинский выработал несколько «канонов» в подходе к процессу формирования пространства. Одним из них является участие в этом процессе архитектора и урбаниста, но даже если населенный пункт формируется «естественным» образом, все равно необходимо соблюдение определенных правил. Вот наиболее простые из них.

1. Необходимо, чтобы план предусматривал возможность, с одной стороны, создания возле объекта общественного пространства (Культура), а с другой – способствовал поддержанию естественного процесса, происходящего в биосфере (Природа).

2. В каждом создаваемом объекте должно быть заложено стремление к экономии электроэнергии и минимизации отходов, к замыканию цикла потребления и воспроизводства в рамках определенного объема и площади.

3. План должен указывать, где должна возникнуть динамичная активность Культуры и как она может быть включена в последовательность публичных пространств, а также каким образом может быть обеспечена ее преемственность и взаимодействие с естественной биосферой.

4. План должен отделять пространство транзитного транспорта от пространства городских улиц (больших и малых), в которых функция доступа имеет первостепенное значение.

«Только в рамках этих правил как основы качественного формирования пространства, – уверен Марек Будзинский, – можно оценить, как мы вписываемся в естественный, хоть и противоречивый процесс взаимодействия Природы и Культуры, определяющий современные условия жизни».

Среди архитекторов, повлиявших на формирование философии его творчества, Будзинский называет в первую очередь Антонио Гауди. «Великий художник-архитектор, скульптор, инженер, человек большой религиозности. В своем творчестве он смог как никто другой сочетать триаду духа, материи и энергии. Он для меня – самый правдивый архитектор». Следом Будзинский называет Фрэнка Ллойда Райта и Алвара Аалто; последним ощутимым влиянием было творчество Луиса Канна.

Литература

1. Magazyn budowlany. 2000. № 2.

2. Magazyn budowlany. 1999. № 7.

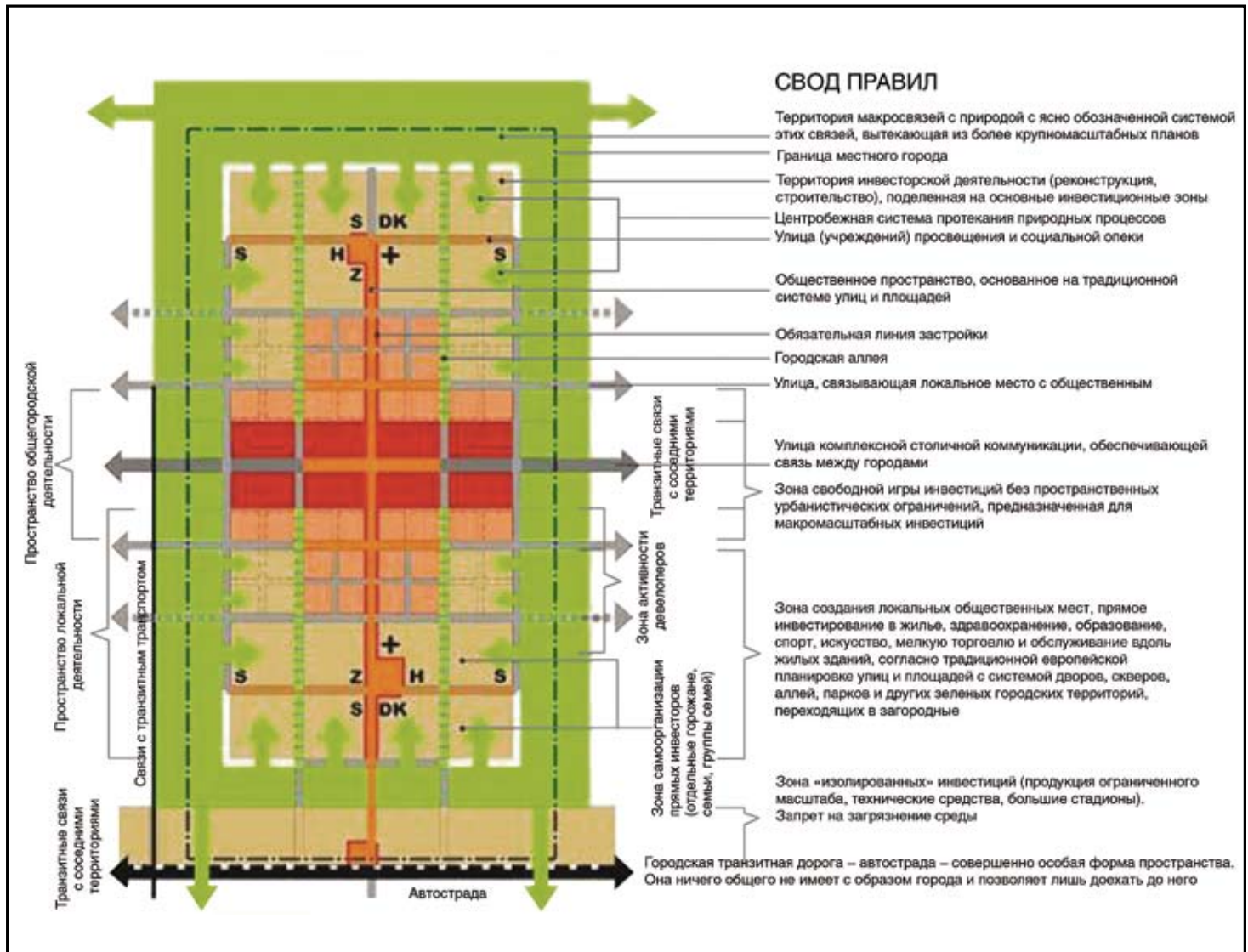
3. Architektura życia. – Sto Journal. Rok XIII. 2009. № 1.

4. Бембель И.О. Марэк Будзинский: диалог природы и культуры // Капиталь. 2010. № 2.

5. www.mbarch.pl/ (04.10.2012).

6. www.mbarch.pl/pl/teksty-i-idee/utrzymanie-zycia-jako-podstawowa-wartosc-przestrzeni-miast.html (04.10.2012).

Схема формирования
здорового городского
пространства

Проблематика, которую затрагивает Будзинский, охватывает практически все уровни человеческого бытия: от мировоззренческих основ до социальной позиции горожанина; от глобальной урбанистической стратегии до детальной планировки районов и проектирования зданий.

Вполне возможно, что кому-то эта программа покажется утопией. В ней архитектор Будзинский как бы становится на позицию античного философа, который был искателем Истины как цельного синтеза знаний и как прямого руководства к жизни (в отличие от современного философа-

теоретика). Руководствуясь ею, он собственными силами, с группой единомышленников сумел дать на отдельных фрагментах пространства Польши свой ответ на критические вопросы современности.

Сюжеты будущего

Большепролетные светопрозрачные здания и сооружения¹

Текст: Сергей Алексеев

Сегодня наступила замечательная эпоха развития строительных технологий. Пришло время, когда почти любые, самые смелые архитектурные идеи могут быть реализованы. И основными факторами, сдерживающими воплощение в жизнь всех значимых проектов современных архитекторов, чаще являются уже не отсутствие технических возможностей для строительства большого и сложного объекта, но лишь польза будущего сооружения (его востребованность и рентабельность), а также время и цена реализации.

Однако, всматриваясь в суть ряда архитектурных «шедевров» современности, невольно задумываешься: а не начала ли архитектура сегодня во многом терять понимание своего истинного предназначения? Огорчает, что современные зодчие все чаще увлекаются погоней за показной эффективностью своих творений и потаканием безвкусице заказчиков.

Но кроме этой проблемы, нынешнее общество пытается обратить внимание архитектурной науки на решение еще более существенной и важной задачи – необходимость оперативного вмешательства в изменение устройства жизненного пространства современных мегаполисов. Став заложниками прошлого пути развития, эти супергорода постепенно превращаются в многофакторную проблему для спокойствия и безопасности своих жителей.

В этой статье мы рассмотрим реальную возможность сегодняшней архитектуры осуществить переход на новый этап своего развития. Мы увидим, как, создавая новые объемные сооружения, хорошо защищенные от многих негативных внешних воздействий, архитектура максимально расширит комфортное и безопасное пространство среды обитания человека, а также постепенно начнет менять об-

лик наших городов и улучшать их сегодняшнее состояние.

Во второй половине XX века строительная наука в СССР, США и некоторых других странах плодотворно работала над возможностью обеспечить защиту своих городов светопрозрачными куполами от нежелательных явлений погоды, негативных особенностей местного климата, надоедливых насекомых и других неблагоприятных для человека воздействий внешней среды. За последние годы к списку факторов, стимулирующих дальнейшие исследования в этом направлении, можно добавить увеличение загрязнения окружающей среды, возрастающие угрозы экстремизма, желание людей снизить энергозатратность жизнедеятельности своих городов.

И сегодня в этом направлении также создаются уникальные проекты подобных сооружений (такие, например, как «Купол над Хьюстоном»), а некоторые из этих удивительных проектов уже реализуются. Так, в городе Астана при помощи английских и турецких специалистов построен 100-метровый светопрозрачный шатер, в котором разместили самый большой и презентабельный в стране торговый-развлекательный центр. Жители Казахстана очень гордятся им и даже сняли о его строительстве большой докумен-

¹ Текст печатается с сокращениями – полный текст статьи и дополнительные фото к материалу можно посмотреть на сайте <http://architect.3dn.ru>.

² Евразийский патент на изобретение за №016435 – «Защитное сооружение с большепролетным светопрозрачным покрытием» (<http://www.eapatris.com/ruSearch/ms.exeData/EAPO/eapo2012/PDF/016435.pdf>).

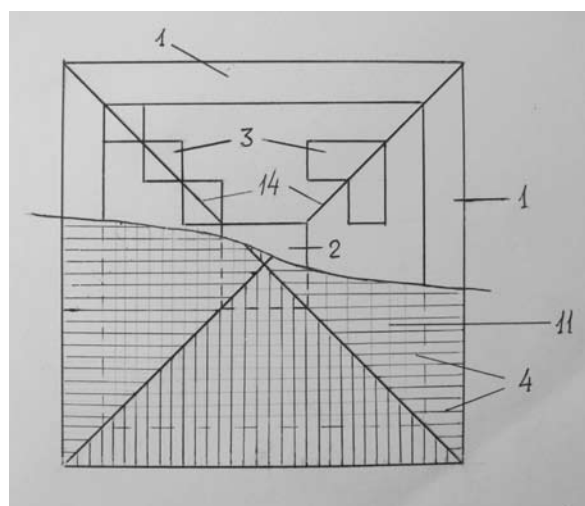
Светопрозрачное защитное сооружение в виде пирамиды высотой 200 м

тальный фильм – «Самый большой шатер в мире».

Но еще более удивительный и грандиозный парк развлечений создан в Германии. Этот немецкий центр водных развлечений «Тропические острова» имеет внутренний объем около 5,5 млн кубометров и, вероятно, на сегодня является самой большой по этому показателю постройкой на Земле.

В 2012 году российскими инженерами был получен патент² на технически доступную сегодня, относительно простую, недорогую и эффективную в реализации концепцию строительства подобных и даже более значительных по объему защитных светопрозрачных сооружений. Идея заключается в создании над комплексом зданий единого надежного светопрозрачного многопоясного тросового покрытия, которое, объединяя комплекс зданий в одно целое, создает вокруг этих зданий прочную светопрозрачную защитную оболочку. А светопрозрачная оболочка обеспечивает возможность поддержания в замкнутом внутреннем пространстве такого сооружения постоянных и комфортных для человека заданных параметров: температуры, влажности и чистоты воздуха, освещенности, безопасности и пр.

В основу российской идеи многопоясных тросовых систем заложены давно известные принципы вантовых покрытий,

Эскизный план защитного сооружения в виде пирамиды высотой 200 м

которые уже более полувека широко применяются в мире для строительства большепролетных сооружений. Так, например, еще в 1967 году в Ленинграде по похожей технологии был построен и активно эксплуатируется до сего дня дворец спорта «Юбилейный», а в Белоруссии в 2009 году построен современный спорткомплекс «Минск-Арена».

Технология постройки будущих большепролетных светопрозрачных защитных сооружений, в частности 200-метровой стеклянной пирамиды, практически такая же, как и у перечисленных спортивных сооружений.

Для специалистов очевидно, что разница в конструкции такой пирамиды и перечисленных спортивных арен состоит, в основном, в таких деталях:

- в отличие от опорного контура наружных стен спортивной арены, опорный контур пирамиды состоит из заглубленных в грунт зданий;
- центральное металлическое кольцо вантового покрытия (к которому крепятся предварительно напряженные высокопрочные стальные тросы) находится не в подвешенном состоянии над спортивной ареной, а расположено на самой высокой опоре защитного сооружения;
- покрытие состоит не из двухъярусных вантовых ферм, а представляет собой многоъярусную пространственную тросовую конструкцию.

При этом трех-четырёхъярусная тросовая конструкция большепролетного светопрозрачного защитного сооружения внешне похожа на натянутую на здания многослойную стальную паутину. В целом, в предлагаемых светопрозрачных сооружениях изменилось лишь внешнее восприятие объекта, но внутренняя суть (идея покрытия) осталась такой же, как на «Минск-Арене» и ДС «Юбилейный».

Промышленность России в настоящее время не готова обеспечить поставку всех изделий и материалов отечественного производства, которые необходимы для возведения многоъярусных тросовых покрытий. Однако с помощью российских технических решений и специалистов, например, французской компании Freyssinet International & Cie или японской TOKYO ROPE MFG. CO., LTD. (мировых лидеров в проектировании и изготовлении вантовых конструкций) можно уже сегодня относительно легко построить небольшую стеклянную пирамиду высотой 200-250 м.

Надо сказать, что российская технология перекрытия больших пролетов с помощью светопрозрачных многоъярусных тросовых покрытий позволяет строить самые разнообразные по объему, форме и назначению здания и сооружения, в том числе: крытые легкоатлетические и футбольные

стадионы, жилые кварталы, накрытые светопрозрачной оболочкой, стеклянные пирамиды высотой до 500 м (в которых можно размещать многофункциональные по назначению комплексы объектов) и многое другое.

Преимущества многоъярусных тросовых систем перед традиционными технологиями, применяющимися при перекрытии больших пролетов, очевидны. Это большая прочность и надежность, превосходная несущая способность, легкость конструкций, возможность перекрывать значительно бо́льшие пролеты, лучшая светопропускная способность покрытия, меньшая в разы металлоемкость конструкций и, как следствие, относительно невысокая стоимость покрытия.

Кроме этого, многоъярусные тросовые покрытия, применяемые для создания большепролетных сооружений, даже в районах сейсмической активности не будут являться причиной повышенной опасности для людей, так как при внедрении определенных несложных технических решений вероятность их обрушения будет практически исключена. Напротив, за счет своих превосходных прочностных качеств, а также взаимного расположения и взаимодействия с опорами, тросовые системы позволяют в случаях землетрясений обеспечить большую устойчивость опорным высотным зданиям светопрозрачных защитных сооружений.

Огромные пространства атриумов большепролетного светопрозрачного сооружения могут быть организованы многообразно. Например, в таких удивительных атриумных пространствах смогут прекрасно разместиться и самый огромный роскошный аквапарк, и полноценный спортивный стадион, и многое другое одновременно. Но, без сомнений, создатели большинства светопрозрачных защитных сооружений воспользуются благоприятной возможностью и разместят в своем внутреннем объеме обширный и уютный ландшафтный сад. Ведь такой сад даст жителям и гостям защитного сооружения возможность круглогодичного полноценного общения с живой природой: как в самые жаркие летние месяцы, так и в долгие дождливые дни осени, и в снежные и холодные месяцы зимы.

Борцам за сохранение природы имеет смысл обратить свое внимание на то, что при строительстве больших светопрозрачных сооружений активизируется важнейший процесс взаимопроникновения. С одной стороны, как и прежде, любое новое строительство (в том числе и светопрозрачные сооружения) будет продолжать проникать в природу, поглощая и уничтожая ее гармоничные пространства, но с другой стороны, и сама природа неизбежно и

1-3. Центр водных развлечений Tropical Islands в Германии

активно начнет проникать внутрь огромных рукотворных светопрозрачных защитных сооружений. Живая природа, занимая в большепролетных светопрозрачных сооружениях специально подготовленные для нее пространства и образуя в них (при активной помощи человека) свои экосистемы, сможет качественно наполнить собой эти архитектурные объекты будущего, делая их функциональнее и привлекательнее для людей. При этом в организованных людьми пространствах лучших светопрозрачных сооружений, несомненно, произойдет мутуализм (взаимополезное сожительство) природы и человека.

Представляется, что предлагаемое направление в строительстве должно развиваться сначала как квартальная застройка. И одним из простейших вариантов для такой функциональной застройки может послужить упомянутая ранее правильная четырехугольная ПИРАМИДА со следующими параметрами:

- высота пирамиды – 200 м;
- размеры основания – 300х300 м;
- площадь основания (территория, защищаемая светопрозрачными покрытиями) – 9 га;
- площадь ограждающих конструкций – 150 000 кв. м;
- геометрический объем сооружения – 6,0 млн куб. м (что превышает объем любого построенного людьми здания).

В таком застекленном квартале разумно иметь лишь 320-450 тыс. кв. м полезных площадей, занятых под коммерческую и жилую недвижимость и расположенных, в основном, в опорных зданиях сооружения. А остальной объем сооружения – это многофункциональные атриумы.

Основные положительные свойства и результаты при строительстве большепролетных светопрозрачных защитных сооружений.

Очевидно, что их немало.

1. Строительство предложенных защитных сооружений оправдано не только как способ защиты людей, зданий и прилегающей к ним территории (находящихся во внутреннем объеме сооружения) от негативных внешних воздействий, но и чрезвычайно экономически привлекательно и эффективно. Так, стоимость возведения светопрозрачного покрытия защитного сооружения не превысит 3-4% от сметной стоимости строительства всего комплекса зданий (при бо́льших объемах сооружения этот процент будет еще меньше), а площадь ограждающих конструкций светопрозрачного сооружения при этом уменьшится на 20% и более к сумме площадей ограждающих конструкций всего комплекса внутренних опорных зданий.

Естественно, что чем больше объем защитного сооружения, тем больше эти показатели будут улучшаться.

Это значит, что затраты на строительство комплекса зданий (например, жилого микрорайона) и такого же комплекса зданий, но накрытого светопрозрачным куполом, будут приблизительно одинаковы. Для специалистов должно быть понятно, что все ветровые нагрузки на сооружение будут восприниматься светопрозрачным тросовым покрытием и передаваться на внутренние высотные опорные здания лишь в виде вертикальных составляющих этих нагрузок (горизонтальные составляющие нагрузок воспринимаются опорным контуром сооружения). Если учесть это благоприятное обстоятельство в проекте светопрозрачного сооружения, то можно будет существенно упростить дорогостоящие конструктивные решения, обеспечивающие необходимую жесткость и устойчивость высотных зданий. Вместе с этим, удешевление строительства светопрозрачного сооружения произойдет также за счет разумного уменьшения теплоизоляции и веса ограждающих конструкций внутренних опорных зданий защитного сооружения, упрощенной их наружной отделки и других подобных нюансов. Нет сомнения, что все подобные мероприятия в перспективе позволят так оптимизировать строительство большепролетных светопрозрачных сооружений, что построить комплекс зданий, накрытый светопрозрачным куполом, окажется значительно дешевле, чем возвести ря-

1-4. Атриумы, принадлежащие сети американских отелей Gaylord Hotels

дом такой же комплекс зданий, но без защитного купола. При эксплуатации защитных сооружений, построенных в различных климатических зонах, наибольший положительный экономический эффект будет ощутим для северных районов особенно в зимнее время года, а в жарком климате – летом.

Но самое главное – светопрозрачные защитные сооружения смогут круглый год обеспечивать ощущение комфорта и безопасности у находящихся в них людей – как внутри зданий, так и в окружающих здания атриумных пространствах.

2. Чем больше внутренний объем защитного сооружения, тем такое сооружение имеет лучшую возможность для создания и поддержания в своем внутреннем объеме стабильной и сбалансированной системы важнейших элементов и показателей, гарантирующих комфортную и безопасную среду для жизнедеятельности людей, а значит, тем проще и дешевле поддерживать в таком сооружении

заданные параметры. Известно, что инженерные системы (например, система рекуперации воздуха и др.) при больших объемах помещений значительно более эффективны, так как дешевле в производстве и экономичнее в эксплуатации (в пересчете на квадратный метр полезной площади).

Перепад высот большого светопрозрачного сооружения создаст возможность для лучшего использования эффекта естественной тяги при организации вентиляции внутреннего пространства сооружения.

А человек, находясь во внутреннем пространстве большого защитного сооружения (с объемом атриумов более 1 млн кубических метров), уже не будет ощущать замкнутости окружающего пространства.

3. В жарком климате защитные светопрозрачные сооружения, благодаря замене части своего светопрозрачного покрытия на солнечные батареи, смогут не только способствовать выработке необходимой для сооружения

Литература

1. Дмитриев Л.Г., Касилов А.В. Вантовые покрытия. Киев, 1974.

2. Зверев А.Н. Большепролетные конструкции покрытий общественных и промышленных зданий. СПб, 1998.

3. Кирсанов Н.М. Висячие и вантовые конструкции. М., 1981.

4. Смирнов В.А. Висячие мосты больших пролетов. М., 1970.

5. Березовский С. Вантовое покрытие многофункциональной спортивно-зрелищной арены (Минск, 2009 г.) // Архитектура и строительство. 2009. № 11(210). [Электронная версия: <http://ais.by/story/3512>]

6. Архимед. Сочинения / Перевод И.Н. Веселовского. М., 1962.

7. Политехнический словарь. М., 1989.

8. Евразийский патент № 016435 «Защитное сооружение с большепролетным светопрозрачным покрытием».

9. Алексеев С. Большепролетные светопрозрачные защитные сооружения. Путь к комфортной и безопасной жизни (СПб, 2012 г.) [Электронный ресурс] <http://blog.dp.ru/post/3969/>

электроэнергии, но одновременно, за счет частичного затенения внутреннего пространства сооружения, экономить значительные энергоресурсы на снижении потребности в кондиционировании воздуха. Количество солнечной энергии, проникающей через светопрозрачное покрытие внутрь защитного сооружения, будет автоматически регулироваться при помощи специальных систем затенения, светоотражения, светопреломления и других, оборудованных на светопрозрачном покрытии. При расположении светопрозрачного покрытия на определенной высоте над землей как само покрытие, так и размещенное на нем оборудование за счет свойств света (отражения, преломления, дифракции и интерференции) для находящихся в сооружении людей становятся зрительно малозаметны.

4. В районах Крайнего Севера и Сибири такие сооружения смогут круглогодично защищать людей (в первую очередь, детей) не только от непогоды, низких температур окружающего воздуха, но и от кровососущих насекомых. Для защиты от снежных заносов на светопрозрачном покрытии предусмотрены специальные и весьма несложные системы снегоочистительные механизмы и широко используемые системы антиобледенения. Рассматриваемые защитные сооружения создают огромные возможности для энергосбережения, в том числе с помощью применения так называемых низкопотенциальных источников тепла, осуществления рационального режима входа-выхода в сооружение, контроля над герметичностью внешнего контура светопрозрачного сооружения путем исключения бесконтрольных действий людей, влияющих на режим сохранения тепла. Практическая реализация концепции строительства подобных защитных сооружений вполне может сделать наши северные города оазисами комфортного микроклимата, цветущими вечнозелеными садами в окружении вьюг и морозов и явиться очень привлекательной моделью для развития перспективных территорий страны, еще не обжитых из-за сурового климата.

5. Жителей светопрозрачных защитных сооружений не может не обрадовать пространство, в котором исчезнут автомобили (такие привычные, но такие ненавистные многим горожанам), а их место займут, в случае возникшей необходимости, экологически чистые: миниелектро-мобили, велосипеды, движущиеся дорожки, наклонные лифты или другие виды внутреннего транспорта. Неэкологичные транспортные средства, предусмотренные для внешних поездок, будут размещаться на внешних парков-

ках (предпочтительно подземных) в зданиях опорного контура защитного сооружения, что приведет к улучшению экологической обстановки дворовых пространств.

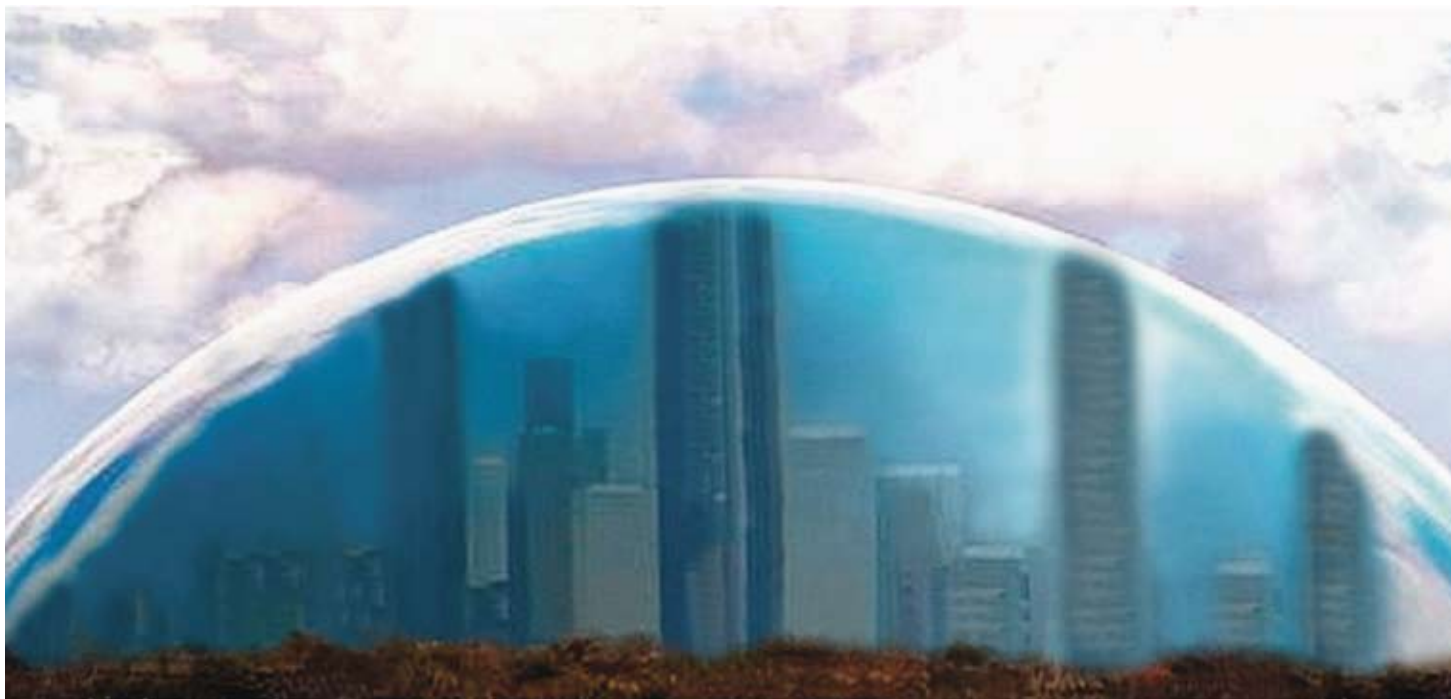
Атриумы светопрозрачных сооружений обязательно вернут нашим дворам их былую актуальность и востребованность, как вновь созданное очаровательное во многих отношениях общественное пространство. Сегодня дворы многоэтажных жилых комплексов наших городов в своем большинстве неуютны, грязны и плотно заставлены автомобилями, поэтому пребывание в них совершенно не располагает человека к приятному времяпровождению – ни к доброму общению с друзьями и соседями, ни к играм с детьми, ни к занятиям спортом. Неудивительно, что большинство горожан, проживающих в кварталах многоэтажной застройки, при выходе из своих квартир старается быстрее покидать эти некомфортные пространства у своих домов, предпочитая проводить свободное время в других местах, зачастую расположенных достаточно далеко от дома.

6. Востребованность предложенных объемных светопрозрачных защитных сооружений обязательно начнет лучше мотивировать ученых и приведет к быстрому развитию сопутствующей данному виду строительства научной мысли, направленной на появление новых материалов и технологий, обеспечение полной энергетической независимости сооружений от внешних источников снабжения, внедрение высокотехнологичных устройств, которые автоматически (в соответствии с внешними и внутренними условиями) будут задавать и отслеживать режимы работы всех инженерных систем сооружения, развитие других положительных особенностей и свойств данных объектов, оправдывающих понятие *intelligent building*.

7. В будущем, при развитии соответствующих технологий и возникшей потребности во внутреннем пространстве большого защитного сооружения, для жильцов могут быть обеспечены искусственно созданные безопасные погодные условия: колебания температур внутри дня, любые режимы освещенности, движение воздуха, напоминающее ветер, дождь по расписанию, избранные запахи и звуки природы и др.

8. Строительство светопрозрачных защитных сооружений по многим критериям наилучшим образом вписывается в модную идею так называемого «зеленого» строительства (*green buildings*).

9. Представляется, что новые города в будущем будут со-

стоять в основном из расположенных вблизи друг к другу и максимально автономных светопрозрачных сооружений (с примерными размерами в плане от 150x150 м до 1000x2000 м и более). Такие города могут быть построены среди живой природы и вписаны в естественный ландшафт, а также связаны между собой и с другими городами современными транспортными коммуникациями.

10. Размещение многофункциональных комплексов в светопрозрачных защитных сооружениях (объединяющих под одной светопрозрачной крышей жилые, детские, образовательные, офисные, научные, торговые, спортивные и др. учреждения), построенных вне пределов крупных городов, позволит сделать их привлекательными для активной и успешной части населения мегаполисов и, как следствие, снизит чрезмерную скученность населения на территориях этих городов, а также уменьшит внутригородские транспортные потоки.

К сожалению, современные архитекторы не всегда думают об этом, а порой словно специально провоцируют своими непродуманными высотными проектами и чрезмерным уплотнением городской застройки дальнейшую концентрацию населения в отдельных точках уже и так

излишне перенаселенного пространства.

Вывод.

Несомненно, что реализация в полной мере этой пока еще фантастической идеи – массового строительства защищенных надежными светопрозрачными оболочками объемных замкнутых пространств – позволит со временем значительно улучшить экологичность, энергетическую целесообразность и общую привлекательность наших городов.

Это новая архитектура! И естественно, что нашему закосленному сознанию совсем непросто оценить и понять всю ее актуальность и простоту, все ее положительные свойства и преимущества. Но хочется верить, что эти перемены не за горами и за такими (и аналогичными) сооружениями наше будущее.

Вот только будет жаль, если большепролетные светопрозрачные сооружения начнут возводить раньше в других развитых странах, а в Россию они попадут как очередной иностранный продукт.

Об авторе:

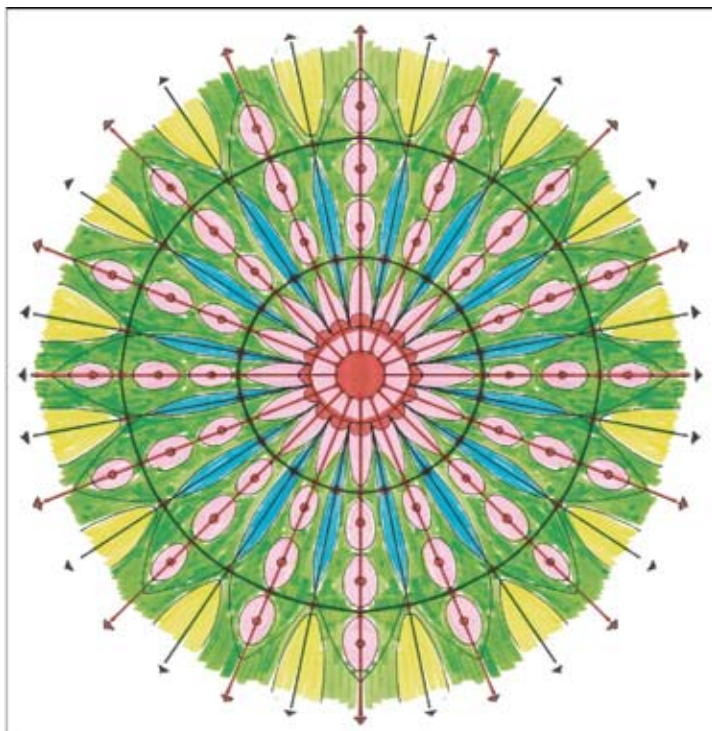
Сергей Алексеев – инженер-строитель, автор представляемого изобретения.

Защитное сооружение куполообразной формы со светопрозрачным покрытием

Агломерации. Преимственность и новизна

Текст: Сергей Митягин

«Освоение территории России надо начинать с земель вокруг крупных экономических центров. Расширение "агломерационного радиуса" наших городов в полтора-два раза увеличит доступную территорию в несколько раз. Это позволит полностью преодолеть ее дефицит, снизить стоимость жилых и производственных помещений на 20-30%. Это позволит значительно поднять и доходность пригородного сельского хозяйства, и качество жизни работников аграрного сектора». В.В. Путин

Решение задачи, сформулированной В.В. Путиным, требует внимательного анализа ситуации крупнейших городских центров, разработки проектного и правового обеспечения устойчивого развития Российской Федерации с опорой на агломерации как точки роста и экономического и социального развития страны.

Очередные изменения в Градостроительном кодексе России затрагивают, в частности, вопрос о совместной разработке документов территориального планирования таких смежных субъектов РФ, как Москва и Московская область, Санкт-Петербург и Ленинградская область.

Этот вопрос назрел давно, но отсутствие законодательной нормы и амбиции органов власти этих субъектов России не давали возможности его решения ни в области стратегии социально-экономического развития, ни в области территориального планирования. Опыт отдельной разработки указанных документов и взаимно неувязанной инвестиционной деятельности негативно сказывается на социальной, экономической, экологической и градостроительной эффективности осуществляемых преобразований окружающей среды, прежде всего, в пригородных зонах Москвы и Санкт-Петербурга. Отсутствие научно обоснованных прогнозов совместного градостроительного развития периферийных и пригородных зон обеих столиц проявляется в неожиданных и недемократических частных решениях по трансформации функциональной организации и коммуникационного каркаса этих зон.

В результате таких решений происходит нерегулируемый в целом территориальный рост двух крупнейших городских образований страны, который сопровождается общим ухудшением ситуации в сфере транспорта, инженерного обеспечения, социального обслуживания населения и экологии, как в самих городах, так и в зонах их непосредственного окружения.

Советский опыт конца 80-х годов разработки единых генеральных планов для Ленинграда и Ленинградской области, Москвы и Московской области наткнулся на перестроечный парад суверенитетов и структурный экономический кризис 90-х годов и организационно и экономически захлебнулся.

За прошедшие четверть века градостроительная ситуация и Москвы, и Санкт-Петербурга значительно ухудшилась, проблемы развития Ленинградской и Московской областей как в экономическом, так и социальном планах заметно обострились. Давление Санкт-Петербурга и Москвы на

городские и сельские поселения, а также земли сельскохозяйственного назначения и лесные угодья Ленинградской и Московской областей, удаленные от областных центров на 100–150 км, резко возросло.

Из нормативных правовых документов и, соответственно, из практик градорегулирования исчезло понятие «пригородная зона» вместе с ее параметрами и особенностями функциональной планировочной организации. За счет сельскохозяйственных и лесных земель идет фактический прирост высокоурбанизированных территорий центральных городов. Зеленые зоны Москвы и Санкт-Петербурга практически растворились в дачных и садоводческих поселениях, кварталах новой жилой и промышленной застройки, в зонах размещения логистических комплексов, транспортных коммуникациях. Муниципальное регулирование землепользования в Ленинградской и Московской областях оказалось не в состоянии обеспечить охрану общественных интересов и конституционных прав населения Санкт-Петербурга и Москвы от напора частных инвестиций. С другой стороны, само население в большей степени способствует урбанизации этих зеленых зон, финансируя перевод земель и строительство так называемой загородной недвижимости.

Назревшая актуальность разработки документов совместного регулирования пограничных зон обеих столиц определяет содержание текущих изменений градостроительного законодательства РФ. Прежде всего речь идет об обеспечении целостности планировочного каркаса и непротиворечивости функциональной организации сопредельных территорий. Таким образом, при подготовке совместных документов территориального планирования двух и более субъектов РФ может быть учтен опыт разработки единых генеральных планов Ленинграда и Ленинградской области, Москвы и Московской области. Однако даже поверхностный анализ этого опыта показывает, что механическое сведение воедино генеральных планов центральных городов и региональных планировочных схем не дает необходимого эффекта. Для его достижения прежде всего потребуются интеграция и известное обобщение целей, задач и направлений социально-экономического развития соседних субъектов РФ в рамках единого стратегического планирования на текущий период и прогноза развития на среднесрочную и долгосрочную перспективу. При этом оказывается необходимым совместить несовместимое: характеристики графического отображения положений территориального планирования, свойственные региональным схемам и генеральным планам муниципальных образований.

Это противоречие может быть преодолено следующим образом, сочетающим требования к содержанию этих документов: общая схема территориального планирования, выполняемая на базовой картографической основе в масштабе 1:100000, включает в себя основные элементы планировочной структуры центральных городов, муниципальных районов, городских округов и поселений тех субъектов РФ, на которые разрабатывается единый документ территориального планирования, и дополняется более подробными генеральными планами областных центров (столичных городов) и иных муниципальных образований в масштабе 1:10000–25000.

Особенностью подготовки такого совместного документа является общий анализ возможностей рационального использования разнообразных ресурсов территории, составление прогнозов, программ и планов социально-экономического развития с формированием перспективной планировочной структуры этих субъектов РФ. Можно ожидать, что при такой разработке естественным образом будут получены границы активности урбанизационных процессов и, соответственно, будет выявлен агломерационный потенциал территории.

Для Москвы и Санкт-Петербурга выявление потенциальных границ их агломераций с формированием структуры функциональной организации, наращивание и повышение плотности планировочного каркаса территории будет иметь важнейшее социально-экономическое, экологическое, инженерное и транспортное значение, оказывающее воздействие и на зависимые от них окружающие территории.

В целевой установке совместной разработки документов территориального планирования должны содержаться требования обоснования прогнозных границ агломерации, определения баланса функциональной организации по назначению и видам землепользования, а также обоснования направлений развития планировочного коммуникационного каркаса территорий.

Данные цели предполагают достижение необходимого уровня социально-экономической эффективности планируемых мероприятий на базе использования общей закономерности развития градостроительных структур – преемственности функциональной и планировочной организации территории. Исключительную роль в объективном проявлении этой закономерности играет историческое наследие как природного, так и антропогенного характера. Сохранение планировочной структуры территории, исторических объектов, архитектурно-градостроительных и природных комплексов, памятных

и достопримечательных мест оказывает определяющее влияние на функционально-планировочные решения, закладываемые в проектную градостроительную документацию. Очевидно, что в границах агломерации, наряду с выделением территорий и зон градостроительного и экологического покоя, могут быть найдены и выделены участки допустимого градостроительного развития. Таким образом, в границах выявляемой агломерации будут установлены зоны действия охранных регламентов и режимов градостроительной деятельности, а также зоны допустимых преобразований окружающей среды, буферные зоны градостроительного регулирования.

Историко-генетический анализ пространственного развития Московской и Санкт-Петербургской агломераций, несмотря на их морфологические различия, вызванные природно-географической ситуацией, показывает, что их планировочная структура отражает и другую фундаментальную закономерность – формирование зон урбанизации и культурных ландшафтов на основе главных коммуникационных коридоров, имеющих стратегическое значение континентальных и региональных связей.

В случае Москвы эта закономерность породила радиально-кольцевую планировочную структуру, объединившую и использовавшую геоморфологию и гидрографию местоположения города и при этом обеспечившую политическое и экономическое влияние города на окружающие земли.

В ситуации Санкт-Петербурга данная закономерность выразилась в доминировании широтного прибрежного характера градостроительного развития в сочетании с северо-западным, северо-восточным, юго-западным и юго-восточным направлениями, между которыми до сих пор сохранились участки природного или окультуренного ландшафта. Центральная же часть города – ядро агломерации – сформировалась также с использованием элементов радиально-кольцевой структуры.

Центростремительные особенности развития исторических ядер Москвы и Санкт-Петербурга (при всех их различиях) ответственны за сегодняшние транспортные проблемы этих городов. Формирование системы кольцевых автомагистралей и разноуровневых развязок не успевает за ростом автомобилизации и объемов транспортных передвижений. Назревает необходимость ограничения

потока автомобильного транспорта в центральных районах городов с одновременным устройством транзитных магистралей с непрерывным движением в надземном или в подземном уровнях. Между такими магистральями могут быть сформированы нетранзитные зоны площадью около одного квадратного километра, которые будут обслуживаться общественным транспортом по периметру, а личным транспортом по тупиковым подъездам.

В формируемых нетранзитных зонах обеспечивается приоритет пешеходного движения по границам кварталов или комплексов, создаются условия для сохранения исторического наследия. Для подъездов и хранения легкового транспорта в этих зонах в процессе комплексной реконструкции застройки могут быть использованы приемы вертикального зонирования и разделения уровней пешеходного и транспортного движения. Очевидно, что для Санкт-Петербурга задача решения транспортной проблемы усложняется необходимостью обеспечить створность существующих мостов через Неву и рукава дельты, а также формированием новых мостовых или тоннельных переходов.

В целом возможности радиально-кольцевой схемы планировочной организации главных агломерационных центров России уже исчерпаны. Ее логическим продолжением будет секторальный способ развития. Однако этот способ в значительно большей степени требует строгого градостроительного регулирования, особенно для участков между коммуникационными коридорами, где должны быть сохранены природные комплексы и культурные ландшафты и сформирован, таким образом, экологический каркас агломерации. Эта система зеленых клиньев между урбанизированными секторами должна естественно переходить за границей агломерации в природоохранный компенсационный пояс регионального и (или) межрегионального значения.

На такой основе теоретически может быть сформирована модель экологически устойчивой агломерации. В задачи разработки межсубъектного документа территориального планирования попадает также расчет компенсационного потенциала окружающей среды по восприятию и нейтрализации техногенных воздействий. Этот расчет может обосновать параметры отдельных урбанизированных участков коммуникационных коридоров. В свою очередь,

геоморфология территории и ее сложившийся плановый рисунок подскажут направления развития и функциональное содержание отдельных зон и участков.

В такой постановке задачи нет принципиальной новизны. Здесь проявляется преемственность исторического развития концентрированных урбанизированных территорий. Принципиальной новизной для подготовки документов территориального планирования в этом случае являются требования нормативной правовой базы ее осуществления – как в проектном поле, так и в условиях инвестиционно-строительной реализации. Кроме того, инновации связаны с интеграцией региональных и муниципальных документов социально-экономического развития и с неамбиционным распределением пограничных земельных ресурсов.

Эту задачу российские столичные регионы решают по-разному. Москва пошла по пути расширения своих границ в юго-западном секторе градостроительного развития. Санкт-Петербург создал общий с Ленинградской областью координационный совет, в сферу деятельности которого отнесены вопросы совместного сбалансированного развития, прежде всего, периферийных зон Санкт-Петербурга и пригородных муниципальных образований Ленинградской области.

Очевидно, что путь территориальной экспансии городского центра на областные земли находится в русле исторической традиции и способен в лучшем случае обеспечить временное улучшение градостроительной ситуации. Хотя расширение границ городов дает иллюзию эффективного централизованного управления градостроительным развитием, скорее всего этот путь, особенно в условиях однонаправленного территориального роста, даст в перспективе усиление транспортных, социальных и экологических проблем, свойственных всем крупнейшим мегаполисам мира.

Перспектива развития крупнейших мегаполисов, насчитывающих десятки миллионов жителей и обладающих основным информационным и экономическим потенциалом своих государств, связана с диверсификацией их функционально-планировочной структуры и децентрализацией управления градостроительной деятельностью. На этом пути появится возможность превращения отдельных городских и сельских поселений в развитую

сетевую структуру, построенную на основе единой модели взаимодействия.

Определяющим фактором реорганизации генеральных планов российских мегаполисов сегодня становится обоснование структуры и количественных параметров градообразующей базы. Перестройка этой базы для условий постиндустриального, информационного и демократического развития предполагает расширение сферы административных (прежде всего столичных) функций, услуг в области культуры и образования, в научно-информационном сегменте, здравоохранении, спорте и физической культуре, экспериментальном, опытном и наукоемком производстве, логистике и росте объемов межконтинентальных и региональных транспортных коммуникаций, туристско-рекреационной деятельности. В совокупности эти изменения, безусловно, потребуют трансформации сложившегося функционального землепользования, планировочной структуры центральных частей городов, их периферийных и пригородных зон с учетом исторического статуса конкретных районов, объектов и территорий природоохранного значения, а для Санкт-Петербурга еще и такого уникального пространственного ресурса, как акватория Невы, Невской губы и восточной части Финского залива.

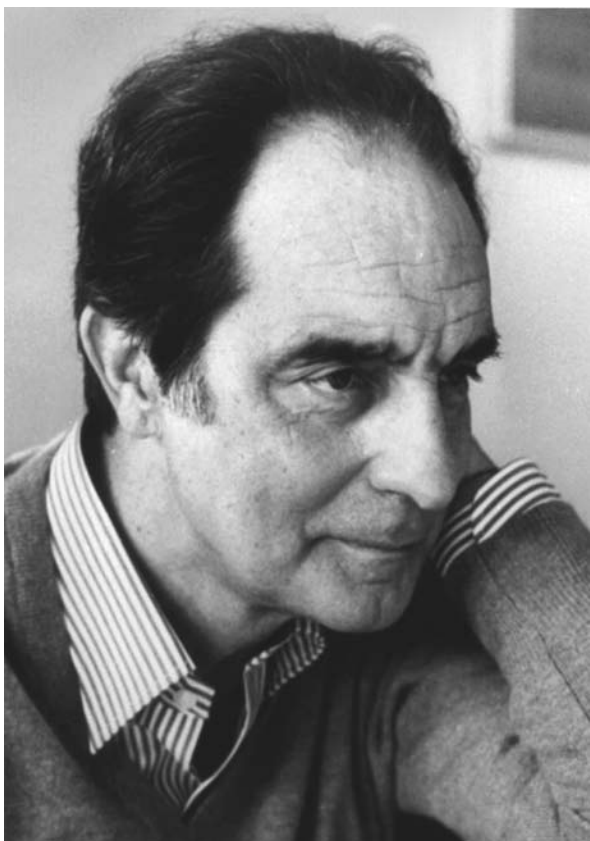
Поэтому важнейшей задачей при подготовке корректуры генеральных планов главных мегаполисов страны становится совместная разработка документов стратегического и территориального планирования, их перспективного градостроительного развития, учитывающая отдельные изменения и действующие тенденции в сфере занятости населения, его демографической структуре, а также необходимые условия экологической устойчивости, социально-экономической и политической стабильности в сфере общественных отношений.

Об авторе:

С.Д. Митягин – советник РААСН, доктор архитектуры, профессор, заслуженный архитектор РФ, главный архитектор ОАО «НИИПГрадостроительства».

Творческие работы студентов по курсу «Основы теории градостроительства и районной планировки»

Текст: Владимир Линов

Итало Кальвино

Лекционный курс «Основы теории градостроительства» у студентов-архитекторов 5-го курса не вызывал особого интереса. С одной стороны, часть содержания предмета они уже изучали по другим дисциплинам: организация городского транспорта, инженерных сетей, решение социальных проблем, история градостроительного искусства, архитектурный дизайн... С другой стороны, некоторые темы кажутся студентам далекими от архитектурной профессии: участие населения в принятии решений, организация программ раз-

вития, юридические документы градостроительства...

А тут еще неперенная для всякой теории научная терминология...

Как сделать изучаемый материал близким слушателям на этом этапе их профессиональных знаний и их личного житейского опыта – об этом я задумывался с начала преподавательской деятельности. Задача стала острой при составлении программы лекций по данному предмету.

Знакомство с преподаванием дисциплин градостроительного цикла (городского планирования) в Мэрилендском университете (США) натолкнуло меня на мысль использовать книгу Итало Кальвино «Невидимые города» (*Le Citta Invisibili*). Книга в этом университете входит в список обязательного чтения и обсуждения на семинарах. Книга была издана впервые в 1972 году и переведена на русский язык в 2001-м.

По словам самого Кальвино, «Невидимые города» представляют собой серию путевых отчетов, которые Марко Поло предоставляет татарскому императору (исторический Кублай, наследник Чингисхана, был монгольским императором, но Марко Поло в своей книге называет его Великим

Ханом Татар, и таким он остался в литературной традиции). Путешественник-визионер повествует о немалых городах, например, о микроскопическом городе, который все увеличивается и увеличивается и в конце концов образует множество расширяющихся концентрических городов, городе-паутине, подвешенном над пропастью, или двумерном городе, как Мораина. В книге не просто провозглашается некая вневременная идея города, но разворачивается, то скрыто, то явно, дискуссия о городе современном».

Особенно интересными кажутся мне социальные и психологические фантазии Кальвино. Город, пространство которого постепенно заполняется все большим количеством людей, так что тела их сплетаются в сплошную массу. Город, построенный на пророчествах жрецов, население которого с каждым поколением полнится уродами и дегенератами. Город, где люди обмениваются воспоминаниями в процессе общения...

В какой-то момент повествования оказывается, что все множество фантастических городов есть лишь отдельные, выхваченные из контекста и гипертрофированные черты родного города Марко Поло – Венеции. Сильное ощущение разнообразия форм европейской городской культуры создается с помощью необычного художественного приема.

В каждой лекции я зачитывал тот или иной «рассказ Марко Поло», образы которого были близки обсуждаемой теме. Иногда эти тексты служили эффектной концовкой лекции, и слушатели уже ждали чтения. Иногда мне казалось уместным разбить протяженный кусок лекции посередине. В этом случае была возможность краткого обсуждения «рассказа», которое направленно переходило в обсуждение городских проблем по теме лекции.

Однако я не остановился на знакомстве с книгой и на использовании ее только в качестве экзотических иллюстраций. С самого начала курса я объявил, что итоговая работа студента, которая будет служить зачетом по предмету, должна быть выполнена в виде подобного фантастического рассказа о небывалом городе. Я заранее просил не сводить работу к реферату на тему «Город будущего», хотя знал, что часть студентов будет пугать фантазию и утопию.

Мое предположение, что такая форма деятельности студентов, связанная с тематикой лекций, окажется способной активизировать их эмоциональное восприятие проблем городского существования и развития, подтвердилось. Результаты оказались достойны обсуждения и позволяют провести некоторые обобщения реакции студентов на изученные темы. Вот несколько примеров студенческих

«рассказов», каждый из которых занимал от двух до четырех страниц.

1. Город расположен на основании гигантской пирамиды, балансирующей на своей вершине основанием вверх.

Население вынуждено согласовывать свои перемещения по территории города, чтобы пирамида сохраняла равновесие и не рухнула. Ясная метафора связанности людей в современной цивилизации и зависимости их жизни от поступков окружающих.

2. Город, представляющий собой сгусток дорог и кабелей, упакованных в комок наподобие мозга человека. Населяют город не только люди, но и человеко-жуки, человеко-птицы, киборги и другие мутанты. Управление осуществляется с помощью лжи, демагогии и насилия, на основе

замкнутого цикла воспроизводства ресурсов. Антиутопия выполнена с экстраполяцией современных негативных тенденций.

3. Город, где соединено пространство и время. Каждый год люди перебираются в сектора, предназначенные для определенного возраста. Специальные окна-циферблаты, проделанные на границах секторов, служат для посещения прошлого. Путешествие во времени имеет оригинальную пространственную форму.

4. Город, который построен над руслом реки, чтобы скрыть водный поток от богов, от соседей, от жаркого солнца. Рассказана целая история скитаний племени по пустыне и обретения, наконец, формы города. Аллегория поиска экологического пути в историческом развитии человечества.

5. Город, похожий на систему кровеносных сосудов, по которым циркулируют вещества, не только приносящие пищу, но и формирующие эмоции людей. Работа, общение и размножение людей происходит внутри этой системы. Описан процесс накопления энергии и разумного ее использования, напоминающий процесс фотосинтеза. Устойчивая биоморфная и гармоничная по социальным отношениям модель.

6. Город, населенный молчаливыми людьми, которые общаются только посредством переписки, причем на бумаге. Детально описан весь бумагооборот на работе, в быту, при обучении. Тенденция формализации контактов в современном обществе доведена до реалистичного абсурда.

7. Город, где время идет с разной скоростью в разных его частях. Медленнее – в жилых зонах, быстрее – в деловых районах, «чтобы меньше уставать!». По желанию можно выбрать время и место для своих занятий. Лирическое наблюдение за чувствами человека.

Собранные за пять лет работы нескольких сотен студентов позволяют заметить в текстах повторяющиеся мотивы.

1. Чаще всего авторы выбирают в качестве образующего фантазию принципа необычную, невероятную форму города. Бумага с нанесенными на нее словами... Мыльные пузыри... Растекающиеся капли в невесомости... Подземные и подводные пространства... Чувствуется мышление и круг ассоциаций архитектурного дизайнера.

2. Чрезвычайно популярны темы постоянных изменений формы застройки, мобильности зданий. Изменение фасадов зданий под влиянием эмоций и настроения жителей... Смена места здания в течение ночи или суток... Здания-облака, перемещаемые желаниями жителей... Возможно, такая популярность изменчивости среды объясняется молодостью авторов и свойственному ей стремлению к переменам, относительной легкости адаптации к новой среде.

3. Значительное количество текстов показывает любовь к патриархально-сельской среде и является, по сути, желанием дезурбанизации. Симбиоз людей, растений и минералов, образующий гармоничную ткань застройки... Растущий подобно растениям город, поворачивающийся

к солнцу всеми своими постройками... Древоподобные структуры, уходящие корнями в подземное пространство и получающие оттуда продукцию производства, с жилищами на ветвях... Чувствуется влияние растущей экологической пропаганды. Чувствуется также неудовлетворенность современным состоянием городов мира.

Большинство студентов восприняли предложенную форму работы с энтузиазмом, начали писать, когда курс еще не закончился. Кто-то выполнил несколько вариантов работы. Зачет по курсу проходил в форме обсуждения содержания «рассказа» и близких ему реальных проблем городского планирования.

Случайно я узнал, что в Интернете существует сайт <http://calvino.viesel.ru/>. Преобразование в гипертекст Михаила Визеля. 2002 г. Гипертекст – это свойственная постмодернистской культуре игра с литературным текстом, дополненным изображениями, комментариями, ссылками на аналоги и параллели, игра, позволяющая производить перестановки отдельных частей и выстраивать их в различных последовательностях. Электронные средства осуществляют такие комбинации легко, и любой пользователь компьютера может быть, таким образом, автором новых произведений, представляющих собой связки материалов разных авторов. В перспективе подобная техника может привести к созданию особого рода композиций, напоминающих знаменитую «Игру в бисер» из романа Германа Гессе.

Однако мне представляется, что задание, которое я даю студентам, является принципиально более творческим, чем создание гипертекста, и не сводится к рекомбинации фрагментов, пусть даже и усложненной дополнениями, а выполняется на уровне, близком исходному производству.

Об авторе:

Владимир Линов – архитектор, доцент кафедры архитектурного проектирования СПбГАСУ.

Уместная новизна

О некоторых проектах храмового комплекса студентов 6-го курса кафедры архитектурного проектирования СПбГАСУ

Текст: Олег Романов, Юрий Курбатов

Одна из самых сложных творческих проблем в создании современного православного храма – сочетание преемственности с новизной. Очевидно, что молодые архитекторы наиболее остро ощущают эту проблему. Именно поэтому кафедра архитектурного проектирования СПбГАСУ ежегодно предлагает студентам 6-го курса задание на разработку проекта храмового комплекса.

Эта тема полезна в подготовке современного архитектора еще и потому, что традиционный православный храм – не только функциональная, но и художественная форма, выразительный язык которой обладает символами и знаками.

Читателю предлагаются несколько проектов мастерской профессора О.С. Романова. Руководители проектов – профессора О.С. Романов, Ю.И. Курбатов и старший преподаватель И.Н. Демёнов. Для разработки проектов были предложены два конкретных участка. Один из них – ландшафтная зона с водоемом, примыкающая к жилому району Шушары.

Другой – зона намывной территории в Сестрорецке.

Почти все разработанные проекты мастерской, как правило, обладают традиционной функциональной структурой и необходимой контекстуальностью. Главный объем комплекса – приходской храм – становится доминантным объектом территории. В то же время он претендует на завершение примыкающего к нему жилого комплекса.

Отдавая должное фактически всем проектам мастерской, обладающим интересными замыслами, в статье предлагаются к рассмотрению наиболее запоминающиеся проекты

с признаками экспериментального формообразования.

Проект Татьяны Коваленко (район жилого района Шушары)

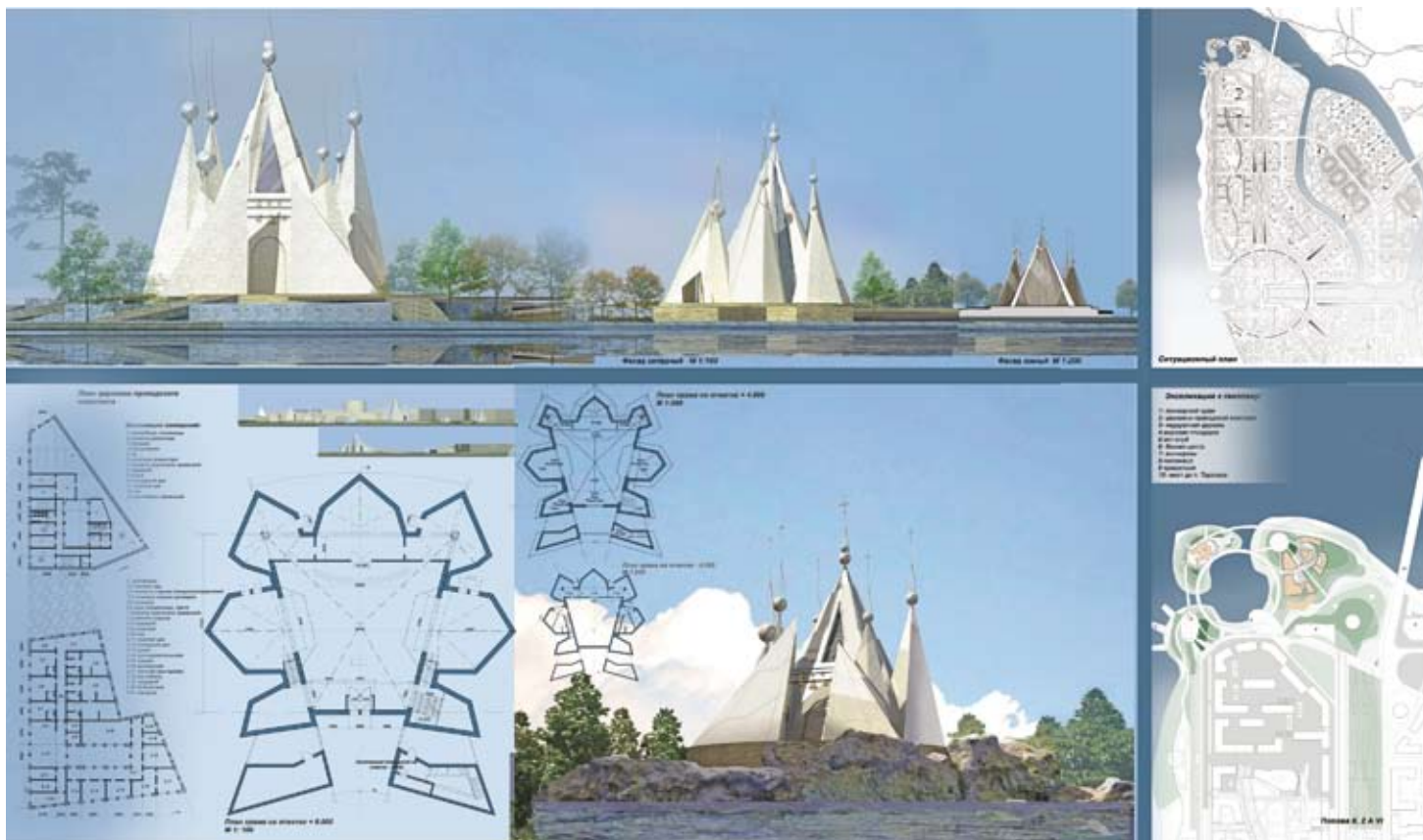
Фокус храмового комплекса – круглый водоем – символ вечности. Объем церкви и служебные корпуса размещаются по радиусам от центра водоема.

Желание распространить колокольный звон как можно дальше (к этому всегда стремились древние зодчие) определило уникальное авторское решение звонниц. Они размещены радиально на западном берегу водоема таким образом, что превращаются в резонаторы церковного звона.

На восточном берегу водоема, повторяя радиальную композицию, размещены служебные здания церковно-приходского комплекса. Особенность композиции основного объема церкви – структура вертикальных стен – экранов, которые управляют естественным светом, улавливают его потоки и направляют их для освещения алтаря. Тем самым подчеркивается наиболее значимая – духовная зона храма.

В то же время ребристость объема подчеркивает его вертикальность, которая завершается своеобразной «коронай», увенчанной свечеобразными куполами.

Таким образом, новизна современного формообразования просматривается при аккуратном сохранении необходимых догматов внутренней организации храма. При этом автором реализована сверхидея формирования духовного образа именно православной церкви.

Проект Ксении Поповой (участок намывной территории Сестрорецка)

Объемно-пространственная композиция здания приходской церкви разработана под влиянием русских шатровых храмов. Новизной выступает новаторская геометризация как основного объема церкви, так и его приделов – шатров, которые напоминают «пирамиды – первичные сакральные археформы». Завершаются «пирамиды» элегантными куполами – шарами, несущими православные кресты.

Следует отметить также «восхождение» композиции храма от суровой северной каменно-лесной среды к купольным окончаниям – символам стремления к божественному.

Проект Ольги Черняковой (участок намывной территории Сестрорецка)

В проекте Ольги Черняковой особый интерес представляет брутальная скульптурность основного крестообразного церковного объема, как бы вырастающего из земли. Это своеобразный утес – крепость, покоряющая пространство. Система ступенчатых традиционных арок образуют вну-

тренний свод центрального пространства и в то же время формируют барабан главного лукообразного купола. Аналогичная арочная система четырех малых барабанов и луковичных куполов образуют выразительное ожерелье главного купола.

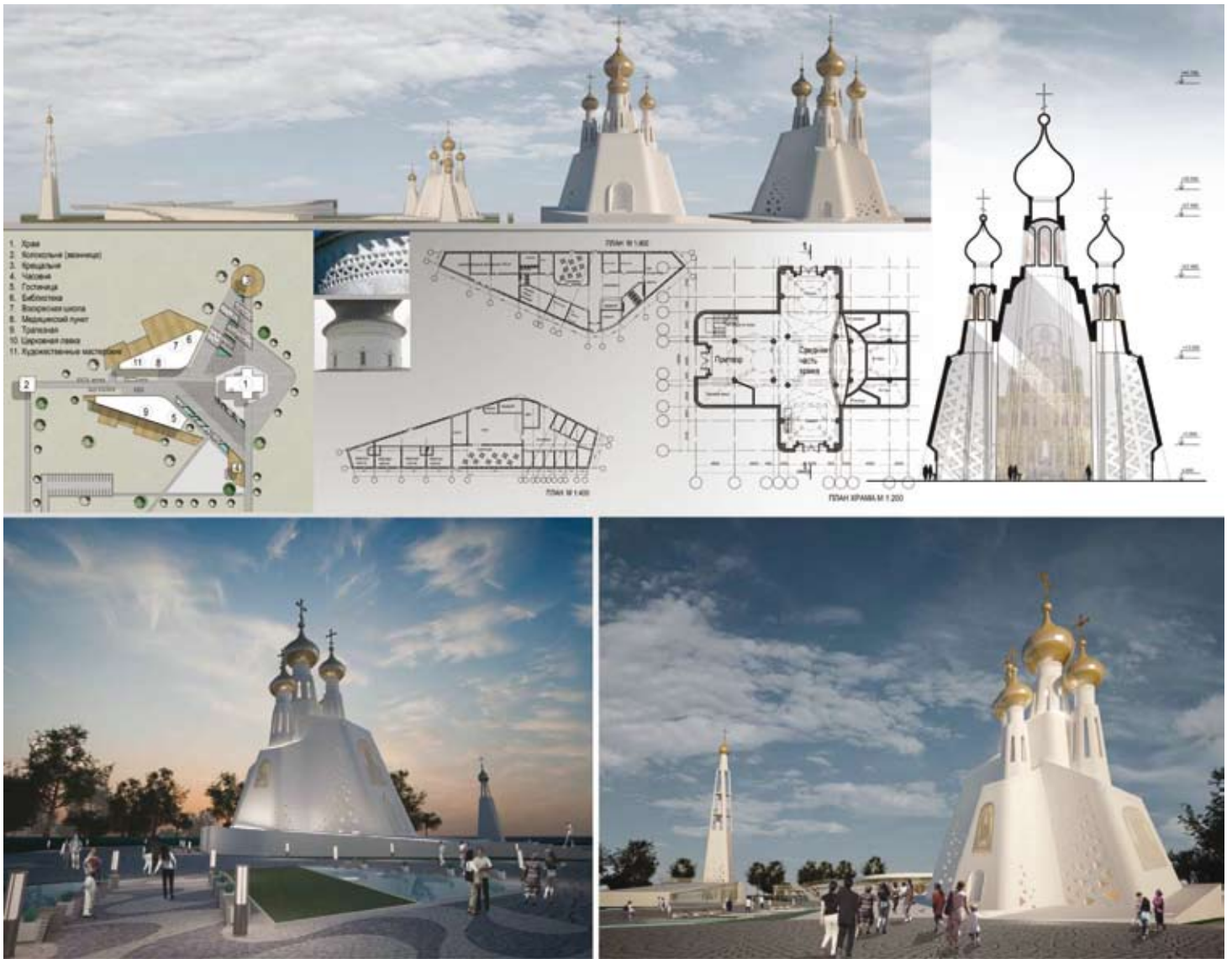
За внешней явной узнаваемой белокаменной церковной архитектурой кроется новое формообразование – скульптурное осмысление объема с одновременным применением традиционных декоративных деталей.

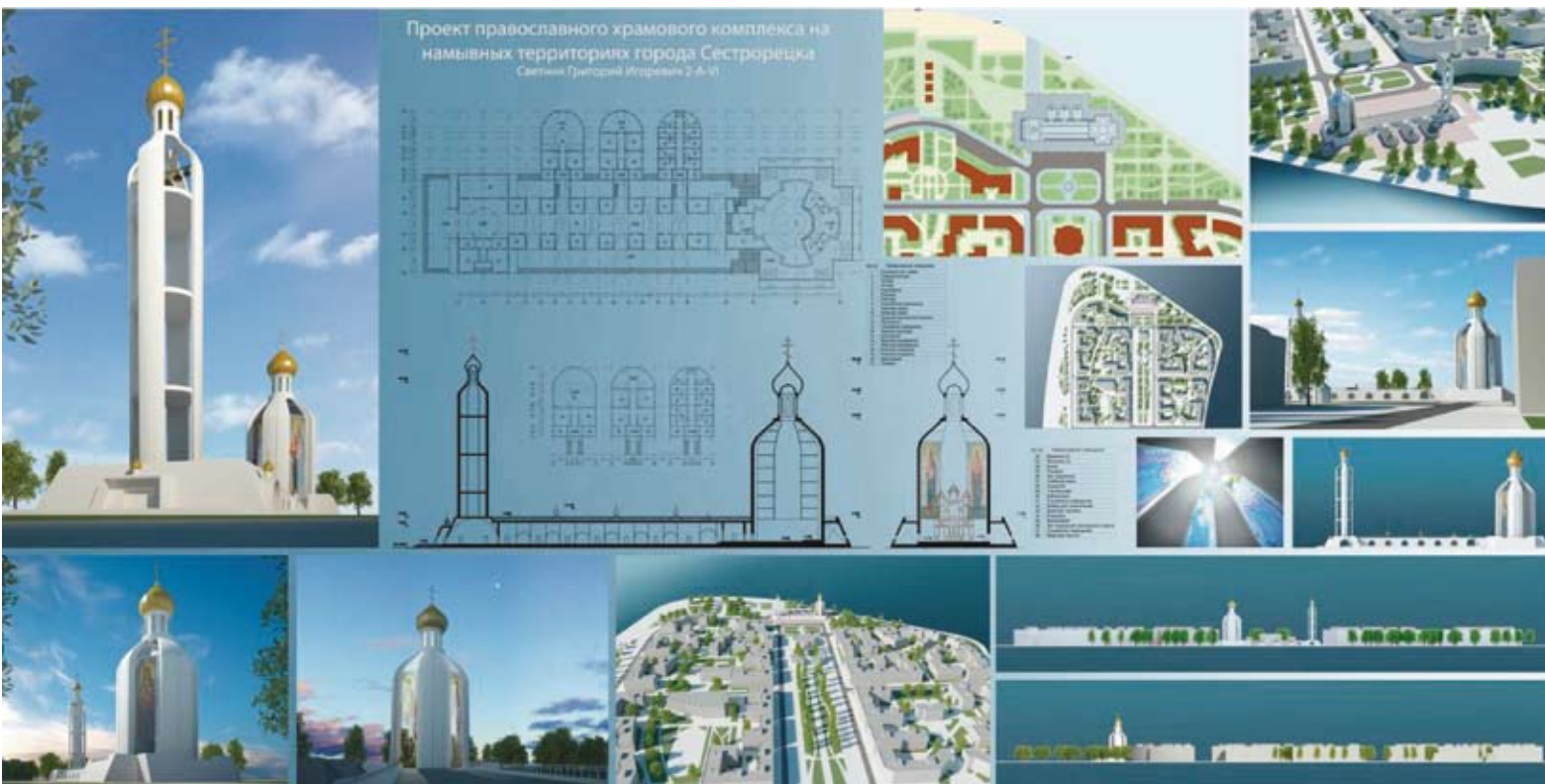
Проект Григория Светника (участок намывных территорий Сестрорецка)

В этом проекте новизной обладает, прежде всего, схема объемно-пространственной композиции. Единой платформой для церкви и звонницы служит здесь неф цокольного этажа, где размещены все служебные помещения.

Церковь и звонницы, размещенные на разных концах нефа, идентичны по своей композиционной структуре.

Объем церкви образуют четыре «лепестка» – своеобразные ладони рук, вытянутые вверх. Они поддерживают традиционный барабан, несущий луковичный купол.

Пространственные разрывы между «лепестками» заполнены цветными витражами. Соединение «лепестков» с барабаном использовано для создания проемов верхнего света, наполняющего интерьер его живительным серебром.

Аналогичная композиционная структура использована и для звонницы. Однако она обладает большей высотой и ажурностью. Промежутки между лепестками разделены площадками на секции, верхняя из которых несет колокола.

Об авторах:

О.С. Романов – профессор, президент СПбСАР;

Ю.И. Курбатов – профессор, доктор архитектуры.

Частная резиденция

Текст: Антон Головин

Обладатель Бронзового диплома «Архитектон-2012», частная подмосковная резиденция (мастерская «Головин & Шретер») является, образцовый пример именно петербургской архитектурой – контекстуальной, сдержанной, представительной, высокопрофессиональной. Мы попросили Антона Головина немного рассказать о процессе этой успешной работы.

Осень 2006, сентябрь. Подписали договор на выполнение эскиза. Задание на 37 листах с подробным описанием необходимого оборудования и предметов мебели по помещениям. Срок выполнения – 4 месяца с промежуточной подачей и защитой форэскиза через 2 месяца с начала проектирования.

Обширная территория с перепадом рельефа в 10 м, значительная общая площадь строений. Пять объектов должны составлять единый функциональный комплекс и формировать архитектурный ансамбль. Понимали, что будет непросто, но не догадывались, насколько.

Зима 2006-го, декабрь. Огромная зала. На мониторе величиной со стену – планы, фасады, разрезы, картинка. Микрофон. Волнение проходит уже на улице. Знаем – все получится.

Весна 2012-го, май. Подъехали к широким воротам с ажурной решеткой. Мощные пилоны, облицованные природным камнем.

Нас встретили, провели по парадной площади мимо хозяйственных строений к дому, затем по дому, после в нижний парк. От третьего пруда замечательный вид на весь комплекс. Территория резиденции поделена на две зоны: парадную – Верхний регулярный парк с четкой геометрией подъездных дорожек и строгими пространственными осями – и приватную – Нижний пейзажный парк с плавными очертаниями полей и «романтичными» маршрутами.

Композиционным центром Верхнего парка является обрамленный проездами просторный парадный луг с группами деревьев. Вокруг луга скомпонованы основные строения резиденции. Решенные в единой стилистике, они образуют архитектуру «парадной площади».

Пространство Нижнего парка включает в себя цепочку полей на склоне холма и существующую березовую рощу, вытянувшуюся вдоль береговой линии каскадного пруда. Анфилада полей оставлена открытой и цельной. Акцентные группы деревьев отмечают видовые точки.

Пейзажная часть территории и комплекс построек связаны двумя маршрутами: верхним и нижним. Верхний маршрут объединяет основной и гостевой дома, теннисный корт и банный комплекс. Нижний маршрут, вдоль которого размещены малые архитектурные формы и

декоративные элементы, проходит по «романтической» части парка, образуя серию колец – больших и малых.

Сдержанный и монументальный объем основного дома хорошо просматривается через партер от самого въезда. Рисовка протяженного фасада позволяет уловить внутреннюю организацию пространств. Крыльцо главного входа придает образу дома торжественность и значимость. От крыльца виден гостевой дом-ротонда. Масштаб членения его фасадов и характер деталей подчинены пластике основного здания.

Попадаем внутрь главного дома. Пространства прихожей, гостиной, столовой, холлов второго и третьего этажа и пространство двусветной каминной зоны плавно перетекают друг в друга, группируясь вокруг символа семейного очага. Архитектура камина доминирует над горизонтальными очертаниями пейзажных далей и интерьера. Осевые построения анфилады помещений дома постепенно раскрывают сюжетную линию. Движение направлено на свет и вдоль света.

Из гостиной выходим на обширную террасу с вечнозелеными деревьями в кадках. На краю террасы беседка – любимое место общения семьи за круглым столом.

Под террасой, в «гроте», укрыт от посторонних глаз зал бассейна. Это помещение – основное на первом, полузаглубленном, этаже. Объем зала бассейна является пьедесталом для основного дома. Прозрачная трансформируемая стена, обращенная в сторону Нижнего парка, не создает зрительной преграды.

Вернулись на площадь. Ощущение хорошо сделанной работы.

Главная задача, с которой сталкивается большинство архитекторов, – отсутствие противоречий между внутренним содержанием объекта и его внешним обликом. При этом средства должны быть уместны.

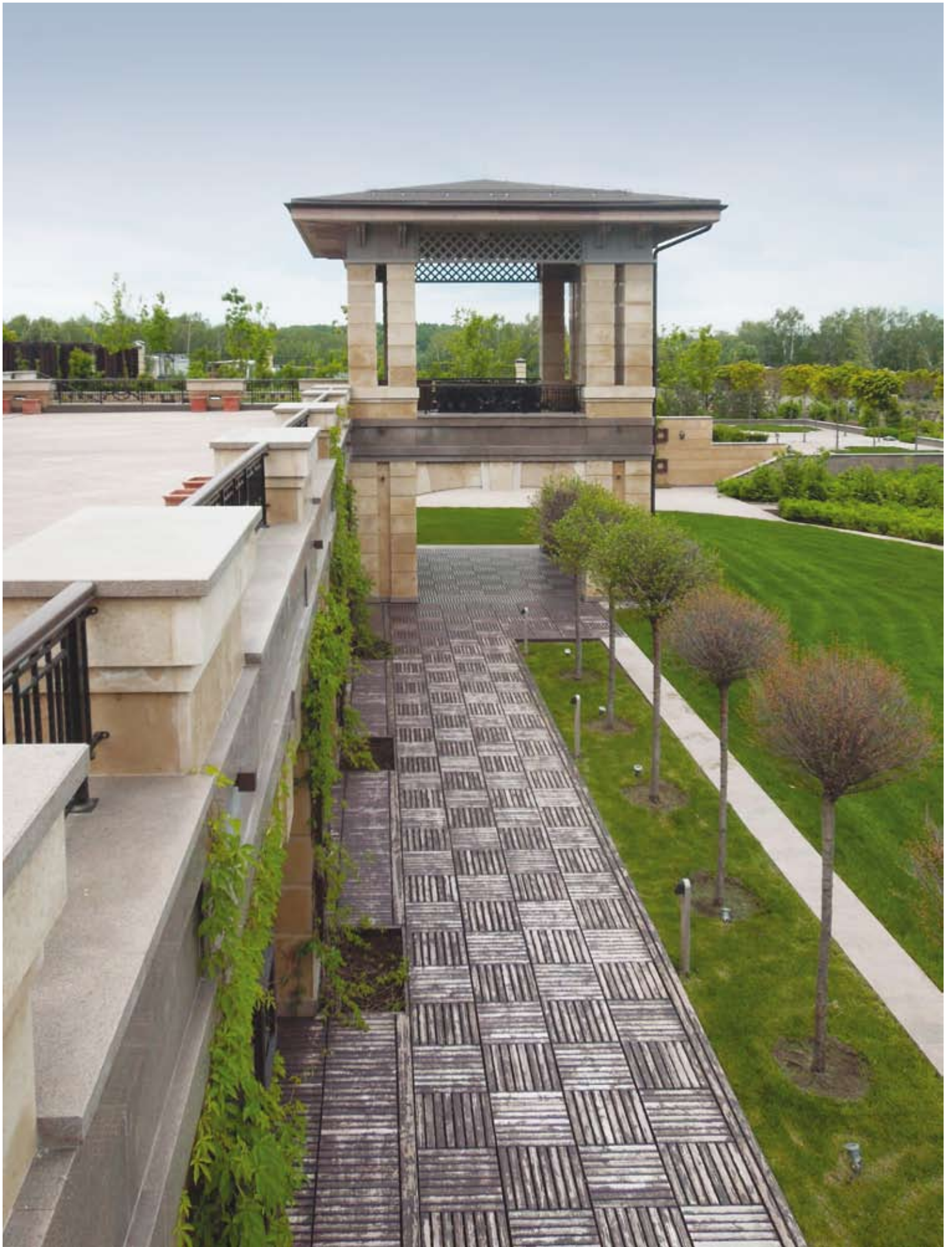
В случае с резиденцией мы выбрали, на наш взгляд, уместный изобразительный язык, без точных отсылок и цитат. Главная тема – массивные выносы террас на рустованных столбах – появилась, как ни странно, во время работы над гостевым домом. Хотелось придать небольшому объекту монументальность и значимость. Затем этот прием, наряду с большими выносами пологих кровель, стал лейтмотивом для архитектуры всего комплекса.

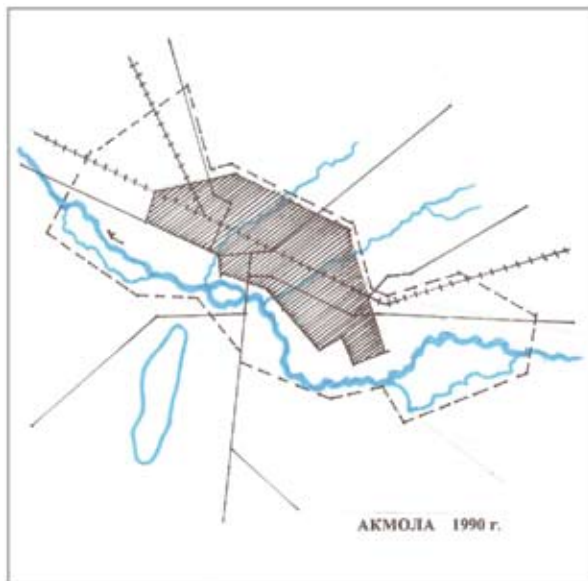

Астана как зеркало регионального урбанизма

Текст: Светозар Заварихин

Нам, которым повезло достать билет на вход в XXI век, повезло вдвойне: в Казахстане, посреди бескрайних ковыльных степей Сары-Арки, поражая яркостью и бешеным темпом перевоплощений, интригуя мировую общественность, разворачивается под открытым небом грандиозное архитектурно-градостроительное шоу с ярким восточным названием «Звезда Астаны». Там действительно есть на что посмотреть, чему удивиться и о чем подумать.

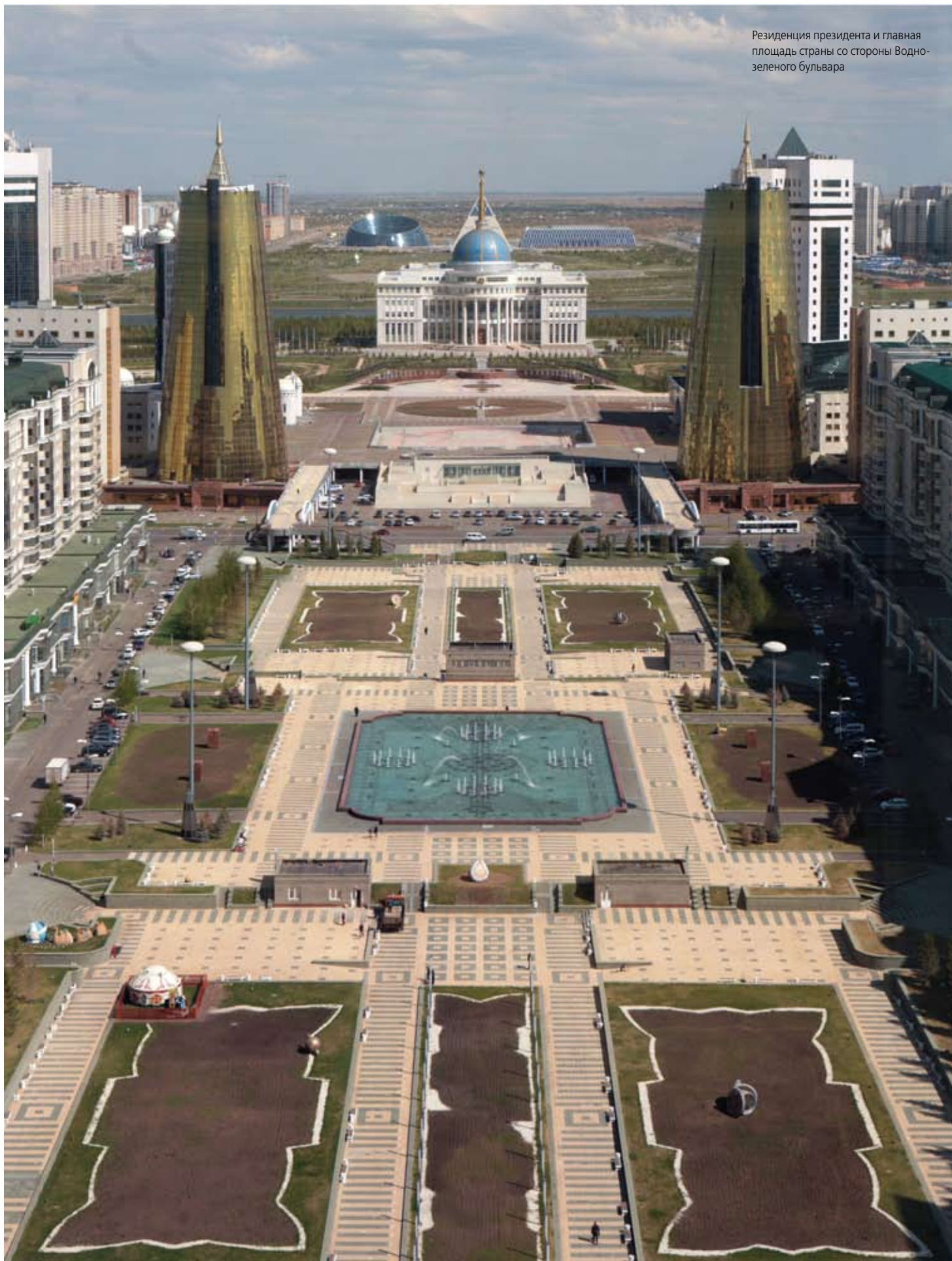

А начиналось все как-то неожиданно и на первый взгляд фантазийно: вдруг в 1994 году президент младенчески юной республики, переживавшей непреодолимые, казалось, трудности обретенной независимости, предложил перенести столицу с южной окраины Казахстана на север, вглубь страны, в Акмолу (Акмолинск, Целиноград) – бывшую целинную столицу, ставшую в советскую эпоху реальным центром хозяйственно-экономической жизни степной республики. Обоснованием столь кардинального решения президента кроме соображений стратегического порядка была обеспокоенность судьбой катастрофически перенаселенной Алматы (1,2 млн чел.), расположенной в непродуваемой котловине, где по расчетам экологов могут нормально проживать всего лишь 400 тысяч человек. Однако бесспорная убедительность доводов в пользу новой столицы не снижала силу негласного сопротивления, которое оказывали очередной президентской инициативе республиканские чиновники, комфортно проживавшие в престижных районах теплой красивой Алматы. По накалу драматизма эта ситуация «великого переселения», вероятно, не уступала подобным историческим прецедентам, случившимся, например, в России или Бразилии. Тем не менее, несмотря на трудности начального периода, авторитет и ответственная воля президента Н. Назарбаева обеспечили успешное многостадийное прохождение идеи, и в конце 1997 г. Акмола стала официальной столицей республики Казахстан. Правда, через полгода она была переименована («по просьбе трудящихся») в более благозвучную и не допускающую двусмысленной трактовки Астану¹.

Столичный статус города давал возможность привести в действие дополнительные экономические рычаги для его ускоренного и кардинального преобразования по мировым стандартам, используя в том числе крупные международные кредиты (Китай, ОАП). Но задача ставилась гораздо шире, чем простое устройство новой столицы. Расчет был на то, что это гигантское по своим масштабам строительство обеспечит качественную переориентацию экономики, преобразование социальной сферы, культуры и вообще всей жизни страны. При этом кризисное состояние молодого государства требовало реализации этих кардинальных изменений в кратчайшие сроки. Поэтому старт большой работе был дан, не дожидаясь утверждения нового официального статуса Акмолы, и уже в 1996 году обсуждались результаты республиканского конкурса на эскиз-идею первого генплана новой столицы, по которому она должна была развиваться вплоть до 2005 года. Эскиз-идея была необходима в том числе и ввиду сложности исходной ситуации, так как свободным от застройки было только левобережье реки Есил (Ишим) – низкая, часто подтопляемая территория с очень слабыми грунтами (это общая пойма Есила и соседней реки Нуры). Варианты же формирования новой столицы только путем реконструкции Акмолы, раскинувшейся на высоком и сухом правобережье, даже не выдвигались ввиду их очевидной несостоятельности. Поэтому всем конкурсантам пришлось выбрать неудобный левый берег в качестве основной площадки строительства. Но предложения по размещению правительственного и общегородского центров у всех были

¹ Слово «акмола» может буквально переводиться как «белая могила»

Резиденция президента и главная
площадь страны со стороны Водно-
зеленого бульвара

Мечеть «Хазрет Султан»

разные. Проект-победитель предлагал сформировать пятикилометровый линейный центр вдоль реки, берега которой поэтому должны были застраиваться многочисленными высотными зданиями. Идея казалась бесспорной в эстетическом отношении, но при разработке генплана на основе этого проекта от нее пришлось отказаться, так как дополнительное исследование показало, что неширокая степная река не выдержит столь серьезной экологической нагрузки.

Отказ от идеи развертывания центра вдоль реки повлек за собой изменение характера предлагавшегося конкурсным проектом планировочного каркаса, основой которого теперь стали две пересекающиеся под прямым углом межмагистральные полосы застройки: меридиональная, связывающая оба берега, и широтная, далеко отстоящая от реки. На пересечении этих главных осей и было решено разместить административно-деловой центр столицы. Эта принципиальная схема сохранилась и при всех последующих перипетиях проектирования города, начиная с 1998 г., когда к сложной работе определения перспектив развития столицы до 2030 г. и к ее застройке решили активно привлекать иностранных специалистов. Подобная переориентация со «своих» специалистов на зарубежных была весьма характерна для общественной атмосферы 90-х годов, когда господствовало романтическое представление о «цивилизованном» капиталистическом мире, в фарватере которого следовало идти, чтобы освободиться от сковывающих пут «совкового» прошлого. А в случае с Астаной подобный романтизм усиливался, вероятно, рас-

четом на то, что одним рывком с помощью «звезд» мировой архитектуры можно построить идеальный город XXI века и тем самым резко повысить международную значимость Казахстана как географического центра Евразийского пространства (этот тезис составляет основу философской концепции Н. Назарбаева). Возможно, поэтому в 1998 году разработку концепции генплана Астаны и его проектирование на период до 2030 года поручили арабской фирме «Дар аль-Хандасар» и в этом же году объявили международный конкурс тоже на эскиз-идею генерального плана новой столицы (хотя «своя» идея к тому времени в спешном порядке уже начала воплощаться реальным строительством).

Первое сомнение в предполагаемых «сверхвозможностях» зарубежных градостроителей зародилось уже в 1999 году, когда выяснилось, что генплан Астаны, разработанный фирмой «Дар аль-Хандасар» с привлечением европейских и американских специалистов, во многом повторил предварительные обоснования и предложения местных проектировщиков. К тому же зарубежные профессионалы почти в два раза ошиблись в определении перспективной численности населения Астаны, посчитав, что к 2030 году в городе будет проживать всего 660 тысяч человек (уже сегодня ее население превышает 800 тысяч человек). Тем не менее этот генплан в 2000 году утвердили, но действовал он всего полтора года. 15 августа 2001 года был утвержден новый генеральный план, разработанный под руководством всемирно известного архитектора-мыслителя, доктора Кисе Курокавы после его победы на том самом международном конкурсе, объявленном в 1998 году.

Победа Курокавы, скорее всего, была предreshена многообещающей, но искусно завуалированной футуристичностью его философской концепции симбиоза, которая на более высоком уровне развивала положения исходной теории метаболизма (динамичного пространственного урбанизма), внедрявшейся с конца 1950-х годов группой молодых японских архитекторов под руководством К. Кикутате и при поддержке более опытного К. Танге. Термин «симбиоз», как и «метаболизм», заимствован из биологии и означает «сосуществование организмов», что подразумевает отношение к городу как к живому существу. Но в отличие от известного теоретика градостроительства Ж. Кандилиса, который еще в середине XX века предлагал именно такое понимание города, Курокава, развивая свою концепцию, представлял город не изолированным и самодостаточным «живым существом», а градостроительным организмом, находящимся в неразрывной двусторонней

Здание нефтегазовой компании на Круглой площади

связи (симбиозе) со всей экосистемой. При этом должен быть обеспечен симбиоз старого и нового в образе города, а также симбиоз транспорта и человека. Только в таком случае городу и природе может быть гарантировано, по мнению Курокавы, оптимальное сосуществование и развитие.

Конечно, столь высокий экологический уровень понимания градостроительства не может быть в полной мере реализован в современных условиях, так как биоэнергетические технологии еще не стали «рабочим инструментом» в архитектурно-строительной деятельности. Поэтому Курокаве фактически пришлось использовать принципы и приемы отрицаемого им «механического» функционализма. Астана представлена в его проекте как гигантский город-сад, основанный на двух взаимно перпендикулярных осях (но именно это предлагал Корбюзье многим столицам мира). Транспортные проблемы решались популярными функционалистскими способами (кольцевыми магистралями, разделением уровней и подземными парковками). Возможность перманентного развития

города обеспечивалась тоже вполне известными приемами: выделением резервных территорий и включением в ткань города временных объектов, подлежащих сносу при необходимости.

Были в проекте Курокавы и такие неприемлемые для «прихотливого» Востока предложения, как внедрение метода «абстрактного символизма», согласно которому в застройке необходимо использовать только легкодоступные для понимания простые геометрические фигуры – квадрат, треугольник, овал, конус и т. п. Но при всем этом Мастер, безусловно, задал наглядно выраженную экологическую направленность всему комплексу градостроительного проектирования Астаны, предостерег от погони за сиюминутными выгодами в ущерб главным жизненным ценностям. Он заложил в проект меры по сохранению чистоты реки Есил, питающей водой громадный степной регион. Именно он предусмотрел водоохранные зоны и посадку лесов вокруг города для защиты от суховеев и зимних ветров (уже посажен лес на площади 40 тыс. га, и планируется посадить еще столько же).

Фрагмент Водно-зеленого бульвара

Тем не менее проявившаяся в ходе реализации проекта Курокавы оторванность от реалий быстро развивавшегося города, допущенные им большие погрешности в определении перспективной численности населения и объемов регионального валового продукта заставили руководство республики в 2006 году объявить конкурс на корректировку проекта Курокавы, а в 2007-м отправить проект корректировки на международную экспертизу. В результате было получено отрицательное заключение, проект был признан композиционно-формалистическим, оторванным от реальных проблем. Складывалась тупиковая ситуация с градостроительным планированием. В этих условиях пришлось признать нецелесообразным в динамичном XXI веке устраивать для разработки генпланов конкурсные баталии среди именитых зодчих и приглашать в состав жюри людей известных, но не владеющих всей полнотой информации о конкретном

городе. Поэтому проектный институт «Астанагенплан» был преобразован в НИИ градостроительства, который и стал осуществлять все дальнейшее градостроительное проектирование на основе международных норм и правил, используя собственные научные изыскания и результаты мониторинга постоянно меняющихся ситуаций. Почти сразу были разработаны нормы градостроительного проектирования для условий Астаны, основанные на мировом опыте. Кроме того, в 2007 году при президенте был создан Архитектурный совет. Все это способствовало тому, что в середине 2011 года доработанный проект корректировки генплана был утвержден. Астана получила наконец добротный сбалансированный документ, по которому город будет развиваться в последующие два десятилетия.

Перипетии с разработкой генерального плана не повлияли на темпы и качество застройки Астаны. Строительство началось в 1997 году после проведенных масштабных работ по нормализации гидрогеологических условий на территории левобережья. Планировочной основой при этом была первоначально утвержденная концепция развития столицы и предложения последующих генпланов. А принципиальный характер архитектуры центра города соответствовал основной президентской установке, обязывающей формировать Астану как центр взаимовлияния и взаимообогащения культур стран Востока и Запада. Неизбежная при этом полифония стилей, превращающая главную часть города в своеобразный восточный базар, трактуется как Евразийский стиль. В этой яркой и пестрой до наивности своеобразной «ярмарке тщеславия», тем не менее, царит определенный порядок, формируемый, с одной стороны, почти классическими планировочными приемами, а с другой – сложной логикой сочетания несочетаемого (в этом, возможно, опосредованное влияние «природной» теории хаоса как основы порядка). Здесь в тесном соседстве можно увидеть неоклассические композиции и вариации на темы архитектуры хай-тек, ар-деко, «сталинского ампира», постмодернизма, «стиля Миса», неофункционализма, элементы восточной экзотики и даже пирамиды. Газоны, аллеи, фонтаны и многочисленные декоративные скульптуры на темы эпоса, флоры и фауны Казахстана объединяют всю эту феерию форм в некое живое, почти театрализованное действо (правда, в зимнее время ландшафт центра города

Дворец творчества
школьников

Перспективы Водно-зеленого
бульвара

Жилой комплекс «Триумф Астаны»

будет, вероятно, не столь оптимистичным).

Полифоническое звучание архитектурного пространства Астаны во многом обеспечено тем, что наряду с местными архитекторами город активно застраивался зарубежными фирмами и зодчими, включая всемирно известных. Так, гостинично-офисные центры высотой 216 и 280 м построены соответственно по проектам К. Кикутаке и Р. Стерна. Итальянский зодчий М. Николетти стал автором здания с киноконцертным залом на 3500 мест. Дворец творчества школьников сооружен в 2011 по проекту петербургской архитектурной мастерской «Студия 44», руководитель Н. Явейн. (В ближайшее время по проектам этой же мастерской планируется возведение главного железнодорожного вокзала и Дворца единоборств.) Четыре крупных объекта построил Н. Фостер (Дворец мира и согласия, торгово-развлекательный комплекс «Хан-Шатыр», гостинично-жилой комплекс высотой 382 м и крытый город «Батыгай» на 10 тыс. жителей).

В ряду столиц, созданных «по единому плану», центр Астаны выделяется и поражает масштабом и монументализмом организованных пространств. Его главная ось – широкий Водно-зеленый бульвар, пронизавший всю

левобережную часть и захвативший правый берег Есила, – представляет собой цепочку из восьми больших площадей различной формы. Регулярность планировки этой гигантской эспланады контрастирует с живописной свободой ее застройки, но соответствует ее политико-идеологическому «обременению» в виде административно-правительственных зданий и главного символа Астаны – монумента Байтерек. По сравнению со столицей Казахстана монотильный центр Бразилиа с его эспланадой, застроенной одинаковыми зданиями министерств, и с единственной площадью, замыкающей ее, кажется скромным «предком» Астаны. Даже в столице США главная магистраль между памятником Линкольну (в виде периптера на берегу реки Потомак) и Капитолием имеет всего одну промежуточную площадь на пересечении с короткой поперечной эспланадой, замыкающейся Белым домом.

Сегодня уже можно констатировать, что Астана – это явление в мировой практике градостроительства. Всего за десятилетие был реконструирован старый город и выстроен новый, поражающий не только размахом, но и особой энергетикой созидания, заряжающейся от двух разных источников – традиционного монументализма и суперсовременного эклектизма, столь характерного для культуры нашей электронно-информационной эпохи. Но при этом вдумчиво и конкретно в городе решаются сложные экологические проблемы, а жилые кварталы строятся со строгим соблюдением всех норм градостроительства, включая плотность застройки, инсоляцию и обеспечение необходимой социальной инфраструктурой. Без сбоев работает программа «Доступное жилье» (уже построено шесть градокомплексов). Полностью исключена уплотнительная застройка в старой части города. Не случайно новая столица Казахстана отмечена ЮНЕСКО медалью и званием «Город мира».

Судя по всему, «старшему брату» Казахстана – России – уже есть чему поучиться у бывших кочевников. Россия, вперед!

Административный центр
«Круглая площадь»

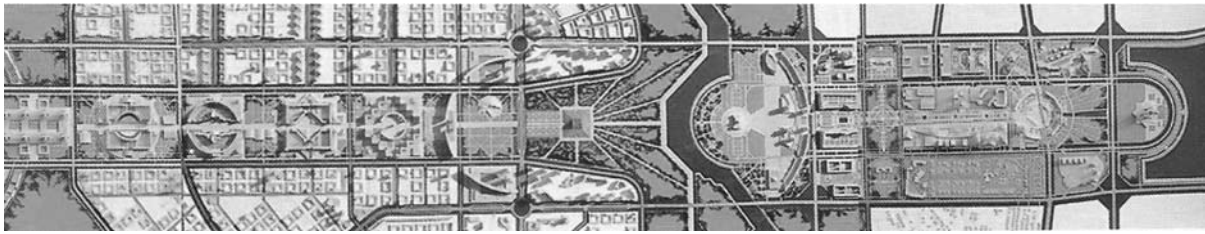

Фрагменты береговой зоны

Об авторе:
Светозар Заварихин –
доктор архитектуры,
профессор СПб ГАСУ

Здание министерства финансов и экономики

Аллея Тысячелетия. План

Проектный макет застройки
пр. Сары-Арка

Кельн. Набережная в центре города

Текст и фото: Леонид Лавров

Развитие ситуации с застройкой Набережной Европы уже давно привлекало внимание наших зарубежных коллег. Прибывавшие в Санкт-Петербург европейские архитекторы и градостроители еще в конце 1980-х годов удивлялись тому, что в центре города на северном берегу Малой Невы сохраняется такой запущенный участок, обращали внимание на его огромный урбанизационный потенциал и советовали ознакомиться с современным мировым опытом развития прибрежных территорий. Немецкие архитекторы упоминали Дюссельдорф и Кельн.

Когда я впервые оказался в Кельне, я смог найти время только на посещение знаменитого собора – тем более что подойти ко всемирно известному памятнику зодчества можно было прямо с платформы большого железнодорожного вокзала. В ходе дальнейших поездок на берега Рейна стало ясно, что Кельнский собор – не только объект исторического наследия, но и важнейшая часть многофункционального ядра городского центра. За последнее время существенно возросли и его композиционная роль в городской застройке, и степень вовлеченности в жизнь города.

Это стало предсказуемым последствием существенных мероприятий по реконструкции береговой зоны Рейна, проводимых в последние годы. Огромное здание собора удалено от береговой линии крупнейшей реки Европы метров на 150-200. Уже многие столетия по полоске земли вдоль Рейна тянутся магистральные дороги, связывающие южную часть континента с северной. Шумный транспортный поток отрезал кварталы центра от берега реки еще лет 30-40 тому назад. Постоянное увеличение числа автомобилей обостряло ситуацию, и поэтому пришлось пойти на радикальные градостроительные мероприятия, чтобы улучшить экологическую обстановку и повысить потенциал транспортной системы. И в Кельне, и в соседнем Дюссель-

дорфе предприняли идентичные меры: проложили новые трассы скоростной дороги в объезд городов, а в центре автомобильные дороги убрали в тоннель, превратив набережные в пешеходные зоны.

Кельн выделяется тем, что здесь на прибрежных территориях подземное пространство использовали и для дальнейшего насыщения городского ядра новыми функциональными элементами общественного назначения. На полоске земли (а точнее, под нею) между Рейном и Кельнским собором в конце 1990-х годов были сооружены два транспортных тоннеля, музейные выставочные залы (Wallraf Richartz / Ludwig Museum), подземные гаражи, технические объекты и подземные отрезки нескольких улиц местного значения. В итоге оказалось, что новые сооружения вплотную примыкают к фундаментам собора, так что войти в подземную парковку можно через лестнично-лифтовой блок прямо у входов в собор. Такое соседство стало дополнительным удобством, которое привлекало сюда жителей периферийных районов и экскурсантов из других городов, но вызывало очевидные технические вопросы, которые, впрочем, удалось решить инженерными средствами. В ходе эксплуатации комплекса выявились и другие сложные ситуации, для преодоления которых и сейчас используется «человеческий фактор»: на время представлений в подземном концертном зале по периметру его крыши приходится выставлять специальные кордоны, чтобы не допустить сюда катающихся на шумных роликах или скейтбордах.

Что же касается озелененной территории непосредственно на берегу, то здесь течет полнокровная жизнь центрального городского района: прогуливаются семьи горожан, на открытых террасах сидят любители рейнского вина и местного пива («кёльш»), катят велосипедисты. К этому добавляются выходящие на берег пассажиры больших речных лайнеров и экскурсионных теплоходов местных линий, причаливающих прямо возле собора. Прибрежная зеленая зона стала еще одним магнитом в центре Кельна, привлекательным не только для горожан. Магнитом, ненадолго замирающим осенью и зимой и вновь оживающим с наступлением весны.

Успех этого проекта стимулировал освоение следующего участка береговой территории, расположенного выше по течению реки. Здесь не было активного транспортного потока, непосредственно на Рейн выходили бывшие промышленные объекты и прекративший свое существование речной грузовой порт. Реконструкция заключалась в перепрофилировании сохраняемых сооружений и возведении новых, обеспечивающих ревитализацию участка,

Когда видишь бульвар
на берегу Рейна вблизи
Кельнского собора и собора
Гросс-Сан-Мартин (Rheingarten
Fischmarkt), то и не думаешь о
потоке автомобилей, которые
мчатся под ним
в подземных тоннелях

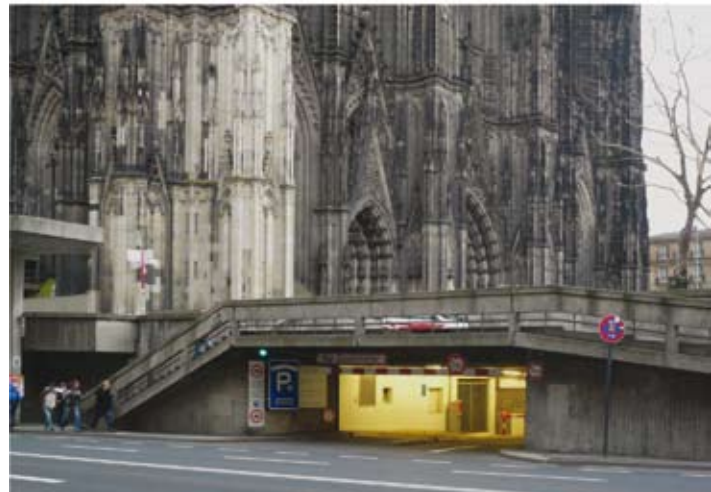
Кельнский собор. Прямо у главного входа въезд в подземный гараж для постоянных клиентов – тех, кто живет или работает в центре города. Экскурсанты могут попасть прямо к подножию исторического памятника из подземной парковки с помощью лифтов

приспособлении бывшей грузовой гавани Rheinauhafen под стоянку катеров и яхт. Общая протяженность обновленной береговой линии (вместе с участком первого этапа) превысила 2 км.

Наибольшее внимание до настоящего времени было уделено объектам, находящимся непосредственно вдоль уреза воды на длинной узкой косе, отделенной от материковой части бывшей грузовой гаванью и протянувшейся почти на километр.

Заглавной нотой можно считать небольшой ансамбль сохранившихся построек позапрошлого века, которые фланкируют вход в Rheinauhafen: расположенную на материке башню Малаков-турм, отреставрированный старый металлический мост и на другом берегу – Имхоф-Штолльверк-Музеум, где функционирует первый в мире Музей шоколада. И далее вдоль берега можно видеть

сохраненные памятники промышленности позапрошлого и прошлого столетий: огромное здание бывшего Общества рейнского и морского судоходства выделяется в застройке береговой линии своими многоэтажными треугольными фронтонами, напоминанием об истории места служит подъемный портовый кран на фоне его фасада. В дизайне современных зданий использован металл «ржавой» фактуры, который также ассоциируется с индустрией прошлого. При взгляде на эту застройку сожалеешь, что сейчас утеряны те элементы «духа места», которые имелись в принятом к реализации проекте Набережной Европы.

Оригинальное предложение реализовано на набережной Рейна проектным бюро Bothe-Richter-Teherani: известные гамбургские архитекторы дали почувствовать облик Кельна прошедших лет не воспроизведением утерянного, а реализацией современными средствами характерных образов прошлых лет. Уже с дальних точек в панораме города выделяются три огромных корпуса Г-образной формы, которые напоминают о поднимавшихся здесь ранее грузовых кранах. И в официальной документации они проходили именно под этим именем – «Кранхаузы» (у нас неизбежно возникают ассоциации с «горизонтальными небоскребами» Эль Лисицкого).

Других акцентных элементов в развертке по береговой линии нет. Фоновую застройку создают протяженные шестиэтажные здания – жилые дома и офисы с расположенными на подземных уровнях парковками. Обращенные к Рейну восточные фасады представляют собой систему лоджий с трансформируемым остеклением, а дворовые фасады – крупные эркеры с лаконичными прямоугольниками окон. Со стороны двора размещены и входы в гараж: стеклянные параллелепипеды имеют крупные цветные надписи,

Новый бульвар на берегу Рейна у Кельнского собора (Rheingarten Fischmarkt). Вид с восточного берега, с башни собора и с моста Гогенцоллерн-брюк

Одним из знаковых объектов нового отрезка набережной стало реконструированное здание Общества рейнского и морского судоходства с сохраненным грузовым краном перед его протяженным фасадом

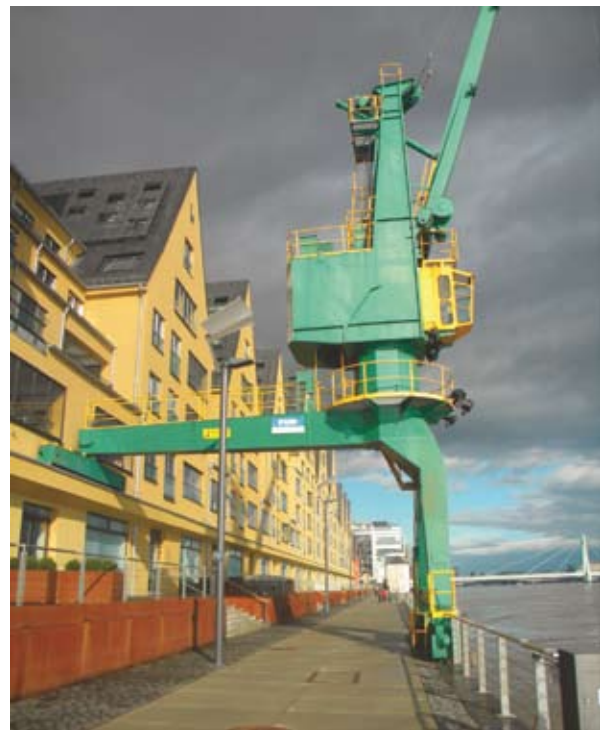

Об авторе:
Леонид Лавров – доктор архитектуры, профессор, член-корреспондент РААСН

облегчающие ориентацию для паркующихся здесь автомобилистов.

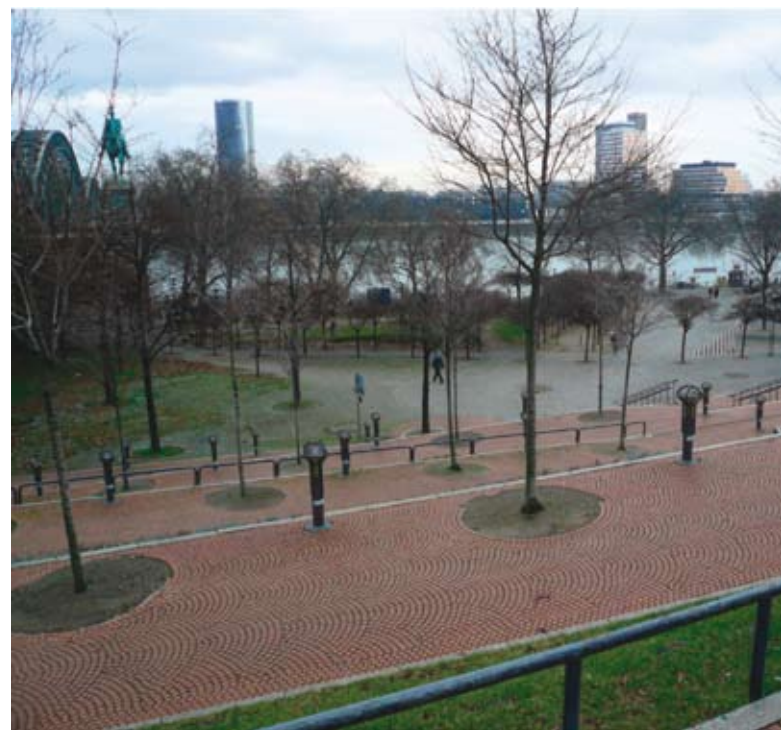
В отличие от прибрежного бульвара, который имеет свободный «естественный» рельеф и богатое озеленение (в том числе – высокоствольными деревьями), участок второй очереди имеет весьма аскетичный набор элементов благоустройства. Над единым покрытием в одной отметке поднимаются только развитые подиумы-цоколи зданий (они же ограждения подземных гаражей), во дворах – утилитарные ящики со строго подстриженным вечнозеленым кустарником. На пешеходной набережной, имеющей ширину порядка 20 метров, – редко расставленные скамейки.

Можно полагать, что развитие отечественной архитектуры в прошедшие два десятилетия приблизило нас к европейскому уровню. Если образное решение зданий в определенной мере формируется архитектором, то определяющие пространственные параметры диктуются заказчиком, исходя из условий рынка недвижимости. Сравнить территорию северного берега Малой Невы с береговой зоной Кельна можно лишь по некоторым позициям – слишком различаются определяющие условия. Возможно, дискуссия, затеянная редакцией «Капители», поможет найти верное направление в развитии вакантной зоны.

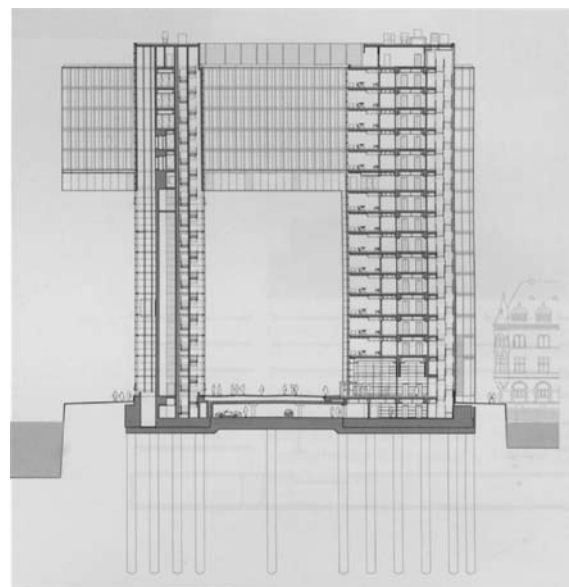

На новом (южном) отрезке набережной в застройке использованы сохранившиеся постройки прошлых лет. На фотографии виден Имхоф-Штольверк-Музеум. На северном участке активную роль играют элементы ландшафтного зодчества

Группа из трех монументальных новостроек – «Кранхаузов» – доминирует в застройке узкой косы между широким разливом Рейна и бывшей таможенной грузовой гаванью, где ныне швартуются катера и яхты

Лаконичные и динамичные корпуса «Кранхаузов» олицетворяют технические возможности архитектуры нового века, подобно тому, как Кельнский собор был выдающимся произведением строительной техники своего времени

Экологическая архитектура Хасана Фатхи

Текст: Мария Алексеева

Время поиска самоидентичности и собственных корней в мусульманских странах совпало с эпохой глобализации. Египтянин Хасан Фатхи / Hassan Fat'hi (1900–1989) – первый арабский архитектор XX века, который не стремился перенимать концепции и внешний облик архитектуры Запада. Напротив, его целью было создание

национально-самобытной архитектуры, которая бы вновь открывала феномены и чудеса наследия человечества. Фатхи посвятил себя созданию жилой архитектуры для бедных слоев населения в развивающихся странах. Он старался при минимальных затратах спроектировать в сельской местности полноценные жилые районы и тем самым улучшить уровень жизни населения.

Хасан Фатхи родился 23 марта 1900 года в Александрии. В 26 лет он успешно окончил архитектурный факультет Высшей инженерной школы Университета Короля Фуаза I (ныне – Университет Каира), где позже он станет преподавателем. Человек необыкновенной архитектурной эрудиции, Хасан Фатхи в своих проектах объединил многие достижения традиционной архитектуры. Он использовал старые методы строительства и привычные для этой местности материалы – кирпич из необожженной глины и саман¹. В своих проектах Фатхи, наряду с особенностями экономической ситуации в египетской деревне и климатических условий, всегда стремился учитывать богатый опыт и глубокие знания древних египетских архитекторов. Хасан Фатхи совместил в своих проектах элементы, типичные и для древней египетской и исламской архитектуры, – толстые кирпичные стены и традиционный североафриканский двор, которые вместе позволяли обеспечивать зданию пассивное охлаждение. Он показал, как детали народной арабской городской архитектуры, такие как *malkaf* (ветряные задвижки-щеколды), *shukshaykha* (световой купол) и *mashrabiya* (деревянный решетчатый экран), могут быть скомбинированы с кладкой из необожженного кирпича и саманом, которые традиционно применяются в Нубии и Северном Египте. Все это было сделано для того, чтобы, сформировав особый, экологически и социально здоровый стиль архитектуры, не потерять при этом путе-

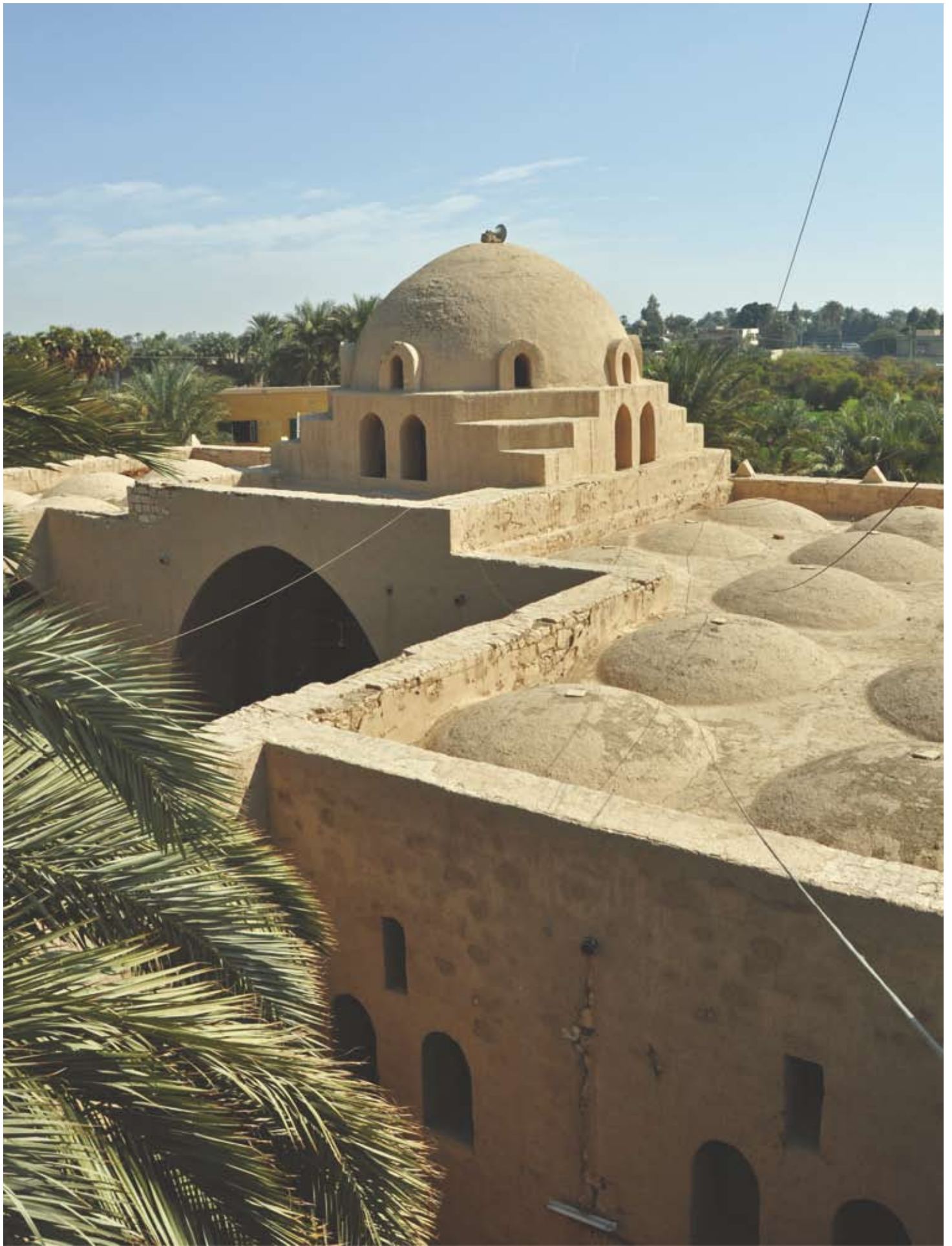
водную нить древней традиции.

Хасан Фатхи первым в Египте начал применять принципы экологической архитектуры и экоустойчивости (sustainability). «Зеленая» архитектура в установившемся на сегодняшний день значении существует только с 80-х годов XX века, в то время как Фатхи умер в 1989 году – в эпоху «зорождения» экологической архитектуры, однако в своих проектах египетский мастер использует многие принципы будущего sustainability и стремится создать архитектуру экономичную и энергоэффективную. В 1970 году он написал книгу «Проектировать вместе с народом» (*Construire avec le peuple*. Paris, 1970) – в английском переводе «Архитектура для бедных» (*Architecture for the Poor*. Chicago, 1976). Он всесторонне исследовал проблему систем вентиляции и климат-контроля, изложив результаты в книгах «Природная энергия и народная архитектура. Принципы и примеры с учетом очень засушливого климата» (*Natural Energy and Vernacular Architecture. Principles and Examples with Reference to Hot Arid Climates*. Chicago, 1986) и «Климатически эффективные дома мамлюкского и османского Каира» (*Climatically efficient houses of Mamluk and Ottoman Cairo*. 1980), за который Хасан Фатхи получил награду Aga Khan Award.

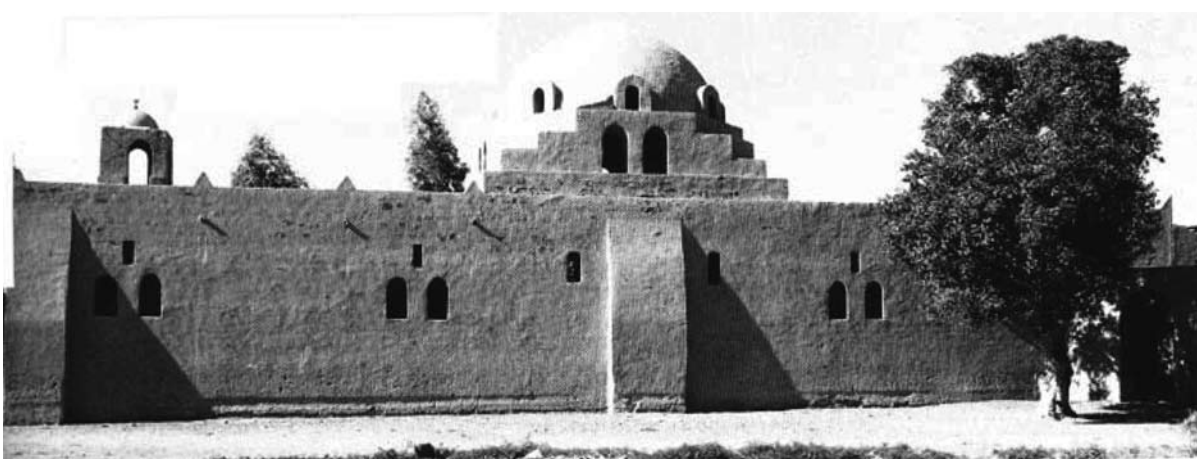
Идеи Хасана Фатхи воплотились в грандиозный проект всей его жизни – перенос на новое место деревни Гурна (Gourna) недалеко от Луксора, которая изначально располагалась прямо над древними египетскими захоронениями (1946–1952). Фатхи спроектировал новую деревню, которая состояла из жилых домов, мечети, школы, рынка, при этом предложив семьям самостоятельно построить себе дома, исходя из своих нужд, всячески помогая им и консультировал. Правительство, принявшее решение о переселении ее жителей, отказалось выделить на это средства, поэтому деревня так и не была достроена. Концепции Хасана Фатхи по строительству новой деревни были признаны актуальными и заслуживающими внимания: на рубеже 2002 и 2003 годов в парижском Институте арабского мира прошла выставка архитектурных рисунков Хасана Фатхи, в том числе были представлены проектные чертежи деревни Новая Гурна.

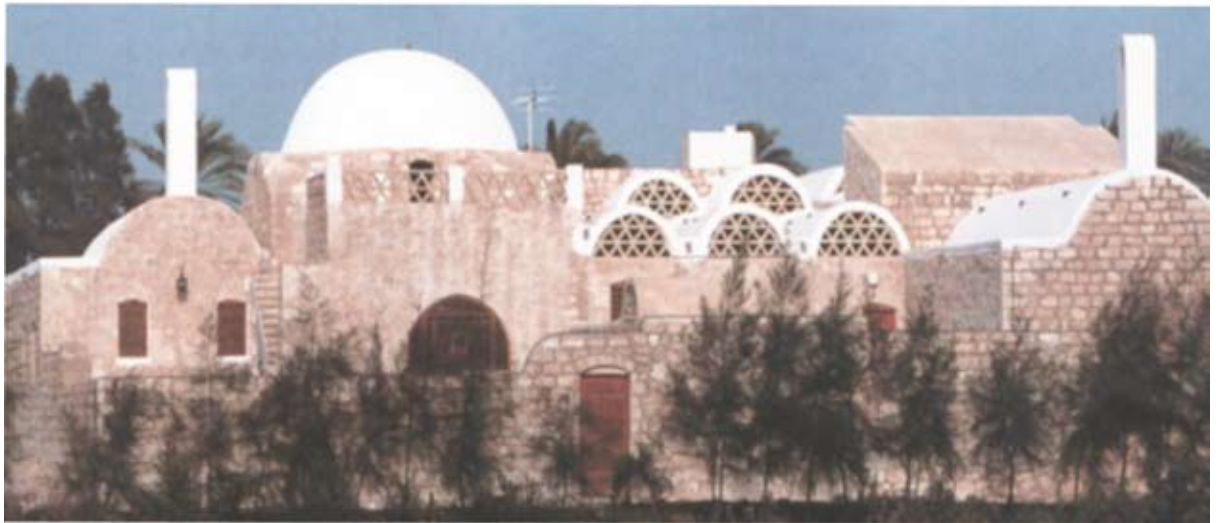
Хасан Фатхи оставил значительный след в истории архитектуры, изменив ее вектор в сторону экологического и гуманистического подхода. Приверженец традиционного художественного языка, Фатхи, используя проверенные веками материалы и конструкции, тем не менее смог предвосхитить в своих проектах то, что в будущем захватит умы многих архитекторов, а именно экологичную, энергоемкую архитектуру.

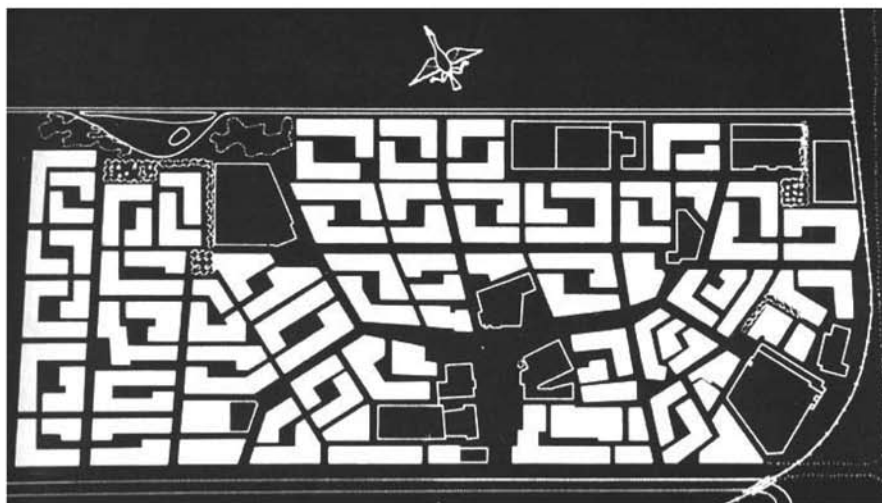
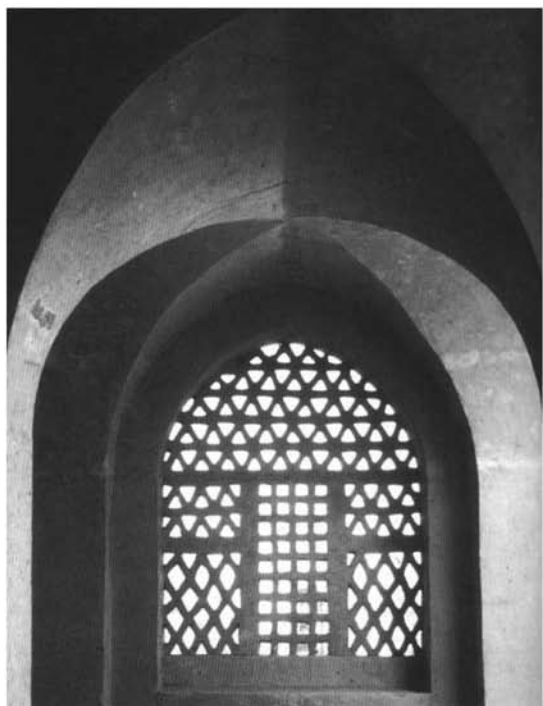
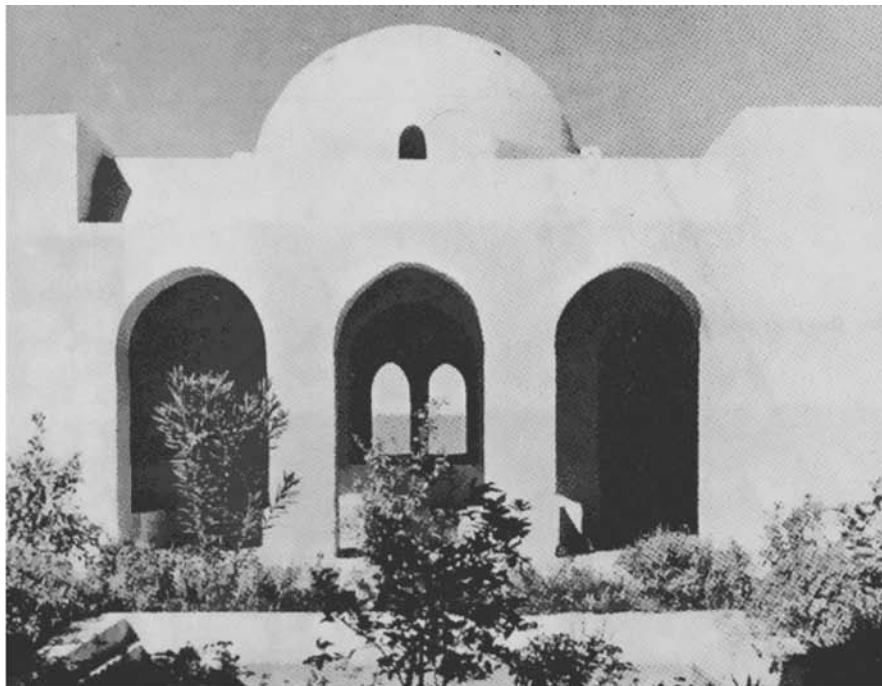
¹ Саман – строительный материал из глинистого грунта, высушенного на открытом воздухе.

Об авторе:
Мария Алексеева – искусствовед, аспирант
ГАИЖСА им. И.Е. Репина

Социалистический реализм: первый опыт в архитектуре Варшавы

Текст: Ирина Бембель

Освобожденная Варшава лежала в руинах. Город был разрушен настолько, что звучали даже предложения о переносе столицы в другое место. Однако очень быстро стало ясно, что варшавяне сделают все для восстановления своего любимого города в кратчайшие сроки.

Ансамбль Маршалковской улицы с площадью Конституции стал первым крупным объектом, построенным в возрождающейся польской столице. Он стал наиболее репрезентативной частью крупного Маршалковского жилого района (польская аббревиатура – MDM), возводимого в исторической зоне Варшавы. Параллельно совсем неподалеку шло восстановление из руин Старого города.

Маршалковская улица как одна из главных столичных магистралей существовала уже несколько столетий (первоначальное ее название – Белинская), связывая через центр северную и южную части города. Поэтому неудивительно, что было решено именно с нее начать строительство новой, социалистической Варшавы. При этом ее прежний прогулочно-торговый характер должен был уступить место новому, «рабочему» облику. Однако исходное место начала реконструкции было выбрано не сразу. В конце концов остановились на большом участке Маршалковской улицы, идущей от площади Люблинской унии к центру, на север, до улицы Вилчей. Как явствует из плана, в этой зоне сохранилось совсем немного довоенных зданий, что давало архитекторам достаточную свободу для задуманных грандиозных преобразований.

Автором идеи будущей площади Конституции стал Александр Вольский – глава Комитета по строительству жилья для рабочих (ZOR). Это учреждение было создано в 1948 г. как центральный инвестиционный орган государственного жилищного строительства, обеспечивающий реализацию государственной политики в этой сфере. По мысли Вольского, строительство Маршалковского жилого района должно было стать «пробой революционного вторжения новых принципов социалистического строительства в центр существующего столичного города» [1].

Проектная мастерская MDM была образована 1 марта 1950 года на основе коллектива, работающего над строительством трассы Восток – Запад с прилегающей жилой застройкой. Ее возглавил Юзеф Сигалин (1909–1983), входивший в Комитет восстановления Варшавы, первый главный архитектор польской столицы (1951–1956).

Основополагающей идеей стало создание репрезентативной столичной площади, способной взять на себя роль общественного форума, места народных шествий и демонстраций, а в градостроительном плане новая площадь завершила бы собой расширенный к северу от нее участок Маршалковской улицы.

Окончательная версия проекта была утверждена к реализации 25 августа 1950 года, а 1 сентября начались работы по закладке фундаментов. MDM была самой приоритетной на тот момент стройкой; для ее реализации не существова-

ло ограничений в людях, материалах и денежных средствах. Единственным ограничением было время: в феврале 1951 г. президиум польского правительства назначил срок окончания строительства центральной части Маршалковской улицы с площадью Конституции на 22 июля 1952 года.

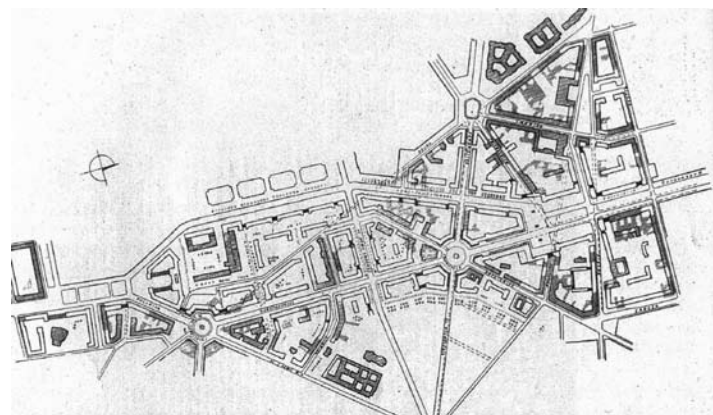
Предусмотренные проектом габариты площади, а также почти трехкратное расширение улицы к северу от нее требовали разработки нового для Варшавы типа здания соответствующего масштаба и массы. В то же время, учитывая общую «установку на наследие», такая задача стилистически укладывалась в русло развития польского «народного традиционализма» – монументального стиля 1920–1930-х годов. В поисках прототипов «народной формы» один из авторов, Зыгмунд Стенпиньский, обратился к творчеству варшавского зодчего Яна Хеуриха (1873–1925), а также к элементам архитектурной декорации Краковского предместья. И все же решающим слагаемым в становлении «социалистического реализма» (аналог нашего «сталинского ампира») в архитектуре Польши стал новый масштаб сооружений и общественных пространств.

Как видно из плана, расширение Маршалковской улицы по западному фронту и образование новой площади создавали нежелательную для классицизирующего ансамбля асимметрию. Существовал вариант аналогичным образом расширить Маршалковскую улицу к югу, в направлении площади Спасителя, но в этом случае возникла бы идеологически невыгодная и притом весьма эффектная перспектива на необарочный собор XIX в. – главную доминанту площади. Рассматривалось даже предложение о демонтаже башен собора с целью уменьшить его визуальное воздействие, но, к счастью, партия не решилась пойти на обострение отношений с костелом, поэтому башни оставили на месте, но и улицу не стали расширять. Вместо этого в юго-западном углу площади Конституции была пробита новая магистраль – улица Людвика Варыньского, решающая проблемы транспортных потоков.

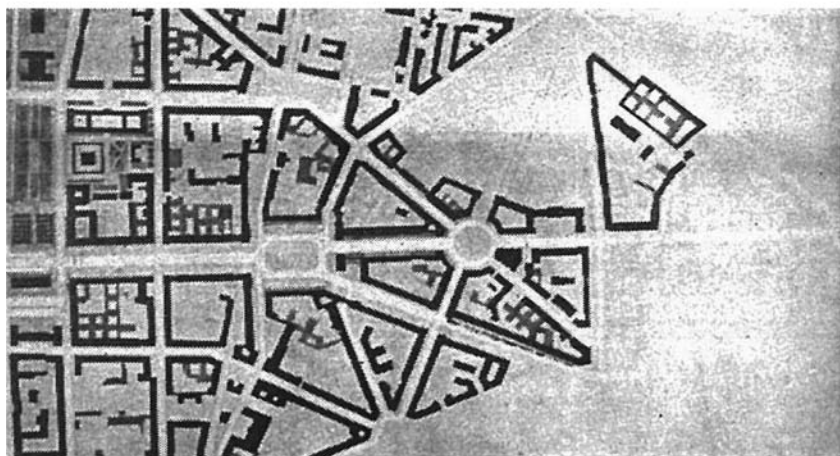
Композиционная логика требовала завершающего акцента в южной части площади, который должен был пластически «закрепить» нарушение симметрии. Одним из вариантов стало размещение там трех монументальных скульптур, тематика, размер и форма которых должны были определиться в результате конкурса. Помимо задачи урбанистического акцента, скульптуры должны были также выполнять идеологическую функцию, уравновешивая роль костела Спасителя на соседней площади. Альтернативный проект предусматривал возведение на месте развилки двух улиц в юго-западной части площади высотного здания, но эта

План Маршалковского жилого района.
Пунктирные линии обозначают довоенные улицы, серое поле показывает сохранившиеся здания. 1951

План довоенного Маршалковского жилого района, состояние на 1945 год

Проект нового MDM. Серым цветом обозначены уничтоженные здания, черным – уцелевшие

мысль не получила поддержки.

10 апреля 1951 г. правление Союза польских художников объявило Скульптурный конкурс MDM. Непростую задачу составлял выбор тематики трех скульптур. Как вспоминал З. Стенпинский, если героями становятся крестьянин и рабочий – «то кто третий? Или: если Маркс, Энгельс и Ленин – то что делать со Сталиным?» [1]. Так или иначе, ни один из представленных на конкурс проектов не был признан удовлетворительным. Как-то на очередном заседании с участием первого секретаря компартии Польши Болеслава Берута тот критично оценил скульптурные эскизы, а затем вспомнил, что видел когда-то в Одессе высокие канделябры, и предложил подумать в этом направлении. Окончательную версию монументальных декоративных светильников разработал Ян Кнозе. Канделябры обозначили три новые оси площади и сгармони-

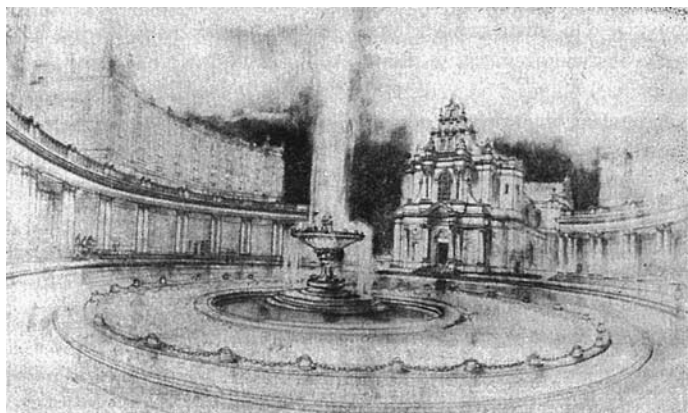
зировали асимметрию пространства.

Сегодня можно с уверенностью признать, что мысль Берута оказалась верной. Вместо сомнительных в идеологическом и формальном отношении фигуративных монументов площадь получила универсальную классическую декорацию, отвечающую ее столичному статусу. Среди близких по времени аналогов можно привести виа делла Кончилиационе в Риме с ее мощными канделябрами, формирующими необычайно торжественную перспективу в направлении от Тибра к площади Святого Петра.

Что же касается собственно скульптуры, то она была использована на прилегающих к площади Конституции участках. Так, на фасадах протяженных симметричных домов между площадью Конституции и площадью Спасителя были размещены барельефы, символизирующие польский народ. Восемь монументальных изваяний изображают шахтера, металлурга, железнодорожника, каменщика, земледельца, воспитательницу с подопечным, учительницу и текстильщицу. Мужские фигуры трактованы как стражники, охраняющие покой социалистического города. Уже современники отмечали излишний схематизм и избыточный масштаб этих суровых рельефов. Наряду с ними были выполнены более лирические, «необарочные» композиции для увенчания прилегающих к площади Конституции домов по улицам Пенкной и Кошиковой, с аллегориями изящных искусств. Удачным примером монументальной декорации можно считать четыре мозаичных панно в углубленных нишах главных зданий площади Конституции, изображающих времена года. Отсутствие пафоса, мягкий фольклорный характер изображения, колористическая гармония – вот неоспоримые достоинства этих изображений, к сожалению, не слишком удачно расположенных на высоком расстоянии и в невыгодном освещении.

В северной части площади, не получившей своих пластических акцентов, доминировали два мощных дома, выполнявших роль пропилей или кулис, открывавших новую перспективу Маршалковской улицы. Ее завершением должен был стать проектировавшийся в это время Дворец культуры и науки. Цокольную часть этих домов венчают рельефы, посвященные строительству MDM. Человеческий масштаб и мягкая моделировка выгодно отличают их от барельефов, размещенных в направлении площади Спасителя.

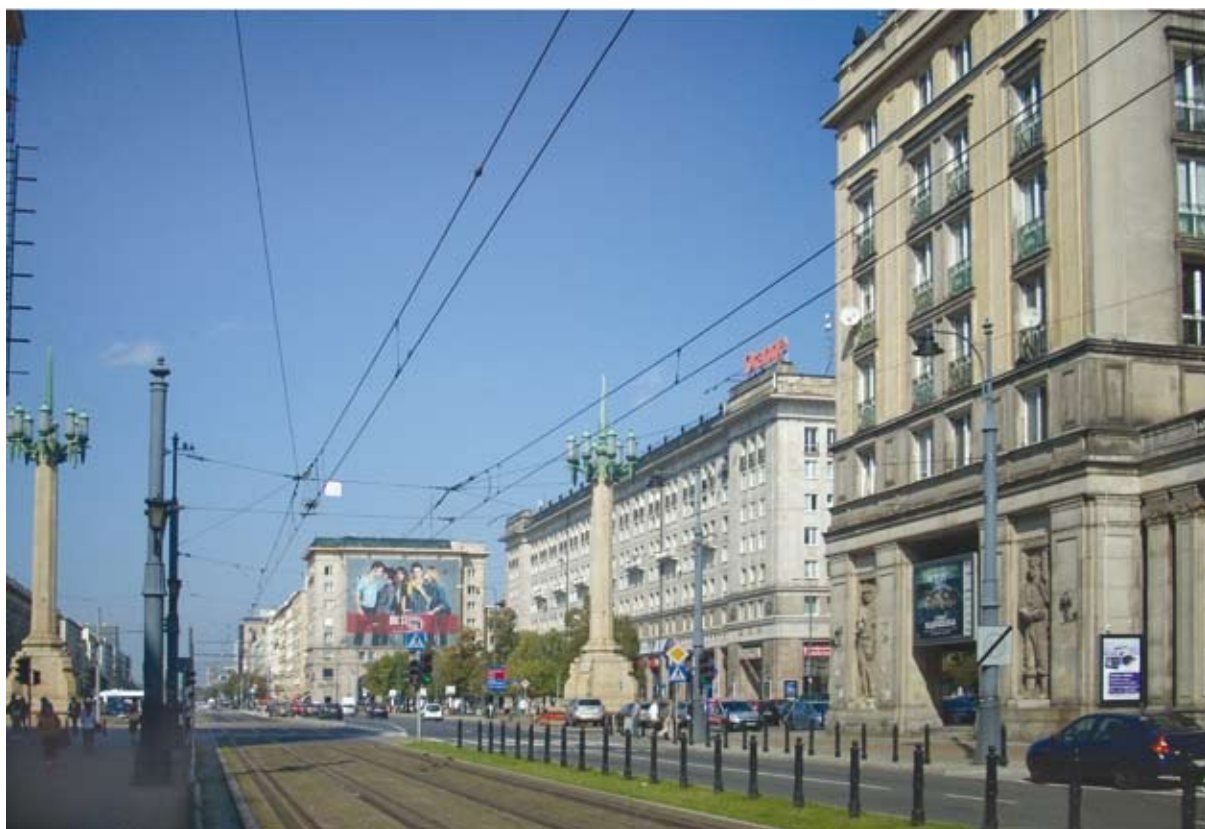
Новый район для рабочих стал новым центром Варшавы. Он зримо воплощал в жизнь лозунг Берута о переселе-

Ян Кнозе. Проект новой застройки площади Спасителя, предусматривавший демонтаж башен костела.
1-я половина 1950-го года

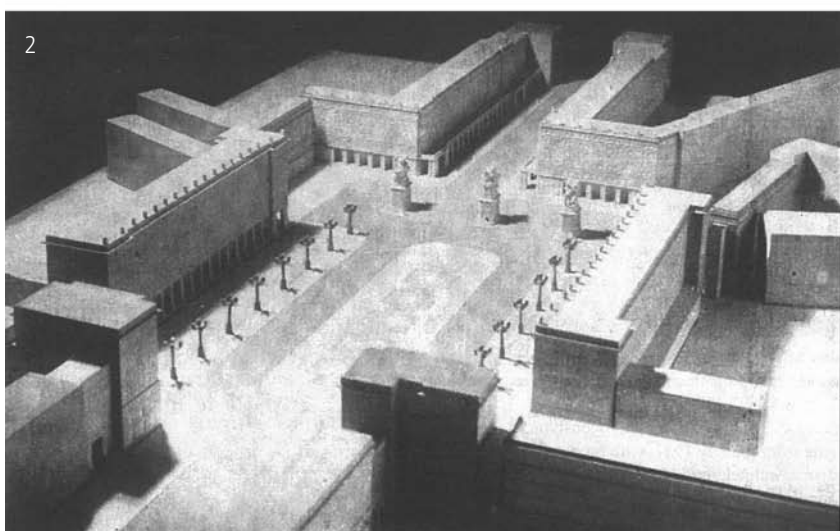
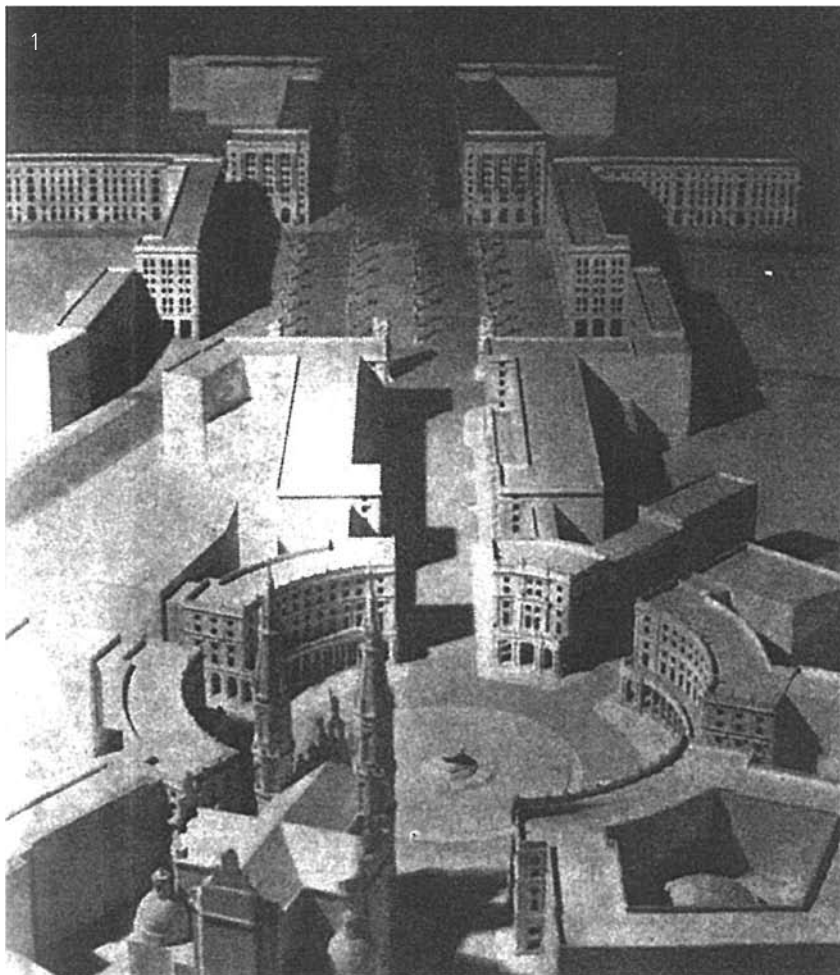
Площадь Конституции после открытия. Вид в северном направлении.
Июль 1952

Маршалковская улица с площадью Конституции.
Фото: Ирина Бембель

1. Площадь Спасителя и прилегающий участок Маршалковской улицы с площадью Конституции. Макет середины 1951 года

2. Площадь Конституции. Вид в южном направлении, включающий 3 скульптурных монумента. Макет. Январь 1951 года

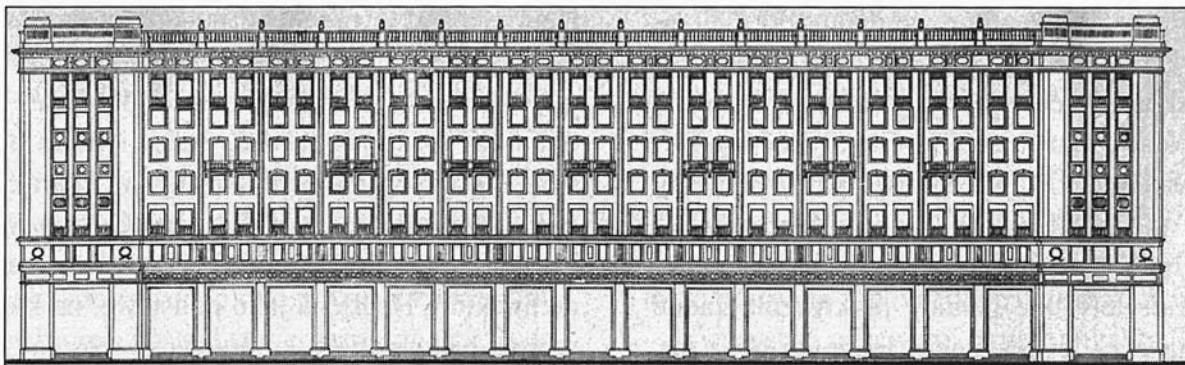

нии трудового народа в сердце столицы. Он наглядно отразил произошедшие в Польше социальные преобразования, а вместе с ними и революцию в градостроительстве. MDM стал альтернативой довоенной Маршалковской улицы с ее стихийной невысокой застройкой и процветающей мелкой частной торговлей. Теперь в новых домах разместились огромные государственные магазины, отражающие процветание социалистического города и его жителей.

Как это было и у нас в стране, громкий лозунг не отражал реальности. Согласно имеющимся данным о первых жителях MDM, при распределении 150 квартир только 30 достались рабочим, а остальные 120 – служащим. Большинство из этой группы занимало высокие, руководящие посты и заселялось в более просторные и комфортабельные квартиры.

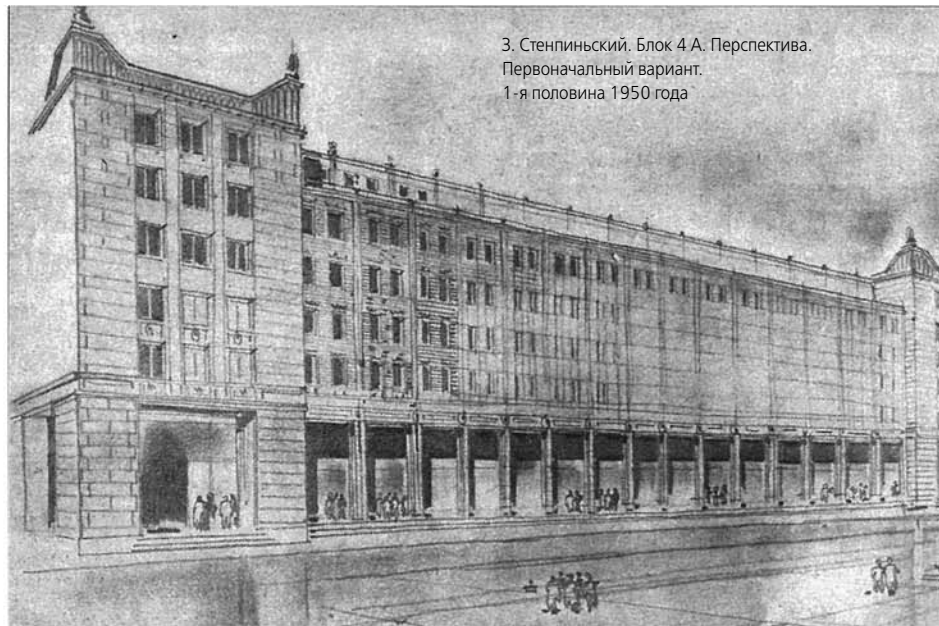
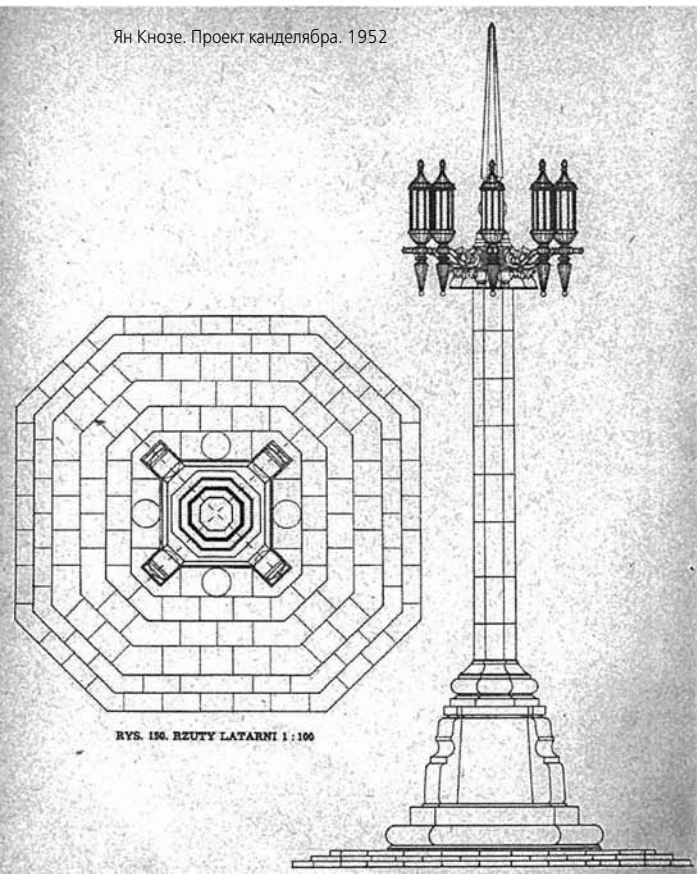
«Несмотря на целый ряд недостатков (исключительно периметральная, сплошная застройка кварталов, уничтожившая ландшафтный характер территории бывшей загородной Станиславской оси, использование в качестве "промежуточных образцов" некоторых не лучших произведений рубежа XIX-XX вв.), Маршалковский жилой район и особенно его центр – новая площадь Конституции – воплотили настроения своей эпохи. Были созданы эталоны новой градостроительной среды: просторной, четко композиционно организованной и сдержанно-представительной. В использовании здесь классицистических архитектурных форм не было механистичности – архитекторы... "осовременивали" ордер, архитектурные детали, вводили в декоративные мотивы новые символы, одним словом, это не было повторение известных образцов, но свободное творчество, в котором лишь классицистическая тема непосредственно соотносилась с наследием Варшавы» [2].

В постсоветское время польские исследователи не раз отмечали агрессивность и деструктивность вторжения нового ансамбля в историческую ткань города, а также его «камуфляжный» идеологический характер. Однако непредвзятому взгляду туриста, впервые приехавшего в Варшаву, этот ансамбль отрывается иначе. Маршалковская улица, отражая статус одной из главных столичных магистралей, разворачивает перед ним целый ряд захватывающих сюжетов, органично включающих старые лучевые площади, сохранившуюся довоенную застройку и монументальные сооружения социализма. Начиная от площади Спасителя со стройным и нарядным собором, зрелище становится особенно эффектным: магистраль развивает свою перспективу

З. Стенпинский. Блок 4 А. Фасад, окончательная версия. 2-я половина 1950-го года

Ян Кнозе. Проект канделябра. 1952

З. Стенпинский. Блок 4 А. Перспектива. Первоначальный вариант. 1-я половина 1950 года

З. Стенпинский. Два дома (так называемые «Большие ворота») и обелиск в северной части пл. Конституции. Проект 1-й половины 1950 года

через монументальный коридор пилонов, чтобы достичь впечатляющей кульминации в репрезентативном пространстве площади Конституции. Далее уличное русло «успокаивается» в широком и ровном участке к северу от площади, чтобы через несколько кварталов достигнуть главной доминанты не только Маршалковской улицы, но и всей Варшавы – Дворца культуры и науки Льва Руднева (1952–1955).

Представляется, что послевоенные зодчие мастерски справились со сложнейшей задачей адаптации руинированного города к новым реалиям жизни. И сегодня эта страница градостроительной летописи Варшавы может послужить достойным примером ансамблевого мышления, почти повсеместно утраченного в современных условиях рыночной макроэкономики.

Литература

1. Waldemar Baraniewski.
Architektura Warszawy
w czasach stalinowskich.
Marszałkowska dzielnica
mieszkalniowa – symboliczny
kamufaż//Kwartalnik archi-
tektury i urbanistyki. Tom LV.
Warszawa, 2010. С. 49–64.

2. Гольдзамт Э.А.,
Швидковский О.А.
Градостроительная
культура европейских
социалистических стран.
М.: Стройиздат, 1985. С.
152–153.

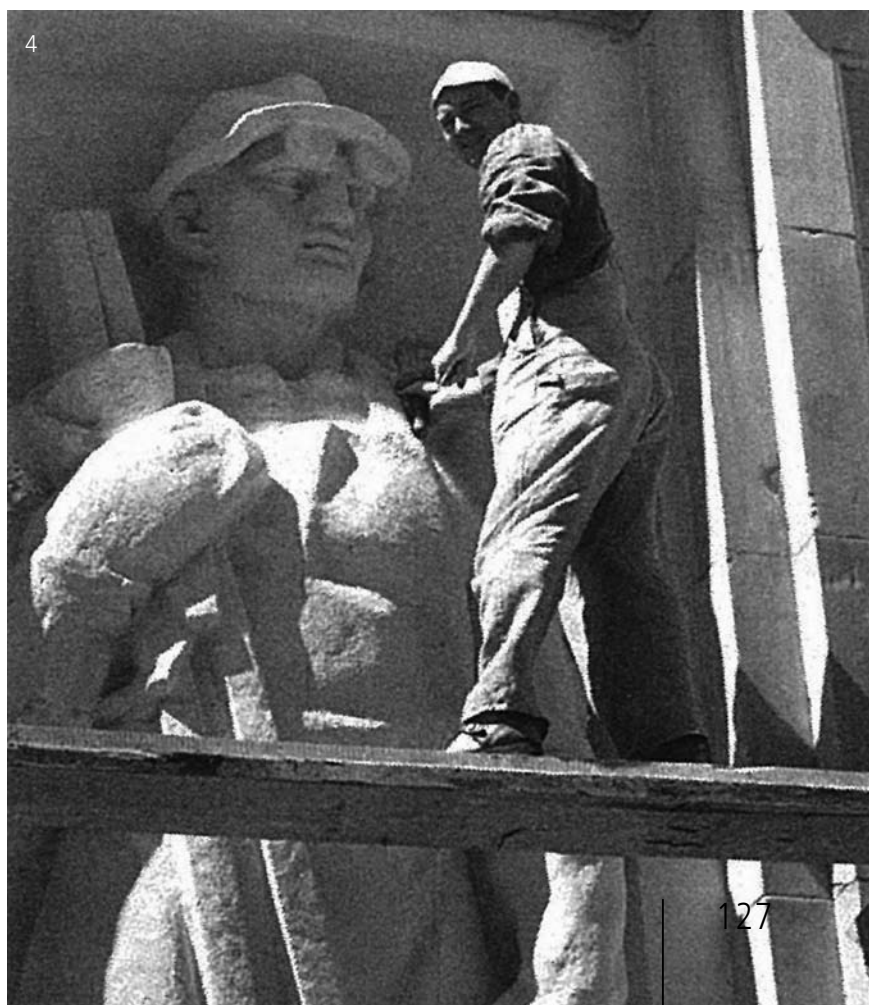

1. Костел Спасителя на одноименной площади.
Фото: Ирина Бембель

2. А. Смоляна. Рельеф
«Строительство МДМ».
Фото: Вальдемар Бараневский

3. Дом на Маршалковской
улице с барельефами.
Фото: Ирина Бембель

4. Ю. Ярнушкевич за работой
над барельефом «Металлург».
Архивное фото. 1952

Ю. Ярнушкевич.
Барельеф «Учительница».
Фото: Ирина Бембель

Ю. Ярнушкевич.
Барельеф «Металлург».
Фото: Ирина Бембель

Светлой памяти архитектора Марины Федоровой

Жизнь и творческие труды глазами сына –
архимандрита Александра

В ночь с 21 на 22 сентября завершила свой земной путь архитектор Марина Александровна Федорова. Слово «архитектор» в данном случае неотъемлемое определение. Мы постараемся в этом убедиться, хотя направленность ее трудов не всегда была привычно-традиционной. Но это лишний раз убеждает нас в том, какой разнообразный потенциал несет в себе архитектурная профессия. Многие коллеги помнят ее по совместной работе в проектных институтах (не только нашего города) и по активной общественной деятельности в Союзе архитекторов в 70-е годы. Не менее инициативным и творческим оказался и завершающий период жизни.

Марина Федорова в конце школы

Марина Александровна родилась в Ленинграде 2 декабря 1939 года. Мама ее, Мария Федоровна, в девичестве Лапонина, – из Подмоскovie, еще в юности приехала в Ленинград; скромно занимаясь шитьем, она своими руками поддерживала в трудные годы семью, но в то же время благодаря этой работе оказалась включенной в разнообразные светские отношения со многими интересными людьми. Папа, Александр Георгиевич Федоров, родился в Петербурге, в купеческой семье (его отец погиб в 1918 году); он был инженером-строителем, работал на небольших административных должностях, очень любил и знал город, его архитектуру, что успел передать не только дочери, но впоследствии и маленькому внуку, названному в честь деда. Александр Георгиевич был и репрессирован, так что некоторое время, в школьном возрасте, Марина, очень любившая отца, и ее старший брат находились в непростом положении. К этому надо добавить недавнее блокадное детство, с упоминанием о чудесных эпизодах спасения семьи: например, машина, в которой эвакуировались Федоровы, сломалась перед самым выездом на ладожский лед, а потом оказалось, что весь эшелон, ушедший вперед, разбомбили... Такого рода случай не был единственным. Затем эвакуация через Новосибирск в Среднюю

Азию, потом Подмоскovie и возвращение в свой город. Так что уже в детстве началось знакомство с необъятными просторами – это все впоследствии пригодится.

Конец 50-х и начало 60-х – время обучения на архитектурном факультете Инженерно-строительного института, время снятия «железного занавеса», а потому очень живой интерес творческой молодежи ко всему, что происходило в мире, в том числе в области архитектуры. Но наибольший интерес у нашей студентки вызывала возможность градостроительной специализации. В то же время это начало живых и плодотворных контактов с коллегами. Вот как уже в нынешние прощальные дни охарактеризовал свою однокурсницу будущий проректор того же института Леонид Павлович Лавров: «Когда передо мною появляется картина студенческих лет, Марина Федорова занимает в ней особое место – это определялось не только ее замечательными внешними данными, но и острым умом, умением говорить с людьми, принципиальностью и дружелюбием. Такой я ее помнил и буду помнить...» В институте Марина знакомится с будущим мужем, Николаем Николаевичем Барановым, представителем архитектурной семьи во многих поколениях. К сожалению, пути их вскоре разошлись, хотя это супружество имело самое доброе продолжение, определившееся рождением в 1961 году сына, ставшего впоследствии историком архитектуры и священнослужителем. Второй брак, с Генрихом Робертовичем Олло – инженером подводных работ по специальности, – продлился семь лет. В 60-х – первой половине 70-х Марина носила такую необычную эстонскую фамилию, так подписаны многие ее проекты.

Если не считать более ранних ее поездок – на Рижское взморье с мамой или самостоятельно в Ялту, в дом творчества писателей, – то первой деловой инициативой, связанной с путешествием, стало прохождение проектной практики в Душанбе. Там же Марина немножко увлеклась конным спортом, что было засвидетельствовано ее малолетним сыном, остававшимся с бабушкой и дедушкой, который вдруг увидел ее в этом необычном качестве на экране телевизора... Кстати, в юности и некоторые другие виды спорта были ей не чужды.

Темой дипломного проекта стала планировка города Петрокрепость с созданием музейного комплекса при крепости Орешек. Работа эта, с одной стороны, градостроительная, требовавшая как функциональных, так и композиционных решений для небольшого городка, и в то же время она направлена на бережное отношение к памятнику, при поиске новых форм в исторической среде.

Дальнейшая, уже взрослая, творческая биография Ма-

М.А. Федорова. Вид из окна дома. Акварель

рины Александровны легко делится на четыре части по основным местам ее пребывания и трудов: Красноярск, Ленинград, Ереван и уже постсоветский Петербург. Наверное, не без элементов романтики 60-х состоялось решение после окончания ЛИСИ отправиться работать в Красноярск. Именно здесь за несколько лет, работая в институте «Красноярскгражданпроект» до 1968 года, она сформировалась как профессиональный архитектор-градостроитель. В огромном количестве работ по Красноярскому краю как автор или соавтор она участвовала за это время: проекты детальной планировки районов Красноярска и Канска, генпланы Енисейска, поселка Нижний Ингаш, городов Шагонара, Туры и многое другое. При этом каждый раз требовались вхождение в жизнь конкретного города или поселка, встречи с людьми, обстоятельные переговоры с местной администрацией, иногда с забав-

ными эпизодами («Вы нам расчертили всю Туру» или «Это будем строить, а это не будем» – о разных ракурсах одного здания; потом участие в инспекционной поездке по резолюции Брежнева: «Подумайте, что сделать, чтобы народу жилось лучше...»). Однако запомнилось и одно очень деловое и конструктивное заседание под председательством первого секретаря Красноярского крайкома Владимира Ивановича Долгих, с которым потом, спустя много лет, ей еще придется встретиться во время кризисной ситуации в Армении.

После смерти в Ленинграде отца, Александра Георгиевича, в 1966 году пришлось и пятилетнего Сашу взять в Красноярск, но через два года ему надо было идти в школу, и семья вернулась домой. Начался ленинградский период работы. Он связан с двумя проектными институтами: «ЛенНИИП Градостроительства» (который тогда размещался в

М.А. Федорова.
Автопортрет. Рисунок

одном здании со знаменитым «Рубином») и «Ленгипрогор». В этот период объектами творчества Марины Александровны и ее коллег становились в разное время города Казахстана Кустанай и Балхаш, Ярославль и Ярославская область, Ульяновск, север Кольского полуострова. Конечно, были необходимы частые и очень насыщенные командировки. Пригодился и Красноярский опыт, но включение в деятельность названных институтов особо ценно, так как здесь методически отлаживалась та последовательность и поэтапность градостроительных разработок (районная планировка, генплан, ПДП, предшествовавшие проектированию отдельных объектов), чем характеризовалась практика отечественного градостроительства, увы, совсем разрушенная в новейшее время. Но тогда большинство работ находились в различных стадиях осуществления, часто впоследствии с какими-то корректировками, однако это был живой, творческий и одновременно коллегиальный процесс, функционально взаимосвязанный с самыми разными сторонами жизни общества.

В свою долгую летнюю командировку по Ярославлю и области удалось взять с собой четырнадцатилетнего сына,

на которого огромное духовное впечатление произвели малые русские города и их большей частью разрушенные храмы. После этого, спустя менее двух лет, другая совместная поездка, во Псков, увенчалась крещением Александра, которое в те еще непростые для Церкви годы, по просьбе Марины Александровны, помог организовать замечательный человек, главный архитектор Пскова тех лет, Виктор Федорович Подгорный.

Марина Александровна никогда не занимала административных должностей. Долго была руководителем группы, потом ГАПом. В 70-е годы, наряду с основным профессиональным творческим трудом, она очень неформально вошла в общественную жизнь Ленинградского отделения Союза архитекторов, где через некоторое время ее избрали на должность председателя Совета Дома архитектора, – то есть речь идет не об отделении Союза, которое возглавлял Сергей Борисович Сперанский, а об организации под его началом жизни во всем хорошо известном особняке Половцевых. Тогда в Доме архитектора появился молодежный театр, часто здесь проходили интереснейшие встречи, лекции, курсы занятий для подрастающего поколения. Жизнь Союза, действительно, была ключом.

Но и этот период пришел к концу. Завершался четвертый десяток лет, сын уже поступил в Академию художеств, мама, Мария Федоровна, еще достаточно активна. Как раз тут-то Марина Александровна и встретила свое особо счастливое время. Она познакомилась с удивительным и достойнейшим человеком, зрелым, ответственным и опытным, отцом троих сыновей – Мартином Григорьевичем Микаеляном из Еревана, известным архитектором, автором многих очень интересных работ в Армении. Они вступили в брак, и на 17 лет, до кончины мужа в 1997 году, Армения стала основным местом ее жизни и работы. Можно отдельно говорить об этой сказочной стране, но тогда потребовалось бы слишком много времени. Скажем о новом роде профессиональной деятельности, который начался для Марины Александровны.

Работа в Ереване носила градостроительно-экологический характер. Речь идет о наложении на схему генплана всех зон наиболее неблагоприятных выбросов. При этом возникает возможность достаточно точного определения их источников, что без градостроительной подосновы сделать практически невозможно. Марина Александровна сумела здесь разработать необходимые методики, ей приходилось профессионально общаться с очень широким кругом специалистов разного профиля в разных городах. Работа велась для Еревана, но ее принципы легко могли бы быть применимы к любому другому городу. Противления

1. М.А. Федорова. Южный пейзаж. Акварель

2. М.А. Федорова. Портрет сына. Рисунок

3. М.А. Федорова. Студенческий рисунок головы Аполлона

Марина Александровна
перед отъездом в Ереван

такой работе, конечно, следовало ожидать, так как она часто вскрывала криминальные составляющие экологического состояния города. Тем не менее работа проводилась планомерно и результативно. Все это требовало и большого мужества, и дипломатической мудрости. Последующий развал страны, как и отсутствие у ответственных лиц понимания всеохватных возможностей последовательной градостроительной деятельности, привели к нынешнему нулевому интересу к данным разработкам, которые по сей день в своих многочисленных

томах в Ереване, увы, остаются невостребованными.

Наряду с профессиональными проблемами, в Армении конца 80-х – начала 90-х актуальной стала и общественная позиция человека, равнодушного к происходящему. Межнациональные и межрелигиозные конфликты, приводящие к страданию многих и многих, последующая блокада и экономический кризис были несоизмеримы с тем, что происходило тогда в других регионах распадавшегося государства. Встречаясь с высокими представителями власти еще единой страны, Марина Александровна – человек, имеющий одновременно и сторонний, и внутренний взгляд на события, – как могла, объясняла им причины происходящего. Тем более что некоторые ранее имевшие место деловые встречи «по ту сторону линии фронта» не оставили ни малейшего сомнения в грандиозных геополитических основах конфликта. Россия напрямую столкнулась со всем этим несколько позднее: сколь же важным был опыт-предостережение, прозвучавший тогда из Армении как из своего рода форпоста европейской цивилизации на Востоке!

Незадолго до смерти Мартына Григорьевича супруги совместно проделали одну частную работу, специфичную для середины 90-х. Труд отчасти архитектурный, отчасти административно-организационный. Им удалось помочь

очередной группе военнослужащих, возвратившихся в Россию, обрести постоянное жилье в Петербурге.

Овдовев и через полтора года похоронив маму, Марию Федоровну, Марина Александровна уже постоянно жила в родном городе с сыном. Полтора десятилетия домашнего образа жизни на пенсии оказались не менее интенсивными, чем молодые годы. Активность связана с защитой своего родного и любимого дома на Петроградской стороне, так называемого Дома бывших политкаторжан, где семья жила с конца войны. Это интересное по архитектурному решению конструктивистское здание оказалось весьма уязвимым в новых постсоветских условиях, как и многие другие дома в центре города. Тут была настоящая битва, причем в несколько этапов: с потенциальными, весьма сомнительными, ТСЖ, с «мансардниками», с «рекламщиками» – многим памятна уродливая красная вывеска «АРИСТОН», довлывшая с крыши дома надо всей центральной акваторией Невы. Последняя победа была удостоена даже реплики губернатора, похвалившей жителей Дома политкаторжан за активную позицию. Но главное, что было сделано, – это реальное спасение здания от обрушения после того, как въехавший в дом новый хозяин одной из квартир занялся ее безграмотной перепланировкой с помощью так называемых «дизайнеров»... К 300-летию города фасады планировалось просто «припудрить», но Марине Александровне удалось добиться включения в городскую адресную программу «вновь выявленного объекта КГИОП» для ряда капитальных работ, полностью предотвративших дальнейшее сползание перекрытий. Осталось несколько папок переписки и технической документации, по которым теперь можно было бы создать интригующее детективное литературное произведение.

Горячее участие Марина Александровна принимала в судьбе своего сына, Александра. Так было всегда, во все периоды жизни, даже в ее ереванский период, на который наложились окончание им института, недолгая работа в Ленгипрогоре, служба в армии, аспирантура, начало преподавательской деятельности, принятие священного сана, настоятельства в храме Академии художеств. А последнему периоду соответствовали также служба в Петропавловском соборе, руководство Епархиальной архитектурной комиссией и многое другое. На этих этапах, как и раньше, она не просто становилась свидетелем, но, когда было нужно, давала своевременный совет, оказывала заботу и поддержку. И так до своих последних дней.

Необходимо сказать, что подобную помощь от нее получали многие, и о таких эпизодах следовало бы писать отдельно. В той или иной судьбе остается ее добрый след.

М.А. Федорова.
Планировка Петрокрепости.
Дипломный проект. Макет

М.А. Федорова. Поселок
Нижний Ингаш. Генплан

ЛенНИИПГрадостроительства
(работа в соавторстве).
Кустанай. Макет центра

Вспоминаются, например, ее длительные и вполне успешные хлопоты по устройству в больницу Отта ее невестки (жены старшего сына Мартына Григорьевича), специально приглашенной в Ленинград для благополучного рождения дочери. И еще, что надо отметить, Марина Александровна была принципиальным и при этом до глубины души доброжелательным человеком, общительным с друзьями и родственниками. Она никогда не участвовала в каких-нибудь интригах, не было никакой мстительности или, не дай Бог, желания кому-либо зла. Совсем наоборот.

Последние пять лет Марина Александровна болела и все меньше выходила из дома, но особенно тяжело было в последние полтора года, когда обнаружилось онкологическое заболевание. Оно оказалось неподвластным нашей медицине, но в то же время стало поводом для проявления любви и сострадания со стороны многих активных друзей и помощников. Светлой составляющей почти всего последнего, петербургского, периода, на радость сыну, было постепенное приобщение матери церковной жизни. Большое значение имела помощь ее духовника, священника Академической церкви протоиерея Андрея Лелина. И кончина рабы Божией Марины была истинно христианской. Долгое время, к постоянному удивлению врачей, не появлялись сильные боли – только в последние недели они стали мучить. Однако и самые последние часы были тихими, таким

же был момент ее преставления ко Господу. Перед смертью ушло видимое напряжение и даже исчезли морщины с лица. Оно стало молодым и собранным. Удивительным для многих провожавших и участвовавших в отпевании в храме Академии художеств оказалось то, что при похоронах на пятый день не было никаких признаков тления. Службу совершало все духовенство Академического прихода, а разрешительную молитву прочел отец Андрей.

Чудесным стало исполнение желания усопшей лежать рядом с родителями. Ведь там, на Серафимовском кладбище, в непосредственной близости от родительской могилы, не было бы места, если бы деревце, росшее тут же, не раздвинуло за последние годы своими корнями две соседние оградки. В результате ширина оказалась минимально достаточной... Марина Александровна покоится на этом свободном месте прямо напротив родных – мамы, папы, бабушки и других родственников. Вечная и светлая ей память!

Об авторе:
архимандрит Александр (Федоров) – кандидат богословия, кандидат архитектуры, профессор.

Красноярскгражданпроект
(работа в соавторстве).
Эскизный набросок к ПДП
районов Красноярска

М.А. Фёдорова. Канск.
ПДП центра. Первая
очередь строительства

Торвальдсен и лев

Текст: Ольга Русинова

Бертель Торвальдсен.
Умиравший лев. Модель.
1819, Копенгаген, музей
Торвальдсена

Сейчас хорошим тоном считается высказываться о современной монументальной пластике. Упрекать ее за пошлость и напыщенность, за легкомысленные темы и за ложную многозначительность, за то, что установлена не там, где надо, и за то, что не установлена там, где могла бы быть. Но, заметим, никто и никогда не высказывается по поводу мемориальной скульптуры (единственный, пожалуй, жанр, на который никакие упреки не распространяются). Мемориалы заранее оказываются вне критики: в «пространстве памяти» торжествуют общие, коллективные ценности, а не личные взгляды посетителя, будь он хоть трижды эстет. А жаль, что не говорили – и вряд ли теперь скажут – о советской мемориальной скульптуре с ее пафосно-героической и «сверхчеловеческой» трактовкой темы, и о наследовавших ей пост-советских мемориалах. Жаль, что не говорили – о других выразительных средствах и принципиально иной образности, назовем ее «трагическим героизмом». Без внешней патетики, но с очевидным эмоциональным воздействием. Один из выдающихся примеров мемориальной скульптуры, относящихся к этой линии, принадлежит «холодному» виртуозу неоклассицизма Торвальдсену...

В Швейцарии, как справедливо заметил недавно один русский писатель, «бросаются в глаза дырки в пейзаже, заполняемые в России памятниками»¹. Исторический луг, дерево или склон горы – вероятно, национальная традиция предпочитает обходиться без указаний и напоминаний.

Одним словом, без монументальной пропаганды.

В таких условиях воспоминания всегда останутся частными и будут передаваться от поколения к поколению, какой бы официальный источник их ни породил. И если изредка в Швейцарии все же устанавливаются мемориалы, то они, по необходимости, должны обращаться к отдельному человеку: не всем, но каждому. Впрочем, никакой мемориальный ансамбль с русским имперским размахом здесь невозможен, еще на стадии рождения швейцарские Альпы все равно превзойдут его масштабом и живописностью. Только тогда он не рискует показаться смешным, когда берет в расчет эту каменную природную жизнь, подавляющую любые искусственные формы.

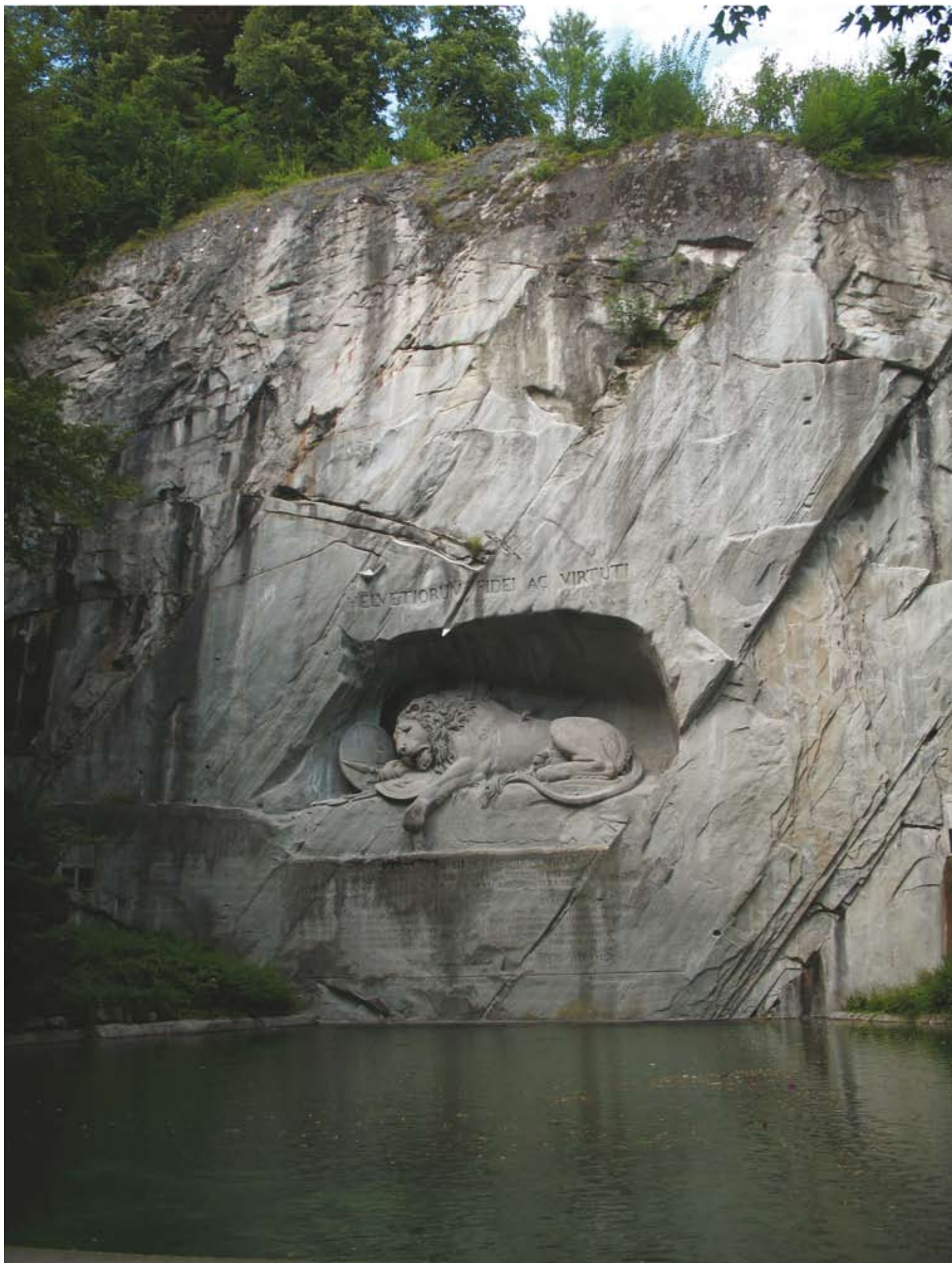
Понятно, что произведение, удовлетворяющее всем этим требованиям, – это или еще не вполне памятник, или уже не совсем памятник: почти невозможно удержаться на грани между ценностями человеческими и официально-государственными, между природой и искусством. Но, тем не менее, в Швейцарии такой мемориал существует. Он был установлен в городе Люцерне в 1821 году по эскизу знаменитого скульптора Бертеля Торвальдсена.

Сейчас его знают под названием «Умиравший лев», и, кажется, этим вполне передается общий смысл произведения. Массивная фигура царственного зверя с откинутой головой и подобранным хвостом покоится в углублении скалы, свесив наружу могучую лапу. Над ним громоздится, отвесно уходит вверх скала, и одновременно – вниз, удваиваясь в водах небольшого озера, разлившегося перед этой каменной стеной. Краткость названия – как единый беглый взгляд, позволяющий схватить массы, пропорции, основные акценты. Взгляд туриста, привычно торопящегося осмотреть достопримечательности.

Одно из первоначальных его названий – «Умиравший лев, защищающий королевский герб Франции». Общая тема насыщается деталями: когтистая лапа в мускульном напряжении застыла поперек щита, открывая взгляду французские лилии. Детали требуют вглядывания и, следовательно, приближения. Головой и всем телом лев навалился на поджатую лапу, на щит с лилиями, под собственным весом откатываясь к задней стене неглубокого пространства, куда толкает его обломок копья, застрявшего в ребрах. Оскалены угрожающе клыки, но в опущенных углах рта и в сведенном надбровье не звериное страдание, а человеческая гримаса боли. В изголовье, оттеняя этот антропоморфный облик, помещен еще один щит – со швейцарским гербом. Он делает пространство теснее, фигуру зверя – массивнее, а его «лицо» – предельно объемным и отчетливым.

Flour-de-lis, королевские лилии, оберегаемые умирающим

¹ М.П. Шишкин. Вильгельм Тель как зеркало русской революции // Иностранная литература. 2006. №2

Пьетро да Кортона.
Динократ, показывающий
гору Афон папе
Александру VII.
Подготовительный
рисунок. Ок. 1655,
Британский музей. © Trustees of the British Museum

²Robert Rozenblum,
H.W.Janson. 19-th Century
Art. 1984. P. 202.

³Romanticism in National
Context. Edited by Roy Porter
and Mikulas Teich. Cambridge:
Cambridge University
Press, 1988. P. 159.

⁴В. Юго. Альпы и Пиринеи.
С. 222. Цит. по: Г. Башляр.
Земля и грезы воли. М.,
2000. С. 188.

⁵Simon Schama. Landscape
and Memory. Paw Prints,
2010. P. 396.

львом, – смысловой центр композиции. Она сохранилась почти неизменной и в первых карандашных рисунках Торвальдсена 1818 года, и в гипсовых моделях, выполненных в 1819 году, когда скульптор уже представлял условия ландшафта и освещения. Идея настолько отчетливо прочитывалась современниками скульптора, что наиболее радикальные из них высказывались против фигуры льва, видя в ней прежде всего традиционный королевский геральдический знак. Подразумевалось, что не следует восславлять память Людовика XVI и что «не слишком много чести» заключается в старой традиции швейцарцев состоять в наемниках у французских

королей. Не вполне понимая их аргументы (или делая вид, что не понимает), Торвальдсен полагал, что изображением льва просто подчеркивается героический пафос².

Здесь следует обратиться к истории памятника, связанной с мрачными событиями Великой французской революции. Она началась в день штурма королевского дворца Тюильри 10 августа 1792 года, когда несколько батальонов, оставшихся в пустом дворце, были буквально растерзаны восставшими. Среди тех, кто тогда сохранил верность королю Людовику XVI, была его персональная гвардия – «швейцарская стража». Замысел памятника, однако, явился частной и очень личной инициативой одного из офицеров гвардейцев по имени Карл Пфиффер, которого в тот день просто не было в Париже. К 1818 году, когда наполеоновские войска покинули страну, он окончательно решил поручить выполнение памятника Бертелю Торвальдсену, датскому скульптору, работавшему в то время в Риме и имевшему европейскую известность.

Художник быстро согласился работать над заказом, выговорив лишь небольшой гонорар

за разработку эскиза и модели. Можно ли предположить, что его вдохновлял роялистский замысел? Если это предположение и соответствует действительности, то он сочувствовал роялистам в значительно меньшей степени, чем его заказчик, уроженец города Люцерн, где преобладали сугубо консервативные настроения: в этом смысле, действительно, мемориал гибели гвардейцев был и данью памяти Старому режиму³. Торвальдсен, судя по всему, почти буквально реализовал предложенную ему программу памятника, допустив лишь немногие изменения. Так, он решил делать фигуру льва не в литом чугуне и не в бронзе, как предполагалось сначала, а в камне той же по-

роды, что и сама скала. Кроме того, скульптор решительно настоял на том, что лев должен выглядеть не мертвым, а умирающим. Все это, и быстрое согласие, и ситуация почти полного взаимопонимания, и корректировка образа, на мой взгляд, свидетельствуют о том, что Торвальдсена привлек не политический, но героический смысл сюжета.

В 1870 году Люцерн посетил американский художник Джон Сарджент. Среди зарисовок, привезенных из его путешествия по Швейцарии, мы находим изображение «Умирающего льва». Исключительно точное «в общем», оно лишено того напряжения, которое сохранялось в оригинале. Лев Сарджента грустит, он печален, как если бы находился в клетке зоопарка. За год до этого Швейцарию посетил другой американец, сейчас известный под псевдонимом Марк Твен. В опубликованном им романе «Простаки за границей» он посвящает несколько строк памятнику: «...повсюду вокруг зеленеют трава и деревья. Умиротворяющий уголок леса хорошо сокрыт от шума, суеты и беспорядка – в таком месте и должен умирать лев, не на гранитном пьедестале в людном парке, огороженном вычурными коваными решетками. Люцернский лев будет впечатляющим, где бы он ни был, но нигде так, как здесь».

Важнейшая составляющая памятника – его природный, «натуральный» характер. Торвальдсен имеет дело с материалом, природа которого обманчива и всемогуща. Виктор Гюго в «Альпах и Пиренеях» писал: «Песчаник... наиболее странно замешанный из всех камней... Нет обличья, которого он бы не принял, нет каприза, которого бы у него не было, нет грез, которые он бы не осуществил...»⁴.

Следуя пожеланию заказчика и учитывая удаленность точки обзора (противоположный берег озера), скульптор создает действительно колоссальный монумент, 10 метров в длину и 6 метров в высоту: голова каменного льва превышает рост человека в три раза.

Разумеется, отдельно взятая скала – это еще не грозные Швейцарские Альпы. Тем более что находится она неподалеку от центра города: это все, что осталось от карьера, где некогда добывали песчаник, и ее выветрившаяся поверхность исполосована следами камнетесов. Именно этот карьер, за которым начинается имение заказчика Пфиффера, он и предложил для будущего мемориала, фиксируя память места – и персональную память.

Но мышлению того времени свойственно было в части видеть целое: достаточно и небольшой скалы, чтобы почувствовать ее соприродность альпийским вершинам, да и всем на свете горам вообще. И здесь уместно вспомнить историю о гигантской статуе – возможно, она была знакома Торвальдсену по одной из книг трактата Витрувия. Эта

история, или миф, рассказывает о юном архитекторе Динократе, который предложил Александру Македонскому изваять его статую, вырезав ее в толще священной горы, известной сейчас под названием Афон. Даже если Торвальдсен не читал этот текст, он вполне мог видеть некоторые композиции, созданные по его мотивам: среди них, например, рисунок Пьетро да Кортоны (ок. 1655) с изображением папы Александра VII и каменной статуи на горе.

Еще одно изображение колосса – в трактате знаменитого архитектора Фишера фон Эрлаха 1721 года. Наконец, пейзаж французского художника Пьера-Анри Валансьена, явно выполненный по мотивам «Пейзажа с Полифемом» Пуссена, но с обращенным к зрителю взглядом «геологического гиганта»⁵.

В этом же смысловом поле и колоссальный лев Торвальдсена – произведение, воздействующее масштабом и «природностью». В этом регистре сам образ каменного льва, столь богатый смыслами, прочитывается и как «национальный», как «плоть от плоти» твердой альпийской породы.

Все же он не целиком растворяется в ассоциациях: его патетика – не только жест, но и дополняющая общую картину надпись на верхнем обрезе скальной ниши: *Helvetiorum Fidei ac Virtuti* («Доблести и верности швейцарцев») и вычеканенные по ее нижнему краю имена, вместе с указанием общего числа погибших офицеров и рядовых. Это, собственно, и делает его памятником.

Бертель Торвальдсен.
Язон с Золотым руном.
1803–1821, Копенгаген,
музей Торвальдсена

Бертель Торвальдсен.
Римский воин.
1820–1821, Копенгаген,
музей Торвальдсена

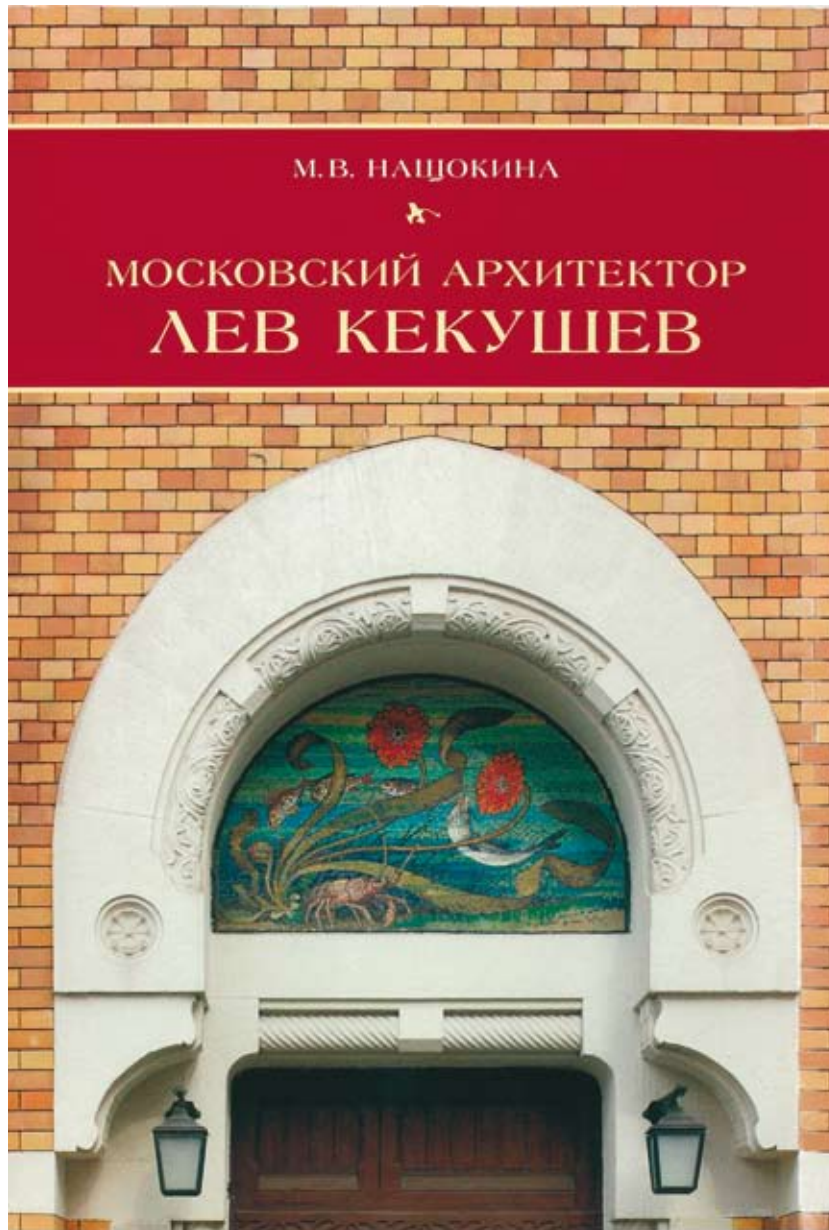
Об авторе:
Ольга Русинова – кандидат
искусствоведения

Первая монография об архитекторе Кекушеве

Рецензия на книгу: М.В. Нащокина. Московский архитектор Лев Кекушев. СПб: «Коло», 2012

Текст: Борис Кириков

Московская архитектура Серебряного века стала для нас намного ближе. В этом заслуга издательства «Коло», выпустившего одну за другой две книги: «Московский модерн» (2011) и «Московский архитектор Лев Кекушев» (2012). И, конечно же, глубоким и детальным раскрытием обеих тем читатель обязан автору этих книг, выдающемуся московскому исследователю М.В. Нащокиной.

Мария Владимировна, завоевавшая прочный авторитет и широкую известность, в последние годы работает – а лучше сказать, творит – с феноменальной интенсивностью и результативностью. С завидным постоянством издаются ее основательные и весьма объемистые труды: «Русская усадьба Серебряного века» (2007), «Наедине с

музой архитектурной истории» (2008), «Античное наследие в русской архитектуре Николаевского времени» (2010), под ее же редакцией выходят сборники Общества изучения русской усадьбы. Совокупность названных и неназванных публикаций одного автора можно приравнять к работе целого НИИ. Причем каждое исследование М.В. Нащокиной является вкладом в науку и в популяризацию наследия.

Новым словом в архитектуроведении стала и книга о Л.Н. Кекушеве. В принципе, монографии об архитекторах – жанр вполне традиционный, многие из них пишутся по устоявшейся схеме. Однако уровень изданий такого рода резко различается в зависимости от того, какие задачи ставит и как их решает автор. Лев Кекушев – один из основоположников и лидеров московского модерна. Имя его всегда было на слуху, а главные произведения давно вошли в историю архитектуры. И все же творчество этого зодчего оставалось в тени его более знаменитого современника Ф.О. Шехтеля, которому посвящено множество публикаций.

Книга М.В. Нащокиной – первая монография о Л.Н. Кекушеве. Это фундаментальный труд, представляющий деятельность

мастера практически с исчерпывающей полнотой, что бывает нечасто, когда та или иная тема рассматривается впервые. Здесь проявились научная обстоятельность и поисковый дар исследователя. В монографии собран и систематизирован огромный фактологический материал, добытый из самых разных источников. Точность и

убедительность интерпретации позволила определить реальный вклад зодчего в архитектурные процессы рубежа XIX–XX веков. Зоркий профессиональный взгляд и литературное мастерство выразились в образцовом композиционно-стилистическом анализе, который преподнесен как живой и динамичный рассказ о сугубо архитектурных тонкостях.

500-страничное издание со многими сотнями иллюстраций разделено на три основные части: «Становление индивидуального почерка. 1890-е», «Творческий расцвет мастера. 1900-е» и «Поздний период творчества. 1907–1912». Избранная структура с выделением групп построек или отдельных зданий логична и обоснованна.

В первой части рассмотрен ранний период деятельности Кекушева. Воспитанник петербургского Института гражданских инженеров, он навсегда связал свою жизнь с Москвой, где его талант был сразу же востребован. Работы по заказам купцов Хлудовых, Т.И. Коробкова, Н.П. Геер и С.И. Мамонтова укладываются в рамки поздней эклектики, подтверждая высокий уровень, гибкость и широту ее метода. Особое место занимает усадьба Грачевка с эффектным главным домом, спроектированным, как отмечено автором книги, по образцу казино в Монте-Карло.

В том же разделе показано, что на исходе 1890-х годов у Кекушева назревает поворот к модерну. М.В. Нащокина прояснила его вклад в создание гостиницы «Метрополь» – важнейшего объекта раннего модерна, осуществленного коллективом архитекторов и художников.

Расцвет творчества зодчего неразрывно связан со становлением нового стиля. Исследователь считает кекушевский особняк А.О. Листа (1898–1899) первым московским особняком, «который можно безоговорочно отнести к произведениям в стиле модерн» (с. 195). С этим утверждением согласятся не все – историю нового стиля в России нередко начинают с более ранних особняков Ф.О. Шехтеля. Важно отметить, что М.В. Нащокина принципиально выступает против расширительного толкования модерна, при котором в его границы включаются синхронные ему неостили.

И рецензент, в общем, разделяет такую позицию.

В книге дан блестящий анализ лучших образцов «кекушевского модерна»: Никольских торговых рядов, особняков И.А. Миндовского и самого архитектора, доходного дома И.П. Исакова и других. Доказано автор-

ство особняка В.М. Асеева в Тамбове, представленного укрупненным планом, что обусловлено, в частности, уникальной сохранностью его интерьеров. Картину творческих исканий мастера в 1900-х годах дополняет характеристика доходных домов и деревянных сооружений, конкурсных проектов и дизайнерских работ. И хотя не все деревянные постройки Кекушева уцелели, дача И.И. Некрасова и особняк В.Д. Носова сохранили свою изысканную детализацию. Невольно напрашивается сравнение с бедственным состоянием гниющих остатков деревянного модерна в Петербурге и окрестностях.

В поздний период, около 1910 года, Кекушев создал такие незаурядные произведения, как ресторан «Эльдорадо» и особняк-музей И.А. Морозова. Вместе с тем в монографии ясно показано, что творческая активность зодчего пошла на спад, главные свершения остались позади, а обращение к классицистическим приемам было данью изменившимся веяниям.

К несомненным достоинствам книги относится определение индивидуального почерка архитектора. Тонкое видение и редкая широта кругозора позволили М. В. Нащокиной выявить в самых разных уголках России предполагаемые постройки мастера, а также сооружения других архитекторов, выполненные под явным влиянием его работ. Таким образом, очерчен обширный ареал бытования кекушевского стиля.

И, конечно, особой заслугой автора следует признать характеристику личности архитектора. Из обрывочных фактов ей удалось рельефно обрисовать портрет Льва Кекушева. Загадочной оставалась судьба зодчего, после 1912 года сошедшего с профессиональной сцены. Запутанные семейные отношения наложили драматический отпечаток на последние годы его жизни. Стараниями М.В. Нащокиной в биографии архитектора многое прояснилось. Хотя точные обстоятельства его ухода, скорее всего, узнать не удастся никогда.

Напоследок – о самом издании. Издательство «Коло» в очередной раз подтвердило свое высокое реноме. Рецензент был свидетелем увлеченной работы его руководителя и сотрудников: А.В. Вознесенского, С.А. Булачевой, Л.А. Козловой. Книга прекрасно иллюстрирована, причем изобразительный ряд слит с текстом в единое целое. Выход издания оказался очень своевременным – в 2012 году исполнилось 150 лет со дня рождения Льва Николаевича Кекушева. Это лучшая дань его памяти.

Архитектурная школа и феномен Петербурга

Рецензия на книгу: С.П. Заварихин. Санкт-Петербург.

Архитектурные сюжеты. СПб: СПбГАСУ – «Студия «НП-Принт», 2012

Текст: Павел Чарушин

С выходом этой книги Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет стал, вероятно, единственным вузом страны, история и результаты деятельности которого подробно представлены в фундаментальной трилогии.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ АРХИТЕКТУРНЫЕ СЮЖЕТЫ

Первая в этой серии («Юбилейная книга СПбГАСУ», 2002) является своеобразной энциклопедией «внутренней» истории вуза. Вторая («Город и зодчий», 2007) была посвящена творчеству выпускников вуза, по проектам которых застраивался Петербург. Изданная в 2012 году, к 180-летию университета, третья монография носит в значительной мере аналитический характер, глубоко и объемно развивая тему «Город и зодчий».

Автор всех трех фундаментальных книг доктор архи-

тектуры, профессор, заслуженный архитектор Российской Федерации, заведующий кафедрой истории и теории архитектуры СПбГАСУ Светозар Павлович Заварихин в своей новой работе поставил задачу подробно проанализировать контекстуальные качества зданий, построенных по проектам выпускников вуза на территории исторического Петербурга. Сама постановка такой задачи вызвана, судя по всему, не только сугубо академическим интересом к ней автора-исследователя, но и ее актуальностью в современной ситуации агрессивного нового строительства в центре города. Сложность этой задачи помимо ее масштабности усугублялась «юбилейным» статусом книги, требующим, согласно негласным установкам, наведения некоего патриотического «глянца» на характер изложения. Каким-то непостижимым образом автор, выпускник ЛИСИ, сумел органично совместить искреннюю уважительность к солидному возрасту alma mater с объективностью критического анализа рассматриваемых архитектурно-градостроительных ситуаций. Но в то же время стремление к максимальной объективности вынудило его подвергнуть критике целый ряд современных построек за их явное несоответствие ценному историческому контексту, за неуместный громоздкий монументализм и

постмодернистские спекуляции на тему весьма раннего, хотя внешне сурового северного модерна.

Поставленная задача и статус книги определили ее структуру. Первая глава, отдавая дань юбилейной «первопричине» издания, кратко излагает историю вуза и освещает его современное состояние. Большое количество выразительных иллюстраций делает эту «обязательную» главу живой и очень наглядной. Вторая глава в емкой, но в то же время яркой и даже образной форме дает представление о

Петербурге как архитектурно-пространственном феномене (глава так и называется – «Феномен Петербурга»). Город здесь выступает в качестве наиболее общего «контекста» для застройки всей его исторической территории, которая является объектом внимания автора в остальных главах, посвященных соответственно двум «островным» районам (Петроградскому и Василеостровскому) и двум «материковым» (пространство между Невой и Фонтанкой и большая территория между Фонтанкой и Обводным каналом). Каждая из этих территорий обладает своей специфической топографией, исторической логикой развития и архитектурным «менталитетом». Все это составляет основу того конкретного контекста, который уже непосредственно влияет (или должен влиять) на архитектурный облик того или иного здания.

Характер многослойного контекста в книге представлен не только в его архитектурной ипостаси, но и в исторически-событийной: почти всегда излагается история и специфика застройки конкретного участка, улицы, площади. Каждое здание, таким образом, включается в непрерывный «поток преобразований», что придает строгой аналитической части текста особую жизненную убедительность и объясняет название «Архитектурные сюжеты».

Материал четырех аналитических глав весьма обширен – почти 140 зданий. И это лишь часть того, что построено по проектам выпускников вуза с середины XIX века, когда гражданские инженеры начали пополнять ряды проектировщиков, традиционно состоявших до этого из архитекторов-художников, военных инженеров, инженеров путей сообщения, выпускников зарубежных вузов и техников. В советское время выпуск архитекторов в вузе (он неоднократно переименовывался) начал быстро расти, и к началу XXI века выпускники СПбГАСУ стали определять архитектурные качества уже большинства зданий, строящихся на территории исторического Петербурга. Тем более важен анализ контекстуальных качеств хотя бы части этих построек.

Реализуя свое твердое убеждение, что об архитектуре нужно говорить без заигрывания с читателем, но в то же время на понятном всем, а не на «птичьем» языке высокомерного «профессионализма», автор придает большое значение литературному качеству аналитического и историко-информационного текста. Архитектура в его изложении предстает некоей живой субстанцией, которую можно не только наблюдать, но и доверительно общаться с ней. Вот как, например, говорится о недавно построенном доме

№ 5 по Крестьянскому переулку (мастерская Н. Явейна): «Стилистика дома формировалась в процессе диалога между заказчиком, который требовательно настаивал на архитектуре в духе северного модерна, и авторами проекта, склонявшими его к современным формам <...> В результате было найдено компромиссное решение, подсказанное архитектурой Петроградской стороны, богатой примерами симбиоза модерна, неоклассики и рационализма. <...> Симметричный семиэтажный дом с планом в виде бабочки и очень пластичными фасадами стал безусловной архитектурной доминантой переулка. Брутальные грубоватые формы (столь свойственные творческому почерку Н. Явейна) и треугольный, «нараспашку» курдонер с высоким арочным проходом по его оси привносят в камерное пространство переулка масштаб Каменноостровского проспекта, шум которого постоянно напоминает о его близости».

Образную аналитику текста дополняют компактные планы участков города, на которых показаны фасадные линии застройки, зрительно взаимодействующие с объектом анализа. Богатый изобразительный ряд (в книге более девяти сот фотографий, включая архивные) благодаря строго продуманному системному дизайну и качеству фотографий обладает высоким образно-информационным потенциалом, а также определяет общую стилистику книги. Текстовый материал не предстает перед читателем устрашающими массивами благодаря его трехколончатой структуре, обогащенной к тому же обязательной иллюстрацией. Такая структура помогает органично включать в композицию разворотов многочисленные постраничные примечания, дополняющие историческое повествование интересной информацией, которая внутри основного текста могла бы разрушить архитектурно-художественную целостность изложения.

Самостоятельную ценность представляет приложение, которое включает в себя 66 максимально подробных творческих биографий питомцев вуза, упомянутых в книге. В целом же, богатый информационно-аналитический материал книги позволяет квалифицировать ее как солидный и очень полезный вклад в петербурговедение. А оригинальная научно-критическая методика осмысления и изложения этого материала делает книгу весьма ценным звеном развития методологии архитектуроведения. Для студентов архитектурной специальности «Архитектурные сюжеты» безусловно станут настоящим пособием по композиционному анализу и архитектурной критике.

О городах, где хорошо детям

Рецензия на книгу: Ян Гейл. Жизнь среди зданий: использование общественных пространств / Пер. с англ. М.: Концерн «КРОСТ», 2012

Текст: Ирина Бембель

теми механическими функциями, которыми модернистская архитектура привыкла ограничивать свою компетенцию.

В минувшем году наконец состоялось долгожданное московское издание «Жизни среди зданий» и других книг Яна Гейла, а петербуржцы имели возможность услышать о принципах работы датского архитектора из первых уст. Не обладая выдающимися ораторскими способностями, он в своем выступлении на форуме «Будущий Петербург – 2012. Запрос на изменения» в немногих словах изложил суть того идеала, к которому должны стремиться архитекторы и градостроители: хороша та среда, в которой комфортно и безопасно детям и пожилым людям. Вот поистине безошибочный тест правильной архитектуры!

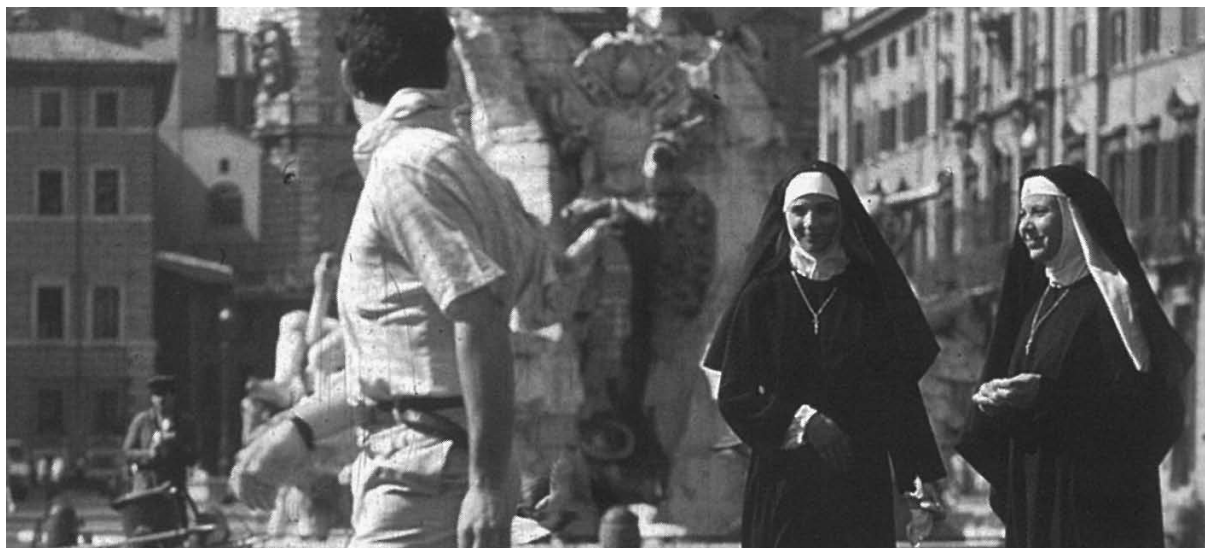
Ян Гейл, архитектор, психолог и социолог, утверждает приоритет жизни между зданиями – «более богатой, стимулирующей и полезной, чем любая комбинация архитектурных форм». Исходя из этого, он добивается возвращения архитектуре ее изначальной, служебной в самом высоком смысле роли. Она должна быть полезной

Мое первое знакомство с книгой Яна Гейла «Жизнь между зданиями» состоялось в Польше: это было ее краковское издание 2009 г. Трудности перевода с избытком окупались «говорящими» картинками – авторскими фотографиями, с помощью которых он систематически и с большой любовью фиксировал свои наблюдения за жизнью горожан, и рисунки-схемы, где он обобщал и подытоживал эти наблюдения. Любопытнейшие иллюстрации со всей очевидностью показывали, что этот архитектор в своей работе исходит не только из конкретного проектного задания, не из планов и фасадов, СНИПов и ПЗЗ, но, в первую очередь, из нужд пользователей будущих зданий и кварталов, то есть рядовых людей, населяющих город. Эти нужды, как свидетельствуют фотографии, далеко не исчерпываются

для людей – дружелюбной, открытой, способствующей естественным контактам. «Люди приходят туда, где есть люди», – гласит старая скандинавская поговорка. Оживленные или мертвые улицы – наглядное свидетельство того, насколько хорошо или плохо качество общественных мест.

Когда Гейл говорит о грубой архитектуре в стиле «50 миль в час», о «Бургер-полосах» с дворцами пиццы, бензоколонками и огромными вывесками – каждый читатель может с болью констатировать, что таков сегодня практически весь постсоветский Петербург (не говоря уже о других российских городах).

Предлагая рецепты излечения больных зон, Гейл вовсе не открывает Америку, а обращается к опыту прошлого.

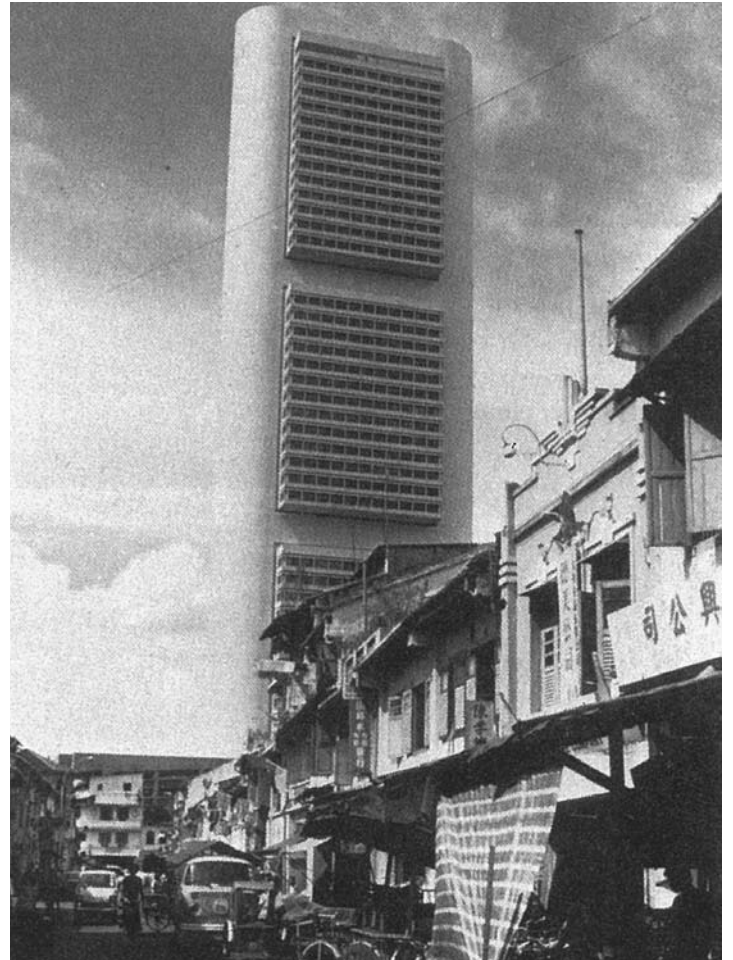
Сравнивая города средневековья, Ренессанса и барокко, ранних фаз индустриализации, города-сады и функционалистские города, Гейл приходит к выводу, что со времен средневековья в действительности произошло лишь два радикальных изменения в идеологии городского планирования: первое связано с Ренессансом, второе – с функционализмом. Эпоха Возрождения знаменовала собой переход от естественно формирующегося города к городу как произведению искусства. Второй поворот произошел около 1930 года, тогда функционально-физические аспекты городов и зданий взяли верх над эстетикой и стали главным измерением проектирования. Отражая материалистический переворот в массовом сознании, функционализм игнорировал психологические и социальные аспекты. Одним из наиболее заметных результатов этой идеологии стало исчезновение улиц и площадей, а как следствие – усугубляющаяся разобщенность горожан. «Если бы команде проектировщиков когда-либо дали возможность сделать то, что в их силах, для сокращения жизни среди зданий, то они едва ли достигли бы более основательного результата, чем тот, что непредумышленно получился в пригородных областях, как и в многочисленных функционалистических схемах перестройки». Соответственно, освоение опыта старых городов может указать выход из тупика. При этом Гейл обращает основное внимание на принцип формирования средневековых городов (примерно 500–1500 гг.), когда «город сам по себе не был целью, он был инструментом, который сформировался в процессе использования. Результатом этого процесса, основанного на множествен-

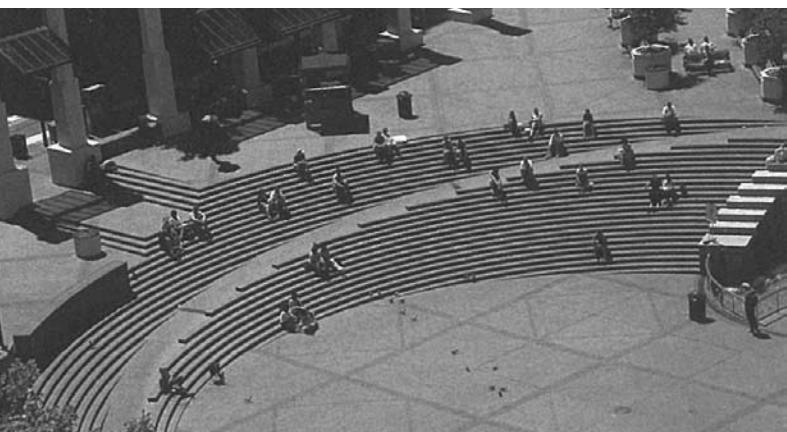
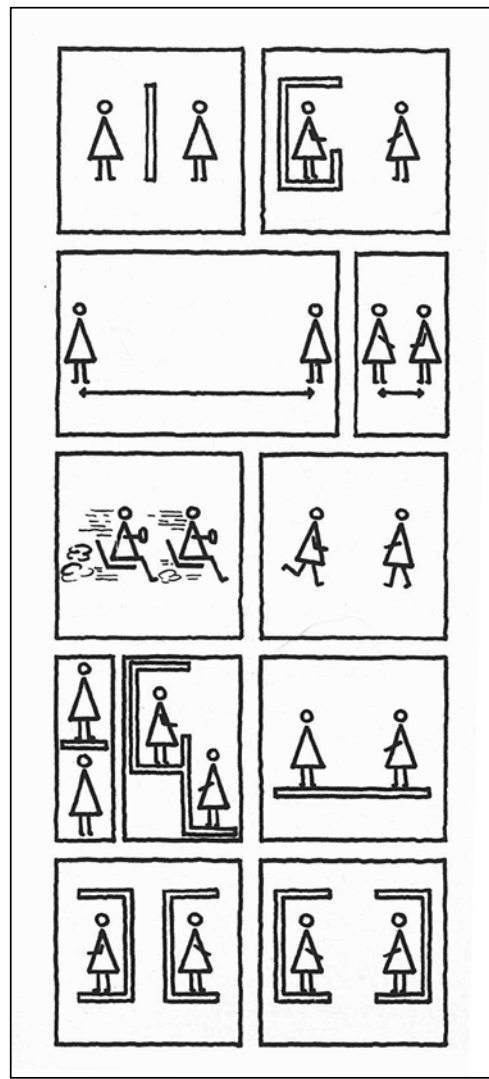
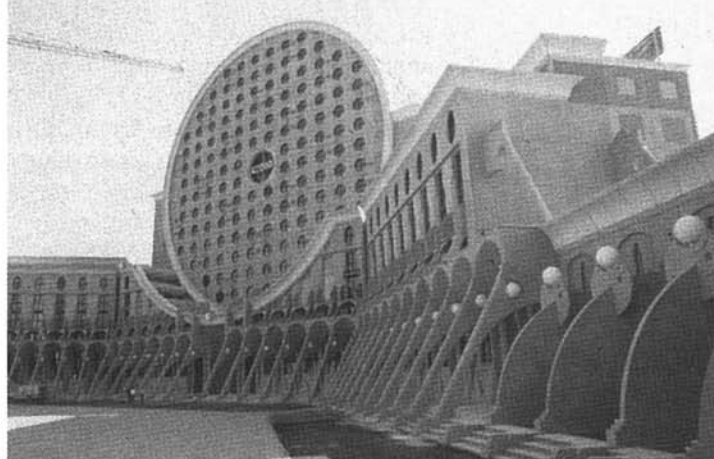
ном опыте, стали городские пространства, которые даже сегодня предлагают чрезвычайно хорошие условия для жизни среди зданий». При этом у градостроителей, при отсутствии планов в нашем сегодняшнем понимании, «было замечательное понимание основ такого планирования».

Первопроходцем в области критики модернистских норм градостроительства выступила еще полвека назад Джейн Джекобс со своей книгой «Смерть и жизнь больших американских городов». Ее бесценные социологические исследования и визуальные наблюдения облегчили путь последующим поколениям.

Приятно и очень важно, что у нас в Петербурге подобные проблемы, но в этическом преломлении, сумел поднять архитектор Ж.М. Вержбицкий в своей книге «Архитектурная культура. Искусство архитектуры как средство гуманизации "второй природы"» (СПб, 2010).

Изданная при поддержке правительства Москвы, книга Яна Гейла в целом похожа своим обликом на предшествующие ее издания: такого же формата, в мягком переплете, с обилием черно-белых фотографий и других иллюстративных материалов, количество которых, как подчеркивает автор в своем предисловии, ныне заметно пополнилось. Немногие опечатки и вызывающие вопросы нюансы перевода никак не влияют на целостное восприятие книги – очень позитивное и многообещающее. Хочется надеяться, что «Жизнь среди зданий» и другие изданные в России книги Яна Гейла помогут нам развернуть архитектуру лицом к горожанам и вернуть «города для машин» людям.

Рисование как путь становления архитектора

Текст и рисунки: Вячеслав Ухов

Вячеслав Орестович Ухов родился в 1946 году. В 1970 году окончил архитектурный факультет Института живописи, скульптуры и архитектуры имени И.Е. Репина, мастерская академика С.Б. Сперанского. По окончании института работал в ЛенНИИпроекте (1971–1979), в ЛенЗНИИЭПе (1979–1985). С 1979 года совмещает работу в области архитектурного проектирования с преподаванием в ГАИЖСА им. И.Е. Репина (с 1996 года профессор архитектурного факультета). С 1991 года по настоящее время является генеральным директором ООО «АПМ Ухова В.О.». Лауреат множества архитектурных конкурсов и премий, заслуженный архитектор РФ, академик МААМ, кандидат архитектуры, вице-президент Санкт-Петербургского союза архитекторов. Наиболее известные реализованные объекты: жилой комплекс на Петровском острове (1999–2000); жилой комплекс «Невский синдикат» на пересечении Северного проспекта и проспекта Тореза (2003–2005); апартамент-отель на Малом проспекте П.С. (2009); жилой комплекс «Водолей» в Сестрорецке (2010).

Рисование создает тексты. Такие тексты могут иметь отношение к разным сферам деятельности человека: рисуют ученые, инженеры, конструкторы – в той или иной степени рисуют все.

При помощи таких текстов люди общаются между собой – высказываются о своей деятельности, разъясняют, поучают и т. д.

Особое место занимает рисунок художника, для которого процесс рисования является одновременно и средством, и объектом постижения в конструировании художественного инварианта мира.

Рисунок архитектора находится в этом ряду, с той только разницей, что он не является конечным продуктом его творчества. Это одно из средств формирования самого архитектора и средств процесса художественного конструирования.

Два противоположных начала: рациональное и иррациональное – составляют основу этой профессии.

Эта двойственность противоположна шизофрении, так как она синтезирована в нерасторжимое целое (бывают исключения) и в максимальной степени проявляется в профессиональном рисовании архитектором объектов его проектирования. Это – то рисование, которое очень редко демонстрируется.

Рисование и художественное постижение окружающего мира необходимо архитектору, чтобы не погибнуть от истощения.

Я убежден, что для архитектора важно рисовать не только архитектурные ансамбли (что также необходимо), а ансамбли естественного мира, так как это было изначально.

Северные широты.
Акварель. 45x50. 1981

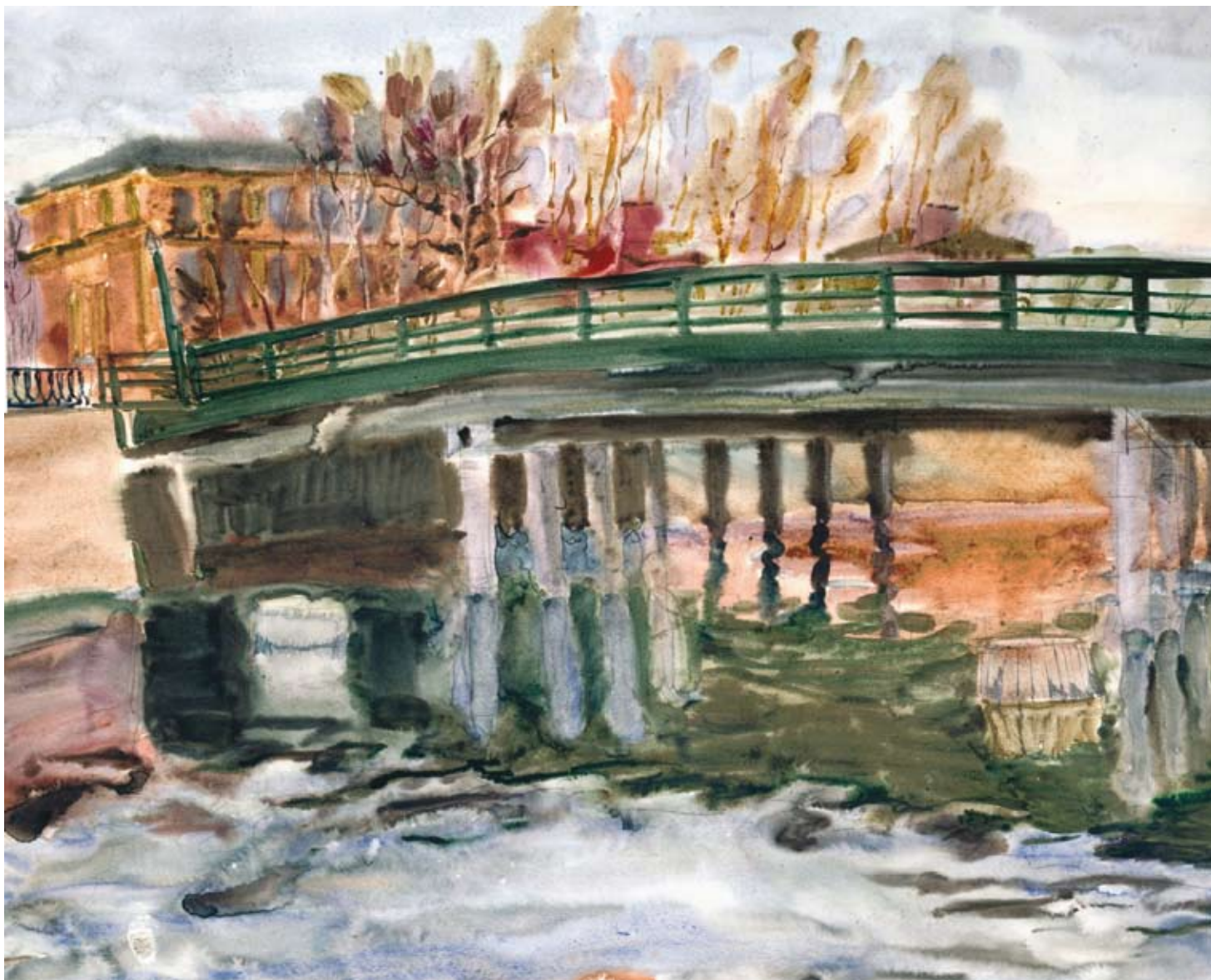

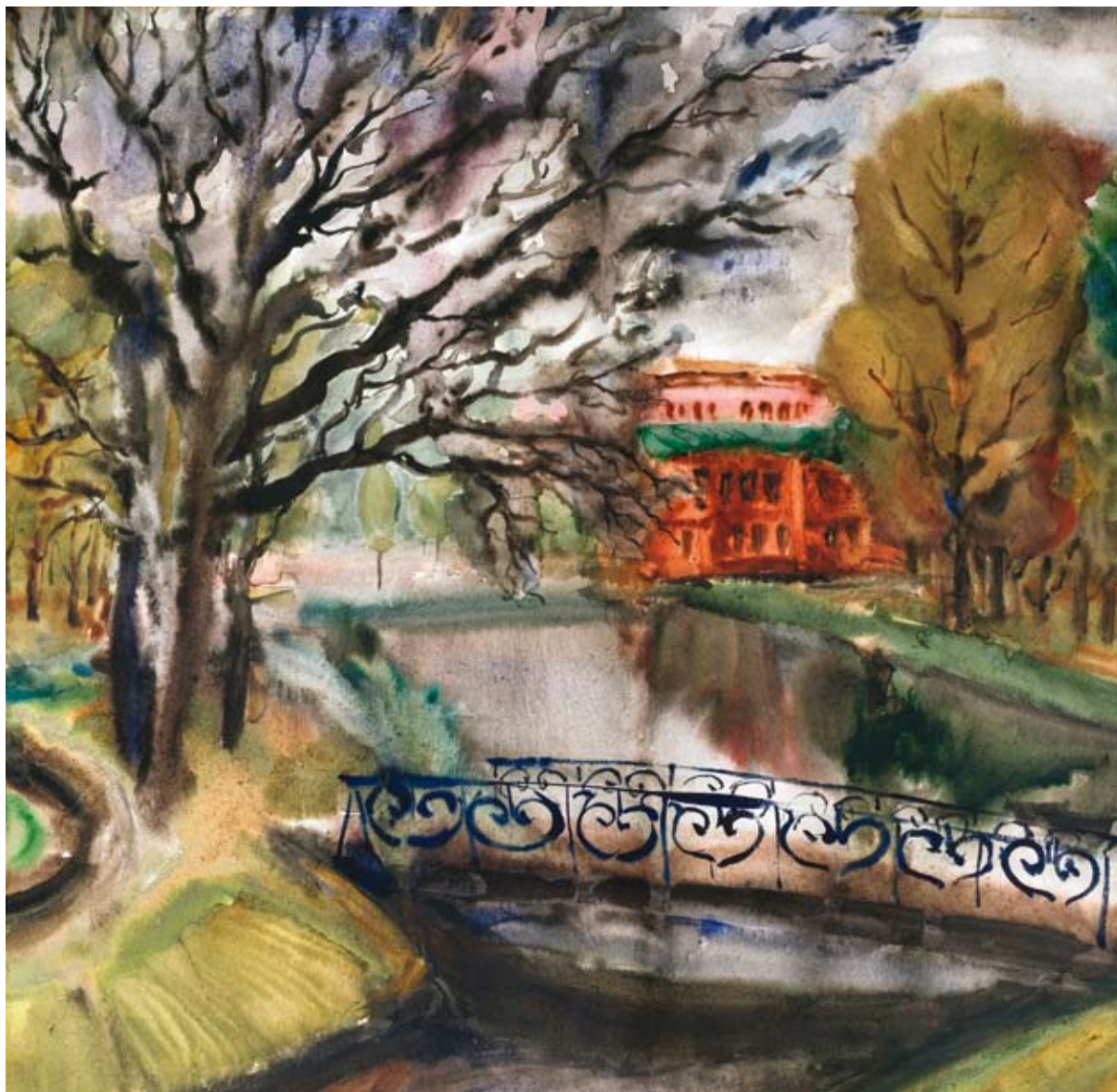
Причал. Акварель.
45x55. 1980

Ладога. Акварель.
45x55.1983

Мост через Карловку.
Акварель. 45x55. 1982

Лопухинский сад.
Акварель. 45х45. 1972

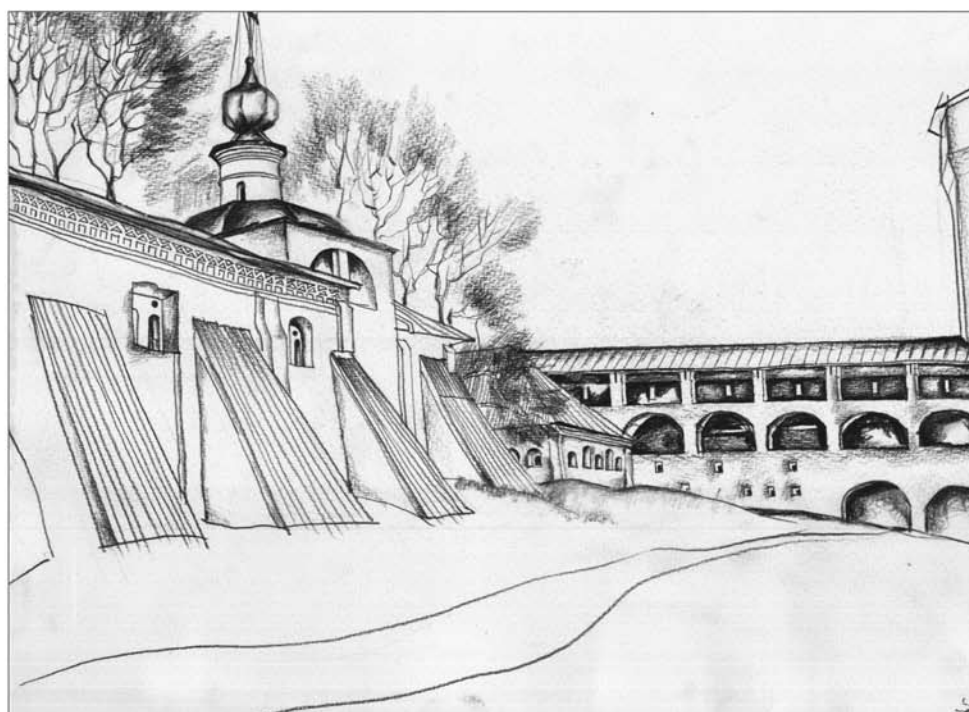
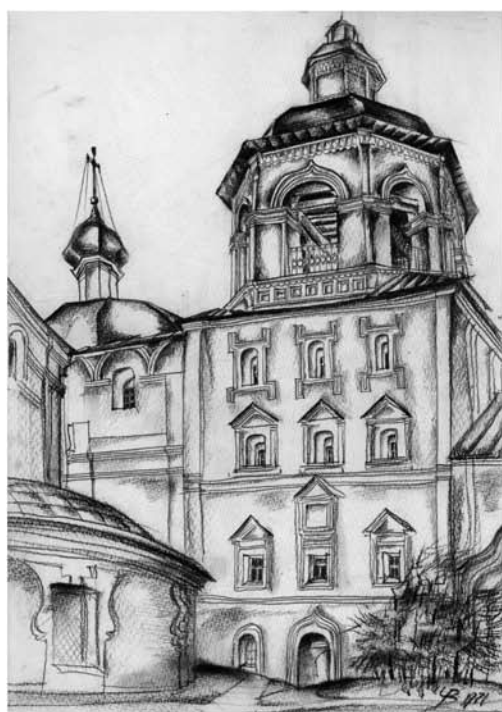

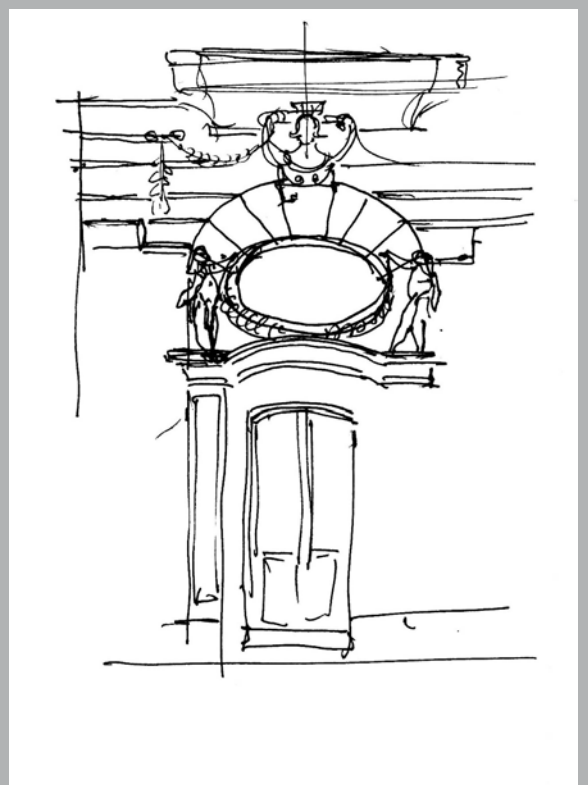
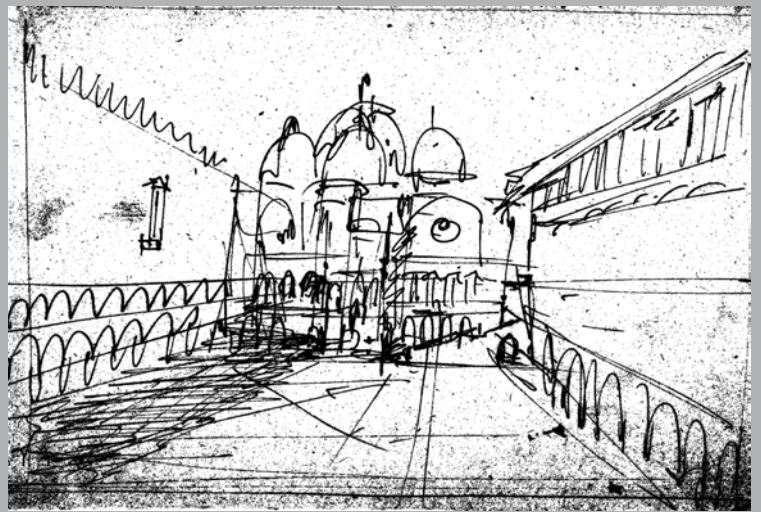
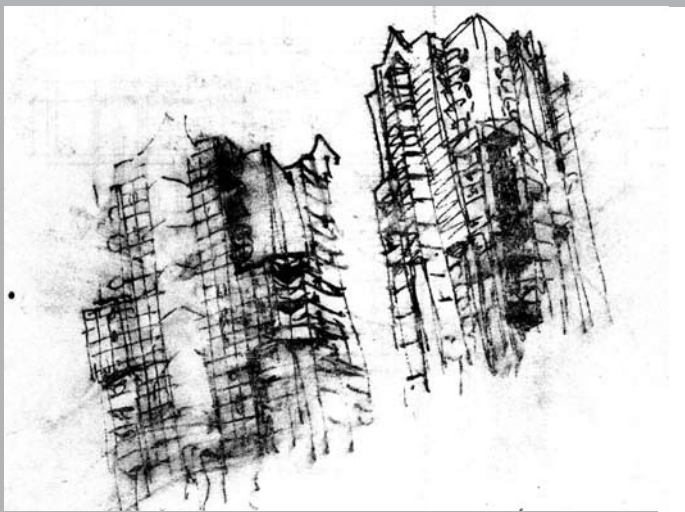
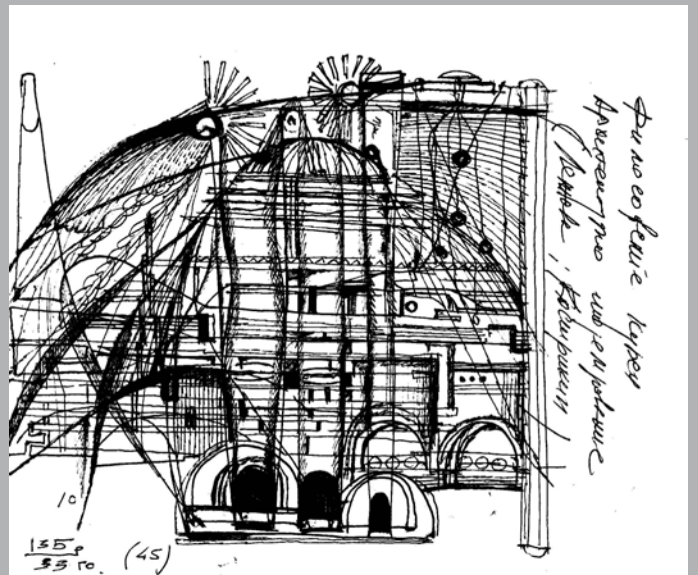
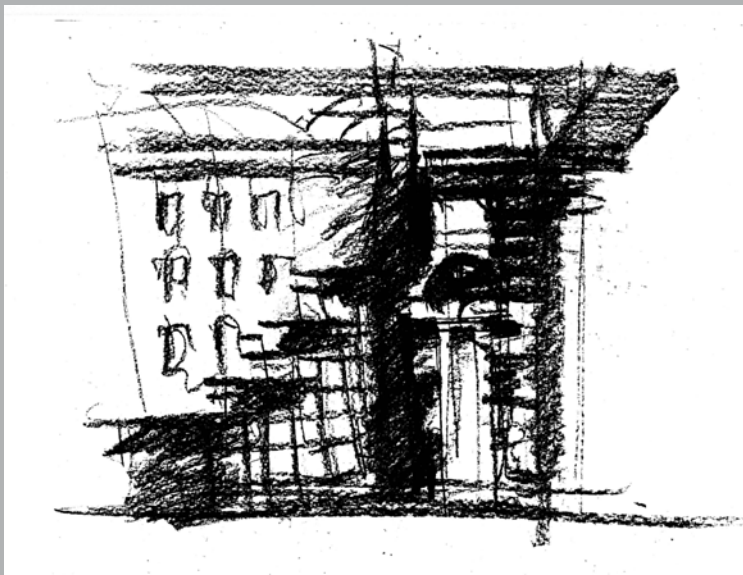
Псков. Путевые рисунки.
1972

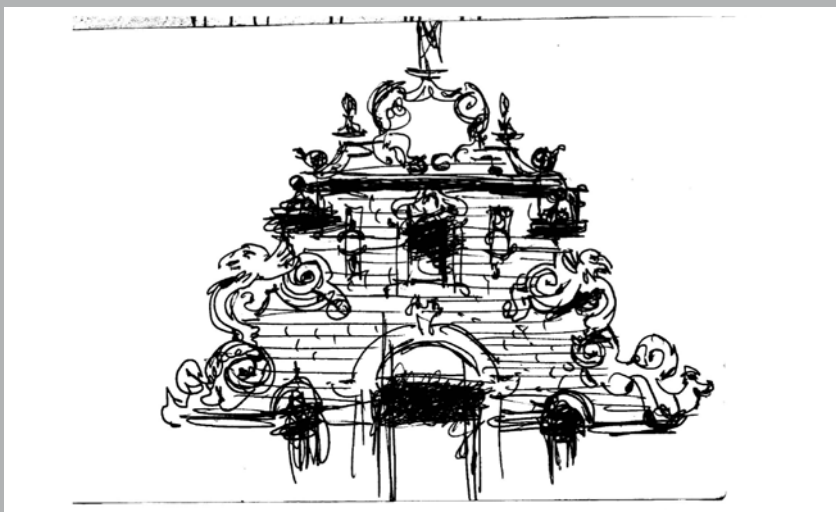
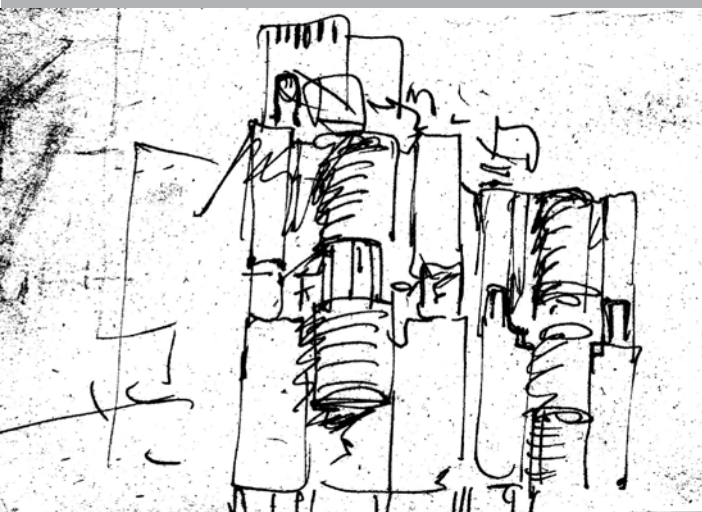
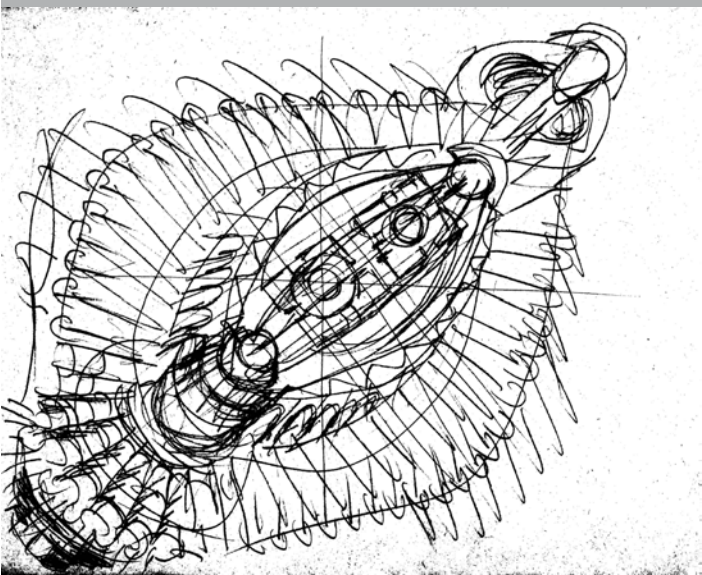

Кирилло-Белозерский
монастырь. Путевые
рисунки. 1971-1972

Новости

для информирования о событиях, происходящих в вашей компании

Реклама

для продвижения компании и проектов в профессиональной среде:

- интегрированная читательская аудитория
- доступ к аудитории, принимающей решения
- позиционирование компании на профессиональном рынке
- продолжительный срок действия рекламы
- положительный имидж издания в профессиональном сообществе

Подписка

для развития компетенции архитекторов, строителей, дизайнеров, производителей

Спонсорство

для продвижения компании на уровне лучшего российского опыта

Учредитель

Геннадий Соколов

Издатель

Издательство Капитель

Директор издательства

Андрей Черенков
kapitel@arhstudia.ru

Главный редактор

Ирина Бембель
ibembel@yandex.ru

Руководитель

отдела распространения
Владимир Ломакин
lomakin@arhstudia.ru

Главный художник

Геннадий Вельте
velte@list.ru

Дизайнер

Ольга Осис

Адрес редакции

195269, г. Санкт-Петербург,
пр. Луначарского, 86/3
Тел. (812) 497-59-09
kapitel@arhstudia.ru
www.kapitel-spb.ru

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой
по надзору за соблюдением
законодательства в сфере
массовых коммуникаций
и охране культурного наследия
(Регистрационный номер
ПИ № ФС77-27509
от 09 марта 2007 г.)

Тираж 3000 экз.
Цена свободная
Типография «Акцент-Принт»,
Беловодский пер., д. 7
Заказ № 229

Подписан в печать
29 января 2012 года
Мнения авторов статей могут
отличаться от мнения редакции.
Редакция не несет ответственности
за содержание рекламных
материалов. Все рекламируемые
товары и услуги имеют
необходимые лицензии
и сертификаты
Рекламные материалы
помечены значком □
Полное или частичное
воспроизведение материалов
допускается с письменного
разрешения редакции журнала

Распространение

Редакционная подписка для
частных и юридических лиц
Курьерская доставка
в Санкт-Петербурге:

- архитектурные мастерские
- проектные, архитектурные и проектно-реставрационные бюро
- проектные институты
- строительные и инвестиционные компании
- компании – производители и поставщики материалов и оборудования
- архитектурные, художественные и строительные учебные заведения
- интерьерные и дизайн-студии
- архитектурные и строительные комитеты органов исполнительной власти
- Городские библиотеки
- Специализированные архитектурные и строительные выставки и форумы
- Розничная продажа в книжных магазинах и киосках Санкт-Петербурга
- Крупные архитектурные и проектные компании Москвы
- Дома архитекторов областных центров России

ВЕСЬ

КОМПЛЕКС ПРОЕКТНЫХ
РАБОТ

Жилые
многоэтажные дома
и комплексы ■
Общественные здания ■
Храмы и церкви

Санкт-Петербург,
ул. Учительская, 3, корп. 2,
тел.: 557-6130, 557-7011
www.arhstudia.ru

ISSN 1991-9689

9 900896 166144

12015

